ISSN 0321-0626

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9 1990

Поезд Троцкого

„...Тех же, кто будет проявлять невнимание и недобросовестность, не только буду лишать суточных, но и подвергать каре за каждое упущение".

Л. Д. ТРОЦКИЙ

"Стократ священ союз меча и лиры!..."

„Подполковник Тютчев был награжден ценимой всеми офицерами наградой — Георгиевским оружием".

Ю. А. ТРАМБИЦКИЙ

Поезд последнего русского императора

„В пять часов вечера скороход прошел по вагонам, заявляя, что их величества приглашают нас к чаю. Мы перешли в столовую и заняли места по старшинству. Царь и царица сидели посередине стола, один против другого".

А. А. МОСОЛОВ

НАБАТ

Военно-исторический журнал — 1990 — № 9

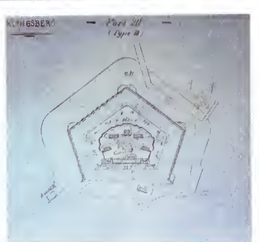
Fort VII.

Schnitt a-b 1:100.

В ФОРТАХ КЕНИГСБЕРГА

О фортах Кенигсберга, нынешнего Калининграда, знают и те, кто никогда не бывал в этом городе. Причина не только в немалой крови, которой стоил нашим войскам штурм прусской твердыни в сорок пятом. Многих занимает тайна калининградских подземелий, в том числе подземной части фортов. Есть основания полагать, что, предчувствуя неизбежность своего краха, гитлеровцы спрятали там немалые материальные ценности. Целые заводы были укрыты в Кенигсберге от воздушных налетов многометровой бетонной и земляной толщей. Где-то там, по слухам и предположениям, может покоиться похищенная у нас фашистскими грабителями знаменитая Янтарная комната.

Раз есть тайна, есть и энтузиасты, стремящиеся ее разгадать. Десятки лет идут поиски, но идут разрозненно и почти вслепую. Однако недавно в редакцию работниками одного из архивов была передана папка, которая, похоже, может существенно продвинуть работу. В папке — трофейные схемы фортов Кенигсберга (фрагмент одной из них публикуем сегодня). И что особенно ценно — на схемах подробное изображение подземной части укреплений. По мнению ученых из Военно-инженерной академии имени В. Куйбышева, которых редакция привлекла в качестве экспертов, обнаруженные документы позволяют эффективно вести поисковую работу в фортах.

Редакция с помощью Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, соответствующих служб и частей Прибалтийского военного округа и Балтийского флота намерена организовать экспедицию. В случае успеха о ее ходе мы будем подробно рассказывать читателям журнала.

Капитан 2 ранга С. Г. ИЩЕНКО

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

За нашу Советскую Родину!

ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1939 ГОДА

Издается ежемесячно

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9 1990

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95, 296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 10.07.90.
Подписано к печати 4.09.90.
Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,4 + 0,35 вкл
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Тираж 227 000 экз.
Зак. 1707. Цена 60 коп.
Ордена «Знак Почета» типография газеты «Красная звезда».
123826, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1990.

Читатель:

Лично я категорически против рубрики «В помощь изучающим военную историю». «ВИЖ» должен стать более научным, а не учебным журналом: надо давать, что называется, информацию к размышлению, а не натаскивать своими взглядами. Изучать историю надо в поиске, а не на готовом.

Публикации влияют даже тогда, когда не соглашаюсь с некоторыми оценками, но они заставляют более глубоко анализировать события. Несогласие всегда заставляет искать больший объем материала, что всегда положительно.

А. С. ФОЛИЕВ,
37 лет, подполковник
(Волгоград)

Я хотела бы узнавать о тех исторических событиях, государственных, политических и военных деятелях, о которых до сих пор продолжают умалчивать, или они оболганы.

«ВИЖ» должен поднимать такие же проблемы, которым он отдавал свои страницы последние два года. Плюс «проблемы», подсказанные современностью. Так как всей прессой, ЦТ и радио распоряжаются в основном «левые» и «демократы», признающие плюрализм лишь на словах, то желательно давать интервью с такими экономистами, политиками и писателями прошлого (из неопубликованного или забытого) и настоящего, которых не подпускают к общественной трибуне. Ведь тех, кто сумел высказаться и был услышан народом, подвергают бешеной травле, именуя «правыми», «консерваторами», «сталинистами», «фашистами» и т. д. Среди наших современников особо привлекают Ю. Бондарев и другие «фашисты» России, как их окрестила огоньковская пресса.

Л. В. КУЗНЕЦОВА
(Севастополь)

Очень бы хотелось узнать больше о В. М. Молотове, Г. М. Маленкове, И. А. Вознесенском. Первый из них ведь отвечал перед ГКО за производство танков и двигателей к ним, второй — за производство самолетов и авиамоторов, и оба были удостоены звания Героя Социалистического Труда в 1943 году. Очень бы хотелось узнать мнение такого известного писателя, как Ю. Бондарев, о вакханалии, которую затеяли некоторые средства информации вокруг армии и флота, о попытках дискредитировать заслуги и руководства страны, и народа в тяжелейшей войне.

Р. В. МЕЛЬНИКОВ,
29 лет, рабочий
(Мурманск)

Я считаю, что на страницах журнала должны быть подняты проблемы увековечения памяти репрессированных героев и полководцев гражданской войны — Тухачевского, Егорова, Блюхера и других.

В. Г. НЕКРАСОВ
(г. Геническ
Херсонской обл.)

БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

«...Степень вероятности большой «обычной» (то есть осуществляемой обычными вооружениями, без применения ядерного оружия) войны между СССР и США. Мне она представляется столь же немыслимой, как схватка слона с китом...»

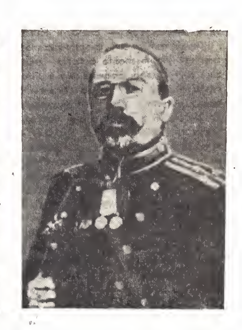
[Академик Г. АРБАТОВ. А если без лукавства! // Огонек. — 1990. — № 17]

«...Слова, сказанные Джорджем Вашингтоном в XVIII веке, верны сегодня так же, как и всегда: «Быть готовым к войне — это одно из самых эффективных средств сохранения мира...»

Американская мощь по-прежнему та сила в мире, которая имеет первостепенное значение для обеспечения свободы. И как и во время войны, когда Америка сражалась за свободу вдали от своих берегов, сегодня мы тоже должны проводить политику мирного участия в событиях в мире и поддерживать вооруженные силы, необходимые для защиты наших жизненно важных национальных интересов... Мы не отказываемся от этой ответственности, и пусть этот корабль «Джордж Вашингтон» провозглашает обещание Америки навсегда оставаться свободной...»

[Из выступления президента США Дж. БУША на церемонии спуска на воду авианосца «Джордж Вашингтон» в июле 1990 г.]

В конце XIX века в периодических изданиях России появились талантливые произведения, по стилю очень напоминавшие куприские рассказы и подписанные двумя литерами — «Ф. Т.». Рассказы, а позднее повести и романы живо и правдоподобно отражали жизнь русской армии, и это сразу наталкивало на мысль, что написал их человек, хорошо знающий военную службу. Кому же принадлежали произведения, подписанные столь коротко! Известно, что так обычно подписывал свои лирические стихи прекрасный русский поэт Федор Иванович Тютчев. Но известно и другое: поэта, воспевшего красоту любви, к тому времени уже не было на свете. Не было, но за перо взялся его сын — Федор Федорович Тютчев, офицер русской армии, вскоре по праву занявший одно из видных мест в когорте военных писателей России [1].

Стократ священен союз меча и лиры!

В 1850 году 47-летний чиновник Министерства иностранных дел и уже довольно известный лирик Федор Иванович Тютчев вступает в близкие отношения с Еленой Александровной Денисьевой — племянницей Анны Дмитриевны Денисьевой, инспектрисы Смольного института, где тогда учились две его дочери — Дарья и Екатерина. Елене Александровне, происходившей из старинного дворянского рода, было тогда лишь 24 года. Красота и чуткость этой женщины зажгли в сердце Тютчева такое чувство, которое он уже больше не испытывал никогда.

Противозаконная любовь женатого мужчины и девушки, вдвое его моложе, стала предметом различных кривотолков в Петербурге и вызвала осуждение в высшем свете. Однако это не положило конец любви, она продолжалась. У Тютчева и Денисьевой родилось трое детей: дочь Елена и сыновья Федор и Николай. Лишь смерть Елены Александровны 4 августа 1864 года разъединила любящих и вырвала из души поэта такое скорбное признание:

«О, как убийственно мы любим,
как в буйной слепости страстей
мы то всего вернее губим,
что сердцу нашему милей...» [2]

[1] Надо сказать, что единственным исследователем творчества Ф. Ф. Тютчева является Г. В. Чагин, подготовивший к изданию произведения писателя (См.: Ф. Ф. Тютчев. Кто прав? — М.: Современник, 1985) и сопроводивший их небольшой вступительной статьей.

[2] Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1987. — С. 176.

Эти строки, ставшие вечной формулой любви, могли родиться только в сердце, переполненном любовью. Федор Иванович был потрясен смертью возлюбленной. Ему казалось, что жизнь остановилась, потеряла всякий смысл. Но судьба готовила ему другое тяжкое испытание. Менее чем через год и один день умирают дети Тютчева и Денисьевой — Елена и Николай.

Живой памятью о счастливых годах последней любви поэта остался лишь старший сын Федор, родившийся в Женеве 11 октября 1860 года[3] и по законам Российской империи, как незаконнорожденный, приписанный к мещанскому сословию Петербурга. Ребенок рос сначала в доме тетки его матери — А. Д. Денисьевой, а затем по настоянию отца был отправлен в Москву к старшей дочери Федора Ивановича — Анне Федоровне[4], бывшей замужем за известным славянофилом И. С. Аксаковым.

В 1868 году в Москве был открыт Лицей цесаревича Николая, куда и пошел учиться будущий писатель. Убитый горем поэт редко навещал своего сына. Позднее Федор Федорович в своем блестящем очерке об отце вспоминал: «Я помню, что, когда он бывал у нас, никогда почти со мной не говорил, а если к этому прибавить его привычку сидеть полузакрыв глаза ладонью, то получалось впечатление, будто он даже не хочет на меня и глядеть. Я так это и понимал, отчего страшно его боялся и, будучи в остальное время крайне суетливым и подвижным, в его присутствии превращался в окаменелость, едва-едва дерзающую переводить дух»[5].

Через пять лет после смерти отца восемнадцатилетний Тютчев, успешно окончив Лицей, по настоянию родственников отправляется в Лейпциг, чтобы продолжить учение. Вскоре, однако, в Москве узнали о том, что молодой студент стал посещать нелегальные кружки, после чего по просьбе И. С. Аксакова за юношей отправляется его знакомый, священник православной церкви в Карлсбаде, который увозит Федора к себе.

14 июня 1879 года молодой Тютчев, испытывая материальные затруднения, поступает вольноопределяющимся на службу в Первый Московский лейб-гвардии драгунский полк, славный своими боевыми традициями. А через два месяца он зачисляется в Тверское кавалерийское юнкерское училище, которое оканчивает 14 августа 1881 года, после чего увольняется в запас и пробует силы на литературном поприще. Каторжный труд в издательстве газеты «Свет», куда Тютчев поступил на работу секретарем, практически не оставлял времени для творчества.

Почти пять лет напряженного труда не принесли Тютчеву удовлетворения. Этим обусловлено его решение вновь вернуться на военное поприще.

7 сентября 1888 года Тютчев, к тому времени уже женатый и имеющий двух дочерей, определяется корнетом в Пограничную стражу и назначается на службу в Ченстоховскую бригаду, дислоцированную на границе с Пруссией. Пограничная служба займет в жизни Тютчева большой отрезок времени и найдет отражение в таких его произведениях, как «Беглец», «Герои долга», и других. Отныне Федор Федорович Тютчев будет служить двум богам — Марсу и Аполлону, не изменяя ни мечу, ни перу.

В 1890 году умирает жена писателя, оставив ему двух детей: 6-летнюю Лену и 4-летнюю Надю. В память о ней он напишет во многом автобиографичный роман «Кто прав?».

29 января 1894 года Федор Федорович в чине поручика переводится на Кавказ, в Эриванскую пограничную бригаду, где командует небольшими пограничными отрядами — Зорским, Джульфинским, Азинским и другими. Здесь, на Кавказе, Тютчев награждается первым орденом Святого Станислава II степени (5 апреля 1898 г.).

Через год офицер-пограничник получает новое назначение — в Томашевскую бригаду, куда, однако, так и не прибывает в связи с прикомандированием к штабу Отдельного корпуса Пограничной стражи ротмистром.

В период пребывания в Петербурге ему удается многое. Появляется в свет второй том Избранных сочинений, затем выходит роман «На скалах и долинах Дагестана». Публикуются эссе-воспоминания «Федор Иванович Тютчев».

В 1904 году грянула русско-японская война, и 43-летний ротмистр подает рапорт об определении его в действующую армию на Дальний Восток. 17 февраля 1904 года Тютчев переводится в первый Аргунский полк Забайкальского казачьего войска с переименованием в чин есаула. На

---

[3] ЦГВИА СССР, ф. 409, оп. 1, д. 173974 (послужной список Ф. Ф. Тютчева).

[4] Впоследствии герцогине Саксен-Кобург-Готской, оставившей прекрасные воспоминания об императорских дворах Николая I и Александра II, при которых А. Ф. Тютчева была фрейлиной.

[5] Тютчев Ф. Ф. Федор Иванович Тютчев (материалы к биографии).— Исторический вестник. — Т. 93. — № 7. — 1903. — С 195.

фронте он практически все время на передовой. В апреле 1904 года, возглавляя сотню, участвует в разведывательных боях в составе отряда генерала Ренненкампфа, в июле — отряда генерала Мищенко. Храбрый офицер, Тютчев принимает участие и в боях у селения Цнэрлгоу-Тани (10 июля 1904 г.). Тогда же, в июле, он во главе казаков Читинского полка под прикрытием двух рот 8-го Омского пехотного полка под сильным огнем противника у селения Иншаугоу вывозит группу раненых, оставшихся на японских позициях. В войсках генерала Иванова Тютчев принимает участие в сражениях при р. Шахэ, а в середине февраля 1905 года — под Мукденом. За отличия в русско-японской войне Тютчев был награжден орденами — Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» (6 августа 1904 г.), Святого Станислава II степени с мечами (15 октября 1904 г.), Святой Анны II степени с мечами (30 ноября 1904 г.), Святого Владимира IV степени с мечами и бантом (3 марта 1905 г.) — и произведен в войсковые старшины. Четыре боевые награды менее чем за год и повышение в чине — большая редкость в те времена.

После войны, в июле 1906 года, Тютчев — боевой офицер — вновь переводится на прежнее место службы в Петербург с переименованием в чин подполковника. Однако Тютчев долго не задерживается на штабной службе, его манят суровые будни границы. Вскоре он отбывает на западные рубежи России, сначала в Скулянскую пограничную бригаду, а через четыре месяца — в Таурогенскую начальником четвертого отдела. В последней Федор Тютчев вместе с другими офицерами-пограничниками занимается составлением истории Таурогенской бригады, затем по собственному желанию переводится на аналогичную должность в 25-ю Черноморскую пограничную бригаду (январь 1911 г.). Здесь, на Черноморском побережье, его и застает первая мировая война. По мобилизации Тютчева назначают командиром 2-го эксплуатационного батальона Кавказской парковой конно-железной бригады. Однако боевой офицер оскорблен таким назначением и пишет несколько рапортов о переводе его на фронт, которые остаются без ответа. Желание служить в боевой части было настолько сильным, что Тютчев решается просить свою вторую жену Анну Александровну и старшую дочь обратиться с ходатайством о его переводе в действующую армию к дежурному генералу Архангельскому, а затем к главнокомандующему Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанту Иванову.

Просьбы и ходатайства Тютчева и его родственников возымели действие, и подполковник Тютчев, не прибывая к месту назначения на должность коменданта местечка Заболотье, назначается командиром 3-го батальона в 36-й Орловский полк.

6 декабря 1914 года командир полка флигель-адъютант полковник Скалон отдает распоряжение 1-му и 2-му батальонам двигаться к Бржостеку, а 3-му и 4-му — по направлению к д. Заводке. Утром 8 декабря разведка 3-го батальона сталкивается с противником, и Тютчев отдает приказ атаковать силами двух рот.

В фонде полка сохранилось донесение подполковника Тютчева, написанное в конце этого боя: «Быстро пройдя селение Опационку, батальон получил приказание остановиться до продвижения 48-й дивизии. Батальон и два пулемета открыли энергичный огонь, поддерживая ее, когда началось общее наступление. Поддержанные артиллерией 10-я и 11-я роты, подкрепленные 9-й ротой, энергичной атакой, произведенной весьма дружно и одновременно, быстро заняли высоту и из захваченных неприятельских окопов открыли по отступающему противнику губительный огонь, обративший его в беспорядочное бегство, после чего высота была прочно занята... Успеху дела больше всего способствовала энергичная и умелая распорядительность капитана Миклашевского, руководившего боевой линией, причем им было проявлено хладнокровие и мужество выше всяких похвал. Весьма успешно и лихо действовала 10-я рота под командою подпоручика Трипольского, лично управлявшего пулеметом и при атаке следовавшего впереди своей роты, воодушевляя ее своим мужественным примером. Находясь сам в непосредственной близости к атаковавшим ротам, все изложенное выше докладываю по личному, собственному наблюдению. Весьма похвально вела себя 11-я рота под командой прапорщика Степа, на долю которой выпала большая потеря ввиду трудности участка, ею атакованного...» [6]. Интересно, что в донесении Тютчев совсем ничего не пишет о своей роли в том бою. А ведь именно за этот бой он был награжден весьма ценимой тогда всеми офицерами наградой — Георгиевским оружием. В описании подвига отмечалось,

---

[6] ЦГВИА, ф. 2650 (36-й пехотный Орловский полк), оп. 1, д. 10, лл. 4—5 об.

что подполковник Тютчев награждается Георгиевским оружием за то, что, «состоя в рядах 36-го пехотного Орловского генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полка, в бою 8—9 декабря 1914 года у м. Бржостек, командуя батальоном, лично повел его в атаку на укрепленную позицию противника, занятую значительно превосходными силами противника, и, ворвавшись в окопы, под сильным артиллерийским и ружейным огнем штыками выбил его из окопов и обратил в бегство»[7]. Бой был жестоким, и об этом свидетельствуют донесения командиров рот. Так, командир 11-й роты доносил Тютчеву, что ранены все пулеметчики, у пулемета пулей сбит прицел, потери составляют более десяти человек. Всего же батальон с 8 по 13 декабря потерял 46 человек убитыми и 194 ранеными[8].

В томе сочинений Ф. Ф. Тютчева, вышедшем в 1888 году в Петербурге, было представлено многое из написанного автором. Три десятка стихотворений, историческая повесть «Кровавые дни», рассказ «Денщик», несколько рассказов-эссе. Позднее были написаны и вышли в свет рассказы «Один день на поле сражения», «Товарищ», «Жучка», «Сапожник и музыкант», роман «Злая сила», повести «Ясновельможная контрабандистка» и «Убили», рассказы «Герои долга» и «В Бразилию», повесть в письмах «Гордиев узел» о событиях первой мировой войны и многие другие замечательные произведения.

20 февраля 1915 года Тютчев как офицер-пограничник откомандировывается от Орловского полка в распоряжение командующего 9-й армией в г. Проскуров для сформирования пограничных полков. В марте того же года он назначается в 1-й конный пограничный полк, с которым и направляется на фронт в 8-ю армию. Весной 1915 года во время одной из кавалерийских атак под местечком Бергомет разорвавшийся артиллерийский снаряд сильно контузил Тютчева. Боевой офицер, несмотря на возраст (Тютчеву к тому времени уже исполнилось 54 года), отклонил предложение полкового врача отправиться в госпиталь. Однако последствия контузии стали сказываться уже через три недели: почувствовав себя очень плохо, Федор Федорович был вынужден слезть с коня, лечь на землю и послать вестового в случайно находившийся рядом госпитальный пункт. Приехавший из 32-го санитарно-питательного отряда Всероссийского Национального союза студент-медик посоветовал Тютчеву ехать с ним. Врачи после осмотра уговаривали подполковника отправиться в госпиталь, но Федор Федорович, почувствовав себя немного лучше, отправился в свой полк. Долг и честь русского офицера не позволяли Тютчеву бросить боевых друзей. Со временем припадки участились, но только с отходом полка с передовых позиций к штабу армии Тютчев отправился в тыл. 22 августа 1915 года подполковник Ф. Ф. Тютчев «за отличия в делах против неприятеля» был произведен в полковники.

Только в тылу штаб-офицер Тютчев позволяет себе лечь в госпиталь в Петрограде. 7 февраля 1916 года он получает долгожданное назначение в 317-й пехотный Дрисский полк. По пути к новому месту службы Тютчев в связи с резким ухудшением здоровья попадает в прифронтовой 2-й Кауфманский госпиталь в г. Бердичеве, где 9 февраля 1916 года умирает.

Следует отметить, что в перерывах между боями Ф. Ф. Тютчев продолжал много писать, хотя к тому времени им уже был создан ряд значительных произведений.

В Главном штабе еще долгое время разбирались, что считать причиной смерти офицера Тютчева, пока не было признано, что смерть наступила от переутомления организма, подорванного сильной контузией в феврале 1915 года.

Похоронен Ф. Ф. Тютчев на Волковом кладбище в Ленинграде, рядом с могилами матери, тетки, сестры и брата.

Заканчивая короткий рассказ об офицере русской армии и писателе, хочется отметить, что на фронтах первой мировой войны сражались тысячи генералов и офицеров, миллионы солдат, чьи подвиги незаслуженно забыты потомками.

Только ли за царя сражались русские воины? Мне сдается, что, как и в 1812 году, они прежде всего шли на смерть за Россию. И разве в 1941 году, когда немцы, захватив всю Европу, двинули свои войска на Москву, дети солдат первой мировой сражались только за Сталина? Уверен, нет! Так почему же так выборочна наша память? Почему в многомиллионной стране нет ни одного памятника тем, кто в боях 1914 — 1917 гг. отстаивал честь России и славу русского оружия?!

Ю. А. ТРАМБИЦКИЙ, сотрудник ЦГВИА СССР

[7] Высочайшие приказы о чинах военных. П. 1915. Приказ от 20 ноября 1915 года, с. 28.

[8] ЦГВИА, ф. 2660, оп. 1, д. 41, лл. 6, 30.

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА

Проблема «Человек и война» — безгранична, драматична и величественна. Эту проблему веками решают писатели и философы, поэты и полководцы... Вечная тема, и вечны попытки осмыслить ее до конца. Не затухает к этой теме интерес и сегодня, даже, наоборот, кажется, что он усиливается. Людей волнуют поступки Матросовых и Карбышевых, панфиловцев и власовцев, героев и предателей, они хотят понять, что ими руководило, в чем они видели, в конечном счете, смысл своей жизни. Не претендуя на всеохватность, редакция «Военно-исторического журнала» провела недавно беседу за «круглым столом» на тему «Человек и война». В ней участвовали главный редактор журнала генерал-майор В. ФИЛАТОВ, начальник Управления делами Министерства обороны СССР, кандидат исторических наук генерал-майор Л. ИВАШОВ, начальник управления Института военной истории МО СССР доктор исторических наук полковник В. ЗОЛОТАРЕВ и начальник отдела Института военной истории кандидат юридических наук полковник А. ЕМЕЛИН.

В. Филатов. Советский Союз в канун войны располагал громадными людскими ресурсами. И все-таки в самом начале отступали. Известно, как остро в условиях военного времени стоял вопрос обеспечения фронта и тыла самым незаменимым на войне — людьми.

Чем это объясняется? Может, неумением руководства разумно организовать дело?

В. Золотарев. Не оправдывая, безусловно, ошибок в использовании людских ресурсов страны накануне и в годы минувшей войны, все же нужно иметь в виду, что XX век, кроме всего прочего, вошел в историю так называемыми мировыми войнами. Они потребовали от воюющих сторон максимальной концентрации сил и средств государства. В первой мировой войне воюющими государствами «под ружье» было поставлено около 70 млн. человек. Война продолжалась свыше 4 лет и принесла огромные бедствия народам. Еще бо́льшие масштабы приняла вторая мировая война. В вооруженные силы было мобилизовано около 110 млн. человек. В течение 6 лет войны погибло около 50 млн. человек, т. е. в 6 раз больше, чем в первую мировую. Вторая мировая война принесла человечеству и колоссальный материальный урон. Поэтому, обсуждая сегодня вопросы обороноспособности страны в связи с предстоящей военной реформой, думается, что вряд ли можно обойтись только профессиональной армией, комплектуемой в добровольном порядке. Уметь защищать свое Отечество имеет право и должен каждый гражданин.

Но это, так сказать, первая половина ответа на вопрос. Вторая заключается в том, что СССР в 1941 — 1945 гг. противостояла хорошо отлаженная военная машина фашистской Германии и ее союзников, и надо знать, что насчитывала она накануне вторжения свыше 11 млн. человек. Для того чтобы выстоять и победить, Советскому государству необходимо было в кратчайшие сроки создать надежную систему обеспечения людскими ресурсами действующей армии, всего народного хозяйства,

и особенно расширенного военного производства. Создание такой системы осложнялось тем, что в результате вынужденного отхода советских войск в глубь страны к осени 1942 года противнику удалось оккупировать территорию, на которой до войны проживало около 80 млн. человек, или почти 42 проц. населения СССР.

Тем не менее благодаря уникальным духовным качествам советских людей, целенаправленным усилиям партии и государства проблема обеспечения личным составом Вооруженных Сил СССР и советской экономики в годы Великой Отечественной войны была решена. Именно это позволило в ходе войны из года в год увеличивать численность Красной Армии и наращивать ее боевую мощь. Так, с 1941-го по май 1945 года численность Советских Вооруженных Сил возросла с 5,4 млн. человек до 11,3 млн., т. е. увеличилась более чем в два раза. Армия же фашистской Германии сократилась за это время до 61 проц. своей первоначальной численности.

В. Филатов. Другими словами, одним из важнейших факторов победы стало то, что война со стороны Советского Союза была всенародной войной. Нельзя ли конкретнее сказать, каким же образом в чрезвычайной обстановке военного времени удалось задействовать в интересах победы практически все население СССР?

А. Емелин. Не умаляя организаторских заслуг Коммунистической партии, значения высокого патриотического духа советских людей, считаю необходимым обратить внимание на важную роль Советского государства и права. Развитие законодательства в период Великой Отечественной войны осуществлялось главным образом в направлении максимального расширения круга лиц, непосредственно привлекавшихся к вооруженной защите Отечества. Это достигалось путем постепенного снижения на один-два года призывного и увеличения на пять лет предельного возраста годных к военной службе. В обязательном порядке в ряды Вооруженных Сил зачислялись женщины, имевшие специальную подготовку и т. д. В этом отношении опыт минувшей войны подтверждает, что **только всеобщая воинская обязанность может в военное время обеспечить необходимую численность личного состава действующей армии и ее регулярное пополнение в ходе войны.**

Вместе с тем особенностью комплектования Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны было широко распространенное добровольное поступление советских граждан на военную службу. Уже 22 июня 1941 года с первых часов войны вместе с пограничниками и частями Красной Армии яростные атаки превосходящих сил противника отбивали рабочие, колхозники, служащие приграничных сел и городов. Поток писем и заявлений, телеграмм ежедневно поступал в Президиум Верховного Совета СССР, ЦК партии, Государственный Комитет Обороны, ЦК ВЛКСМ, Наркомат обороны, местные партийные и советские органы. Советские люди выражали беспредельную любовь к своему Отечеству, желание защитить Родину в трудный для нее час, настойчиво просили немедленно послать их добровольцами на фронт. По неполным данным, за годы войны таких заявлений поступило более 20 млн., и значительная часть из них была удовлетворена. Например, в тяжелые дни ожесточенных боев лета и осени 1941 года, когда Красная Армия испытывала особенно острый недостаток в пополнении личным составом, в добровольном порядке сформировалось около 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков и значительное число истребительных батальонов. Свыше 40 дивизий народного ополчения приняли непосредственное участие в боевых действиях. Остальные добровольческие формирования использовались в качестве дополнительного источника для создания новых дивизий Красной Армии, а также **пополнения войск на фронте.**

Следует добавить, что в годы Великой Отечественной войны героическая борьба Советских Вооруженных Сил слилась с партизанским движением. На временно оккупированной врагом территории СССР действовала миллионная партизанская армия. Это была подлинно народная форма борьбы с захватчиками. Защита своего дома, Отечества есть не только священная обязанность, но и неотъемлемое право каждого гражданина, которое, на мой взгляд, нуждается в конституционном регулировании.

В. Филатов. Человек на войне. Армия на войне. А вот такой вопрос: в каком действительно состоянии была наша армия перед войной? Я имею в виду, что она умела? Есть ли документы на этот счет? Немало противоречивых суждений высказывается относительно состояния Красной Армии накануне войны. Известно, что наиболее крупным и, видимо, последним перед войной оценочным мероприятием бы-

ло совещание руководящего состава Красной Армии в декабре 1940 года.

А. Емелин. О декабрьском (1940 г.) расширенном совещании высшего командного состава Красной Армии имеется множество свидетельств в мемуарах видных советских военачальников (Г. К. Жукова, К. А. Мерецкова и др.). Практически все они высоко оценивают роль совещания в укреплении боевой мощи Красной Армии накануне войны. Такая же оценка содержится и в научной военно-исторической литературе. Весь парадокс заключается в том, что до настоящего времени материалы совещания, объективно характеризующие уровень оперативного искусства высшего командного состава Красной Армии, ее готовность к отражению фашистской агрессии, а также повседневную жизнь и быт военнослужащих, еще не стали достоянием общественности, т. е. имели гриф «Совершенно секретно». К тому же эти материалы существовали всего в нескольких экземплярах, доступ к ним был практически закрыт. Между тем документы совещания обладают большой исторической ценностью.

В. Филатов. А как в годы войны решался вопрос о военном образовании, то есть как и в каком количестве готовились командные и политические кадры — золотой фонд армии и флота?

Л. Ивашов. Подготовка осуществлялась в 19 военных академиях, 2 военных институтах, на 10 военных факультетах при гражданских вузах страны, в 184 военных и 8 военно-морских училищах, на 200 различных курсах. За годы войны военно-учебные заведения подготовили около двух миллионов офицеров, в том числе военные училища и курсы младших лейтенантов — 1 млн. 238 тыс. человек.

В. Филатов. Хорошо. С армией, пожалуй, мы разобрались. А как дело обстояло на «трудовом фронте»? Ведь одной из важнейших задач Советского государства в период Великой Отечественной войны являлось вовлечение в народное хозяйство многих миллионов новых работников не только для замены ушедших на фронт, но и для расширенного военного производства. Война резко осложнила приток трудовых ресурсов в народное хозяйство, функционирование производства оказалось нарушенным.

Л. Ивашов. В такой экстремальной обстановке государство было вынуждено применить ряд чрезвычайных мер. 26 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время. В нем разрешалось применять обязательные сверхурочные работы продолжительностью до 3 часов в день. Очередные и дополнительные отпуска заменялись денежной компенсацией. 26 декабря 1941 года Президиум Верховного Совета СССР объявил мобилизованными «на период войны» рабочих и служащих предприятий военной промышленности. В начале 1942 года были приняты решения о мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве, в строительстве и сельском хозяйстве. Несколько позднее были объявлены мобилизованными работники всех видов транспорта, а также предприятий и учреждений в близких к фронту районах. Кроме того, Советское правительство, а военные власти только в местностях, объявленных на военном положении, получили право в случае необходимости вводить трудовую повинность для населения и т. д.

Практическое значение указанных мер огромно — был разрешен и этот труднейший вопрос ведения войны. Кстати, за доблестный труд в Великой Отечественной войне в июне 1945 года была учреждена специальная медаль.

В. Филатов. В последнее время у нас заговорили о «штрафниках», об их участии в боях в составе Красной Армии. Что можно сказать по этому поводу? Интересно было бы также узнать и о такой категории советских граждан, которая к началу войны находилась в местах лишения свободы. Известно, что в местах заключения оказалось значительное количество людей.

А. Емелин. Действительно, к началу войны заключенных в СССР было примерно 2,3 млн. человек. После решений Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении за преступления, не представлявшие большой общественной опасности, с направлением лиц, годных по состоянию здоровья на военную службу, до конца 1941 года в Красную Армию влились более 420 тыс. бывших заключенных. Кроме того, Государственный Комитет Обороны неоднократно обсуждал вопрос об использовании спецконтингента и принимал соответствующие постановления. В результате только за три года войны в Красную Армию было направлено около 1 млн. ранее осужденных. Многие из них проявили в боях с врагом доблесть и геройство, были награждены орденами и медалями, а некоторым присвоено звание Героя Советского Союза.

Видимо, следует сказать, что советские граждане, отбывавшие в годы Великой

Отечественной войны наказания в местах лишения свободы, привлекались к строительству оборонительных сооружений, работе на предприятиях важнейших оборонных отраслей. Так, по имеющимся сведениям, свыше 39 тыс. заключенных участвовали в производстве боеприпасов и вооружения, 20 тыс. строили танки и самолеты, 40 тыс. работали в угольной и нефтяной промышленности и т. д.

В условиях военного времени заключенные на своих рабочих местах участвовали в различных формах трудового соревнования: стахановские вахты, трудовые салюты, лицевые счета по выпуску сверхплановой продукции в фонд Верховного Главнокомандования и т. д. Объем промышленной продукции, произведенной заключенными только за три года войны, составил 3 млрд. 651 млн. рублей, а сельскохозяйственной — 1 млрд. 188 млн. рублей.

Другими словами, большинство советских граждан, оказавшихся в годы войны в местах лишения свободы, принимали участие в борьбе с фашизмом вместе со всей страной.

Теперь что касается штрафных рот и батальонов. В принципе существование штрафных или дисциплинарных частей — это нормальное для любой армии явление. Подумайте сами, что лучше отвечает интересам государства, его военной организации, да и в определенном смысле личным интересам военнослужащего в случае осуждения за совершение некоторых преступлений: изымать их из рядов Вооруженных Сил или обеспечить исправление путем продолжения воинской службы? Особую остроту этот вопрос приобретает в военное время, когда буквально каждый человек на счету, а некоторые слабодушные предпочли бы любой ценой оказаться подальше от линии фронта, поля боя, от реальной опасности.

В Советских Вооруженных Силах первые штрафные части появились в годы гражданской войны.

Летом 1942 года в один из критических для страны дней был издан приказ № 227, авторство которого принадлежит Наркому обороны и Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Этот документ еще известен под названием «Ни шагу назад!». В приказе, в частности, был резко поставлен вопрос о состоянии порядка и дисциплины в действующей армии СССР и в целях ее укрепления военным советам фронтов разрешалось сформировать «в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». Согласно приказу в каждой армии могли быть созданы от 5 до 10 штрафных рот численностью от 150 до 200 человек. В эти роты следовало направлять «рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной».

В соответствии с положениями о штрафных батальонах и ротах (кстати, утвержденных 26 сентября 1942 года Г. К. Жуковым как заместителем наркома обороны) штрафные батальоны придавались, как правило, стрелковой дивизии, а роты — стрелковому полку, то есть «штрафники» действовали в общих боевых порядках, а не обособленно.

Провинившиеся командиры и политработники направлялись в штрафные части приказом по дивизии или бригаде, а рядовой и сержантский состав — приказом по полку (отдельной части) на срок от одного до трех месяцев. На такие же сроки в штрафные части могли направляться по приговору военных трибуналов бойцы и командиры, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора. О лицах, направленных в штрафные части, немедленно докладывалось по команде с приложением копии приказа или приговора. Перед направлением в штрафную часть штрафник ставился перед строем своего подразделения, и зачитывался соответствующий приказ с разъяснением сущности совершенного виновным противоправного деяния.

За боевое отличие штрафник мог быть освобожден досрочно, а за совершенный подвиг еще и представлялся к награде. Штрафники, получившие ранение в бою, считались отбывшими наказание.

Все освобожденные из штрафных частей восстанавливались в прежнем звании и во всех правах. Семьям погибших штрафников или инвалидам назначалась пенсия на общих основаниях.

Таким образом, штрафные роты и батальоны в годы Великой Отечественной войны давали возможность решать задачи

не только борьбы с преступностью, укрепления дисциплины и правопорядка в Красной Армии, но и перевоспитания правонарушителей, сохранения кадров для Вооруженных Сил, что в тех условиях имело большое военно-политическое значение. Например, отсрочка исполнения приговора до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию во втором полугодии 1941 года только по воинским преступлениям была применена в отношении 70 проц. осужденных к лишению свободы, в 1942-м — 79 проц., в 1943-м — 84 проц. и т. д.

Такова правда о штрафных частях, которую сейчас кое-кто пытается подменить очередной полуправдой с обратным знаком...

В. Филатов. Вернемся, однако, к теме нашего разговора. Скажите, а как жилось человеку на войне?! Я имею в виду особенности жизни в сравнении с мирным временем как для всего населения СССР, так и для военнослужащих?

Л. Ивашов. Обстоятельства военного времени потребовали внести изменения, порой весьма существенные, практически во все сферы общественной жизни. Мы уже говорили, что одним из решающих факторов победы стало превращение СССР в единый военный лагерь, живущий и действующий по законам военного времени. Понятно, что жизнь в условиях военного лагеря резко отличалась от мирной жизни и не дай бог нашему многострадальному народу снова испытать все ее тяготы. Я это говорю потому, что сейчас, к сожалению, стали привычными для нас слова «беженцы», «карточки», «комендантский час», «чрезвычайное положение»...

Неужели всем нам не хватит благоразумия остановиться на краю пропасти... Жалко старых и малых. Им придется тяжелее всего.

Но это, так сказать, размышления по поводу, а по существу можно сказать следующее. Перестраивая жизнь страны применительно к выдвинутому в самом начале войны и ставшему популярным лозунгу «Все для фронта, все для победы!», Советское государство прежде всего вводило в действие законы военного времени, непосредственно призванные обеспечить мобилизацию всех сил и ресурсов страны для разгрома агрессора. Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что законы военного времени представляют собой довольно большой по объему и специфический по содержанию комплекс нормативных актов, которые отражают изменения в механизме Советского государства, закрепляют создание системы чрезвычайных государственных органов власти и управления, устанавливают военное, а в отдельных случаях и осадное положение. На советских граждан такие законы возлагали дополнительные (по сравнению с мирным временем) обязанности, связанные с введением всеобщего обучения военному делу, обязательной подготовкой населения к противохимической и противовоздушной обороне, трудовые мобилизации и различные повинности (трудовая, транспортная, квартирная и т. д.), распространяли юрисдикцию органов военной юстиции на значительную часть гражданского населения, ужесточали меры юридической ответственности за правонарушения, совершенные в военное время, и т. д. С другой стороны, законы военного времени расширяли сферу действия и объем льгот, пособий, преимуществ, наград и отличий за активное и добросовестное участие в защите Родины.

В. Филатов. Не могли бы вы в качестве примера привести какой-нибудь типичный закон военного времени, чтобы читателям был более понятен предмет разговора?

А. Емелин. 6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Вот дословно его текст: «Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания».

Таким образом, деяние, в мирное время в лучшем случае заслуживающее морального осуждения, в условиях войны приобретает повышенную общественную опасность со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Кстати, по имеющимся сведениям (неполным), к 1 ноября 1941 года военными трибуналами по этому Указу были осуждены 1423 человека, из них 47 проц. к лишению свободы до 3 лет, 45 проц.— до 5 лет.

Или, например, злостное нарушение правил светомаскировки в местностях, объявленных на военном положении, попросту говоря, включил свет и не задернул шторы, при определенных условиях влекло за собой применение суровых мер уголовной ответственности вплоть до расстрела. Так велика была цена демаскировки. Свет в

окошке — ориентир для вражеских бомбардировщиков.

В. Филатов. Действительно, разные меры — разные законы — разные последствия. А как война отразилась на личном составе Вооруженных Сил СССР?

Л. Ивашов. С началом войны бóльшая часть Советских Вооруженных Сил приняла непосредственное участие в боевых действиях и стала именоваться в официальных документах действующей армией. Правовое положение личного состава действующей армии стало отличаться известными особенностями; военнослужащие получили право на повышенные нормы некоторых видов довольствия, на различные льготы и преимущества по службе.

В. Филатов. Льготы, преимущества — сегодня остроактуальная тема.

А. Емелин. Решением Государственного Комитета Обороны от 12 ноября 1941 года все военнослужащие были разделены на четыре категории. По нормам первой, наиболее полной и качественной, снабжался продовольствием личный состав, находившийся в передовых частях действующей армии. Нормы второй категории определяли порядок обеспечения военнослужащих тыла фронта, армии, дивизии, бригады. По нормам третьей категории довольствовался личный состав запасных и строевых частей, не входивших в состав действующей армии. Нормы четвертой категории относились к военнослужащим караульных частей и тыловых учреждений.

В тяжелых боях лета и осени 1941 года родилась советская гвардия. Гвардейскими становились части, соединения, корабли, наиболее отличившиеся в боях с врагом. Гвардейцы имели специальные гвардейские воинские звания, отличительные знаки, знамена, пользовались правом на повышенное денежное содержание.

18 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР разрешил военным советам фронтов и армий присваивать внеочередные воинские звания бойцам и командирам, отличившимся в боях за Родину, а 20 ноября 1941-го Государственный Комитет Обороны «в целях создания для лиц начальствующего состава действующих армий преимущества в присвоении очередных воинских званий» установил сокращенные (от 2 до 5 месяцев) сроки выслуги в предыдущем воинском звании. Причем эти сроки сокращались еще наполовину для раненых в бою или награжденных орденами за отличия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

В. Филатов. До недавнего времени документы, реально освещающие сложную, противоречивую, порой трагическую историю предвоенных и военных лет, предназначались в основном для узкого круга «посвященных». В результате многотомные труды, которые выдавались чуть ли не за вершину исторической мысли, не выдержали испытания временем в силу своей научной необъективности. Так вот, что лично вы, как ученые-историки, делаете для того, чтобы каждый желающий мог самостоятельно, а не по чьему-либо пересказу поразмыслить и составить свое суждение о том или ином событии, имевшем место 45 — 50 лет назад?

В. Золотарев. Действительно, административно-командная система не была заинтересована в том, чтобы общество имело полную и объективную картину функционирования этой системы, извлекало уроки, делало соответствующие выводы.

Однако времена изменились, и «лед тронулся». В этом процессе Министерство обороны занимает последовательную позицию: состоялись несколько приказов министра обороны СССР, которыми снят гриф секретности с документов Народного комиссариата обороны за 1937 — 1941 гг., готовятся другие архивные материалы для рассекречивания, в частности за 1941 — 1945 гг. Институт военной истории, Управление делами МО СССР, Историко-архивный отдел Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Центральный государственный архив Советской Армии уже подготовили сборник документов «История строительства Красной Армии: 1937 — 1941 гг. в приказах народного комиссара обороны СССР», который должен выйти в свет в Воениздате к 50-летию начала Великой Отечественной войны. К 1995 году планируется подготовка аналогичного двухтомника документов по периодам Великой Отечественной войны. Наиболее интересные, значимые документы и материалы будут опубликованы на страницах «Военно-исторического журнала». В декабрьский номер, например, мы передадим для публикации выступления наших военачальников: Жукова, Мерецкова, Павлова, Рычагова и других на декабрьском 1940 года заседании Главного военного совета Красной Армии, а начиная с 1991 года планируется публиковать важнейшие документы Ставки ВГК, Наркомата обороны, Государственного Комитета Обороны за каждый год войны.

«Захват» или «воссоединение»?

(Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.)

В. И. ПРИБЫЛОВ,
кандидат исторических наук

17 СЕНТЯБРЯ 1939 года в 3 часа ночи посол Польши в Москве В. Гжибовский был вызван в Комиссариат иностранных дел.

Редкие в этот час на московских улицах прохожие провожали взглядами разрезающий холодный предрассветный воздух лимузин с бело-красным флажком. Поляки. Уже две недели между Польшей и Германией шла война.

Принявший Гжибовского заместитель наркома В. П. Потемкин зачитал ему ноту Советского правительства. «Польско-германская война, — говорилось в ней, — выявила несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»[1].

В тот же день Красная Армия перешла советско-польскую границу, установленную Рижским договором 1921 года, и вступила на земли Западной Белоруссии и Западной Украины.

К середине октября была занята территория 203 000 км[2], на которой проживало свыше 13 000 000 человек.

31 октября 1939 года, информируя об этих событиях Верховный Совет СССР, В. Молотов заявил: «...надо указать такой факт, как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара со стороны германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»[2].

Как отмечено в тезисах совместной советско-польской Комиссии историков СССР и Польши, занимавшейся изучением взаимоотношений между двумя странами, «это было противоправное и оскорбительное по отношению к Польше заявление, от которого нынешнее советское руководство и научная общественность решительно отмежевались. К тому же, — подчеркивается в этом документе, — оно (заявление. — **В. П.**) бездоказательно ставило на одну доску гитлеровскую агрессию и действия Красной Армии»[3].

Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии приняли декларации о вхождении этих территорий в состав Украинской ССР и Белорусской ССР. 1—2 ноября Верховный Совет СССР принял постановления, согласно которым указанные территории признавались составными частями Украинской и Белорусской союзных республик в составе СССР.

Итак, что же это было: захват Советским Союзом чужой территории или восстановление справедливости, возвращение украинских и белорусских земель их законным хозяевам — украинскому и белорусскому народам? Попробуем разобраться. Посмотрим, как рассматривают этот вопрос зарубежные историки.

Как ни странно, но за все время существования ПНР в польской историографии не появилось ни одной монографии, в которой освещался бы весь комплекс аспектов, связанных с событиями 17 сентября, положившими начало воссоединению белорусского и украинского народов. Польский

[1] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — Т. VII. — М.: Наука, 1973. — С. 178.

[2] Правда. — 1989. — 25 мая.
[3] Там же.

историк Р. Шубаньский считает, что причины этого следует искать в факте существования в ПНР органов цензуры и, может быть, даже в большей степени самоцензуры, поэтому о проблеме предпочитали умалчивать или ограничивались приведением тогдашней советской версии развития событий. Изложенная точка зрения, по-видимому, должна означать, что все написанное по этому поводу до сих пор в Польше является лишь «изложением советской версии», обоснованность которой попутно ставится под сомнение. На наш взгляд, польский историк здесь не прав. Следует отметить, что польская историография имеет серьезные, признанные в международных научных кругах, достижения в том, что касается разработки проблем внешней политики Польши межвоенного периода.

Гораздо меньше внимания польские историки уделяли этнографическому, социальному и политическому характеру проблемы воссоединения Западной Белоруссии и Западной Украины с БССР и УССР. Вплоть до самого последнего времени не разрабатывались также вопросы, связанные с военными действиями после вступления советских войск на эти территории, что объясняется довольно просто: военные действия при продвижении частей Красной Армии в Западной Белоруссии и Западной Украине носили локальный характер и широких размеров не принимали. Что же касается этнических и социально-политических вопросов, то отсутствие специального интереса к ним со стороны польских историков в отличие от западных исследователей представляется неоправданным. И причина, на наш взгляд, заключается не в цензуре, а в том, что слишком уж неприглядно выглядит при рассмотрении их возрожденное Польское государство, которое само, едва добившись национального освобождения и воссоединения своих земель, вступило на путь захвата чужих территорий, подавления живших здесь народов, лишения их национального самосознания.

Достаточно сказать, что вплоть до настоящего времени в Польше нет монографии, в которой бы освещался весь комплекс проблем, связанных с национальными меньшинствами в Польской республике межвоенного периода. Отдельные вопросы нашли отражение в работах М. Дроздовского, А. Хойновского и Е. Жарновского.

Что касается западной исторической литературы, то период воссоединения белорусского и украинского народов довольно широко освещен в трудах по истории второй мировой войны, истории советско-польских отношений, работах, касающихся проблемы национальных меньшинств в Европе в период между двумя мировыми войнами. При изучении этой темы западноевропейские и американские исследователи большое внимание уделяют комплексному анализу внешне- и внутриполитических аспектов, факторов этнографического, социального, экономического характера, а также причин возникновения вопроса вообще.

Каким же образом территории Западной Белоруссии и Западной Украины оказались в составе восстановленного после первой мировой войны Польского государства?

Советско-польская граница, установленная Рижским договором в 1921 году и разделившая белорусские и украинские земли, практически всеми зарубежными исследователями, за редким исключением, о чем речь пойдет ниже, квалифицируется как граница, установленная силой оружия, в результате войны, начатой возрожденной Польшей против Советских республик. «Воспользовавшись тем, — пишет английская исследовательница З. К. Коэтс, — что Советская Россия была занята борьбой с врагами, Польша напала на нее и аннексировала в виде Рижского договора украинские и белорусские земли» [4]. Приблизительно таким же образом определяют установление советско-польской границы в 1921 году Н. Вакар, К. Фармер, С. Хорак, Д. Даллин, Ж. Бувье и Ж. Гасон, Н. Ачерсон. Политикой «свершившихся фактов» называет действия Польши по установлению своих восточных границ французский исследователь А. Ролле [5]. В результате «границы Польского государства, существовавшие в период с 1921 по 1939 год, не соответствовали ни историческим границам Польши, существовавшим до трех разделов, ни польским этнографическим границам» [6].

В польской историографии широко распространена точка зрения, суть которой выразил на страницах журнала «Справы Мендзынародове» Б. Рыхловский. Граница 1921 года, пишет этот исследователь, «проходила не вдоль линии, которую можно было бы обосновать с исторической, этнографической или политической точки зрения, а вдоль линии, на которой остановились польские войска в период осенней кампании. Она была результатом вооруженного компромисса, а не рационального урегулирования» [7].

Отмечается в польской историографии также и тот факт, что «рижская» граница привела к искусственному разделению украинского и белорусского народов. В то же время следует отметить, что некоторые польские историки, признавая очевидные факты, весьма неопределенно их интерпретируют. Так, например, А. Хойновский пишет, что окончательное определение территории Польши было результатом сложных исторических процессов и что «следует отдавать себе отчет в том, что проведение границ, соответствующих этнографическим принципам в Восточной Европе, в тот период было невозможным» [8]. Читателю остается неясно, почему?

Наблюдается также тенденция упрощенного подхода к этому вопросу, выражающаяся в отсутствии квалификации действий Польши по отношению к своим восточным соседям. Вряд ли здесь можно ограничиваться замечанием, что Рижский договор «устанавливал мирные дипломатические от-

---

[4] Coates Z. K. Six Centures of russo-polish relations. — London, 1948. — P. 109.

[5] Rollet H. La Pologne au XX siècle. — Paris, 1985. — P. 109.

[6] Goriely B. L'Union Sovietique et la Pologne. — Les frontiers européenes de l'URSS. 1917—1941. — Paris, 1957. — P. 214.

[7] Rychtowski B. Kształtowanie granic odrodzonej Polski i ich gwarancje. — Sprawy Miedzynarodowe, 1989. — № 4. — S. 14.

[8] Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowo sciowej rzadów polskich w latach 1921—1939. — Wrocław, 1979. — S. 5.

ношения между двумя государствами», как это делают в своей книге «Внешняя политика II Речи Посполитой. 1918—1939» М. Каминьский и М. Захариас.

Нельзя однозначно определить позицию по отношению к установленной в Риге границе польской эмигрантской историографии, обширной и нередко заслуживающей внимания. В первые послевоенные годы эта позиция характеризовалась полным игнорированием исторической справедливости, пренебрежением к законным правам украинского и белорусского народов и, пожалуй, даже неприкрытой фальсификацией. Чего стоит, например, подчеркивание «доброй воли Польши», которая в Риге «требовала меньше того, что она могла законно (подчеркнуто мною. — В. П.) требовать, опираясь не только на факт военной победы, но также на предложения, сделанные Советами во время перемирия в 1920 г.» [9]. «Польская граница, установленная в Риге в 1921 году, находилась гораздо в большем соответствии с этническим принципом, нежели предлагавшаяся линия Керзона», — провозглашается в изданной в 1945 году в Эдинбурге книге Л. Киркиена, бывшего в довоенной Польше высокопоставленным чиновником, а в эмиграции решившего стать исследователем. Заметим, что подобного рода утверждения нельзя больше встретить ни у одного автора: слишком уж явно они расходятся с действительным положением вещей. Впрочем, доказательствами выставляемых тезисов эмигрантские историки того периода себя не утруждали, может быть, потому, что их просто невозможно было найти.

В настоящее время польские эмигрантские историки за редким исключением [10] обнаруживают более реалистический подход. Как констатирует, например, З. Крушевский, «при установлении восточной границы Польши решающими факторами являлись: возрождение традиций вооруженной борьбы и армия, созданная и ведомая Пилсудским» [11].

Таким образом, можно констатировать, что в зарубежной историографии преобладает точка зрения о насильственном характере границы, установленной в Риге, и искусственном разделении при этом двух народов: украинского и белорусского.

Следует напомнить, что на Парижской мирной конференции 1919 года в качестве восточной границы Польши предполагалась так называемая линия Керзона [12], соответствующая в основном нынешней советско-польской границе. Претензия польской делегации на украинские и белорусские земли не находили поддержки. Общественное мнение на Западе, констатирует А. Ролле, благоприятное в том, что касается восстановления польской независимости, было гораздо более сдержанным относительно польских границ [13]. Польские требования чужих земель, пишет З. Коэтс, «являли собой вопиющую несправедливость и представляли угрозу Европе, ведя, по всей видимости, к новой войне» [14].

Чем объясняется столь неприкрытый экспансионизм возрожденного Польского государства, проявившийся уже в момент обретения им независимости? Формулируя задачи польской нации, Р. Дмовский — один из лидеров, стоявших у истоков восстановления польской государственности, писал в книге «Мысли современного поляка»: «Между чрезвычайно сильным немецким народом и народом русским нет места маленькому народу, мы должны стремиться к тому, чтобы стать народом бо́льшим, нежели мы являемся в настоящее время» [15].

Что ж, мысль не новая. Еще раньше русский историк В. С. Соловьев, имея в виду распространенные в польском обществе взгляды, отмечал: «...нас встречают со стороны поляков только одни беспредельные и ни с чем несообразные притязания. Восстановление Польши 1772 г., затем Польши 1667 г., польский Киев, польский Смоленск, польский Тамбов — все эти галлюцинации составляют, пожалуй, естественное патологическое явление, подобно тому, как голодный человек, не имея куска хлеба, обыкновенно грезит о роскошных пиршествах. Но голодный, проснувшись, будет благодарен и за кусок хлеба; польские же патриоты удовлетворяются только Польшей своих грез. Может быть, за этими грезами скрывается и то реальное чувство, что самостоятельная Польша в строгих границах польской народности стала бы неизбежной жертвой Германской империи; но вытекают ли отсюда права Польши на Киев и Смоленск — это другой вопрос» [16].

Политика Ю. Пилсудского, ставшего во главе возрожденной Польши, как в польской, так и в западной историография связывается с так называемой Ягеллонской идеей, сутью которой являлся постулат, что будущее Польши зависит от ее экспансии на восток, от того, сможет ли она утвердиться на белорусских и украинских землях. Пилсудский, пишет Е. Кирхмайер, был выразителем Ягеллонской идеи, что означало «в конечном итоге решительное оттеснение России на восток. Саму идею, — продолжает польский историк, — нельзя назвать новой, она являлась лишь воскрешением очень старой политической линии, лежавшей в основе Люблинской унии», т. е. союза Польши и Литвы [17]. Приблизительно к такому же выводу приходит в своей статье Т. Шарп, подчеркивающий, что так называемая Ягеллонская идея «предполагала экспансию на белорусские и украинские земли и была призвана перечеркнуть влияние России в Центральной Европе» [18]. В этом случае Польское государство становилось важным фактором европейской поли-

[9] La Ligne Curson et les relations polono-russe. 1945.
[10] Каковым является, например, работающий во Франции Т. Вырва.
[11] Kruszewski Z. A. Polska a swiatowy układ sil politycznych w koncu XX wieku. — Sprawy polskie w perspektywie swiatowej. — Londyn, 1985 (Далее — Sprawy...). — S. 33
[12] Английский министр иностранных дел, возглавлявший комиссию по определению восточных границ Польши.
[13] Rollet H. Op. cit. — P. 105.
[14] Coates Z. K. Op. cit. — P. 95.
[15] Цит. по: Rychtowski B. Op. cit. — P. 9.
[16] Соловьев В. С. Собр. соч.: в 9-ти томах. — Т. 5. — СПб., 1896. — С. 21.
[17] Kirchmayer J. 1939—1944. Kilka zagadnien polskich. Warszawa: 1957. — S. 60.
[18] Sharp T. The origins of the «Teheran Formula» on Polish frontiers. — Journal of contemporary history. — Vol. 12. — № 2, 1977. — P. 381.

тики, как это было во времена расцвета Речи Посполитой, простиравшейся «от моря до моря» на литовских, белорусских и украинских землях. В 1918—1920 гг., пишет польский историк В. Ковальский, Пилсудский решил, что бушующая на территории царской империи гражданская война представляет собой удобный случай для проведения в жизнь программы польской экспансии на востоке: «он предполагал таким образом ослабить Россию и отстранить ее от участия в европейской политике»[19].

Примечательно, что многие исследователи обращают внимание на то, что политика, проводившаяся с самого начала воссоздания Польского государства его лидерами, была не только антисоветской, но и антирусской. Эту мысль, на наш взгляд, очень верно выразил один из крупнейших польских эмигрантских историков консервативного направления Вл. Побуг-Малиновский, который, давая определение так называемому прометеизму — важнейшей в межвоенный период составной части польской политики по отношению к СССР, квалифицировал его как попытку направить «сепаратистские настроения... отдельных народов (СССР. — **В. П.**) на путь русофобии под контрреволюционным прикрытием»[20]. Антирусский характер политики Ю. Пилсудского подчеркивают также М. Каминьский и М. Захариас[21].

Вряд ли, как это считает Я. Карский, все можно объяснить враждебностью лидеров возрожденной Польши к коммунизму и Сталину. Если бы Пилсудский пошел на сотрудничество с Деникиным или Врангелем, поражение большевиков было бы неминуемо, писал в вышедшей в 1945 году в Лондоне работе под названием «Ю. Пилсудский и русский вопрос» М. Сокольницкий. Думается, что и мнение авторов изданной в 1980 году в Кембридже «История Польши», считающих, что в России Пилсудский видел главную угрозу польской независимости, не может удовлетворить полностью. На наш взгляд, более точно выразил суть проблемы А. Ш. Розе, подчеркивавший, что польская политика по отношению к России не может быть объяснена только «недоверием, которое испытывали представители польских политических кругов и общественное мнение по отношению к России и ко всему советскому... Следует помнить о том, — указывает этот автор, — что поляки вынесли для себя твердую уверенность в том, что отсутствие России в европейском концерте является благоприятным для Польши»[22].

По-видимому, в вышеизложенных тенденциях лежат истоки выдвигавшихся польскими политическими группировками «федералистской» и «инкорпорационной» концепций создания сильного Польского государства. Первая выдвигалась лагерем Пилсудского и предполагала отрыв от Советской России Украины, Белоруссии, а затем создание блока малых государств под эгидой Польши. На этом фундаменте Пилсудский собирался строить великую державу.

«Инкорпорационная» концепция, выдвигавшаяся сторонниками Р. Дмовского, заключалась в непосредственном присоединении к Польше белорусских и украинских земель, ассимиляции населявших эти территории народов.

Хотя польские историки в своем большинстве подчеркивают различия в методах, предполагавшихся этими двумя вариантами, создания Великой Польши, думается, более правы те, которые утверждают, что фактическая разница между ними была невелика. По мнению А. Хойновского, лагерь Пилсудского, и прежде всего он сам, выдвигали идею федерации «в основном по тактическим соображениям»[23]. Так же считают Ю. Левандовский и С. Микулич, отмечая, что федерализм представлял собой удобную ширму для прикрытия захватнических планов на востоке. Их мнение перекликается с тезисом С. Мацкевича, который в изданной в 1941 году в Лондоне «История Польши» писал, что федералистская программа была рассчитана в конечном итоге на то, что «освобожденные» от России государства «легко попадут под влияние Польши и что со временем поляки полонизируют их»[24]. Подобная точка зрения находит отражение и в западной историографии. Например, А. Ролле указывает, что так называемая концепция федерации на самом деле была дымовой завесой. Доказывая свою точку зрения, французский историк приводит, в частности, выдержку из письма Пилсудского Л. Василевскому и указывает, что Пилсудский «здесь циничен». «Ввиду того, — писал Пилсудский, — что мир, кажется, начинает поговаривать о братстве народов и наций... я предпочитаю склониться в сторону федералистов»[25]. В свою очередь датский историк К. Лундгреен Нельсен указывает, что инструкции Пилсудского по поводу границ Польши, направлявшиеся польской делегации на мирной конференции в Париже, не позволяют говорить о его федералистских убеждениях.

В конце концов при решении вопроса о польских восточных границах лидеры возрожденного Польского государства решили прибегнуть к оружию, так как, по признанию самого Пилсудского, он не видел, кто хотел бы в тот период строить с Польшей федерацию.

В польской эмигрантской исторической литературе подчеркивается, что восточная граница Польши, установленная в Риге, была, безусловно, признана международным сообществом. Что касается собственно польской историографии, то для нее характерной является констатация того, что решением Конференции послов 15 марта 1923 года относительно границы между Польшей и Советским Союзом «окончательно завер-

[19] Kowalski W. T. Walka dyptomatyczna o miejsce Polski w Europie. 1939—1945. Warszawa, 1979.— S. 60.

[20] Цит. по: Mikulicz S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. — Warszawa, 1971. — S. 12.

[21] Kaminski M., Zacharias M. Polityka zagraniczna II Rzecrypospolity. 1918—1939. Warszawa, 1987. — S. 40.

[22] Rosé A. Ch. La politique polonaise entre les deux guerres. Un aspect du problème européen. — Neuchatel, 1945. — P. 69.

[23] Chojnowski A. Op. cit. — S. 19.

[24] См.: Mackiewicz S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrzesnia 1939. — Londyn, 1941. — S. 106—107.

[25] Rollet H. Op. cit. — P. 104.

шился период формирования границ II Речи Посполитой»[26]. В то же время многие западные исследователи акцентируют внимание на том, что решение Конференции послов не являлось, по сути, полноценным признанием западными державами границы, установленной в Риге. При этом отмечается, что в резолюции Конференции послов говорилось о признании «линии, намеченной и зафиксированной 22 ноября 1922 г. по соглашению и под ответственность двух государств». «Применив эту формулировку, — заключает А. Ролле, — великие державы избежали признания Рижского договора»[27]. На эту формулировку обращает также внимание крупнейший американский специалист по проблемам национальных меньшинств С. Хорак, критически отзываясь при этом об утверждении польского эмигрантского автора Т. Комарницкого, считающего, что решение Конференции послов было окончательным установлением границ Польши.

Установленная в 1921 году в Риге граница включила в состав Польши обширные территории Западной Белоруссии и Западной Украины, на которых, как констатируют все занимавшиеся изучением этого вопроса исследователи, польское население составляло порой совершенно незначительное меньшинство. Конкретные данные, приводимые в этом отношении различными авторами, отличаются, что связано прежде всего с тем, как писал польский историк Х. Зелиньский, что в Польше, «как и в других странах, статистика, характеризующая национальный состав населения, была статистикой наиболее манипулируемой в интересах господствующей нации»[28]. Аналогичной точки зрения придерживается А. Хойновский, указывая, что переписи населения 1921 и 1931 гг. отличались различного рода недостатками и даже сознательной фальсификацией, в связи с чем представляется затруднительным установить точное количество жителей Польши украинской и белорусской национальностей.

На фальсификацию переписей в Польше указывает и С. Хорак. «Украинское меньшинство, — пишет он, — было разделено на «украинцев» и «русинов». Новое «национальное меньшинство» было изобретено и применительно к белорусам, оно получило название «местные». В 1931 г. «местных» было 707 088 человек»[29]. Польский историк М. Турлейская останавливается в своем исследовании на появлении термина «русин». Указывая на то, что он всячески поддерживался и сознательно применялся польскими властями для украинцев, живших на территории, некогда входившей в состав Австро-Венгерской империи, М. Турлейская подчеркивает, что его использование во всех официальных польских документах «должно было означать отказ от признания существования здесь украинской нации»[30].

В целом разные авторы приводят различные данные относительно численности украинского и белорусского населения, включенного в состав Польши. Цифры варьируют, когда касается белорусов, от 989 000 до 2 020 000 человек, относительно украинцев приводятся цифры от 3 222 000 до 5 660 000 человек[31]. Характерно при этом, что польские эмигрантские авторы предпочитают приводить заниженные данные.

По-видимому, все исследователи, занимавшиеся изучением этого вопроса, не склонны рассматривать территории Западной Белоруссии и Западной Украины в качестве этнической польской территории. Представляется небезынтересным привести также высказывание по этому поводу Л. Ноэля, бывшего перед второй мировой войной послом Франции в Варшаве. Будучи знакомым со многими представителями высшего света Польши, он нередко посещал их обширные поместья в Западной Белоруссии и Западной Украине, своими глазами видел обстановку на этих территориях. В вышедшей в Париже в 1984 году книге своих воспоминаний он писал: «Они (т. е. поляки. — **В. П.**) считали польскими Вильно, Пинск, Тернополь, Львов и прилегающие районы. Однако достаточно было посетить эти территории, чтобы убедиться, что они таковыми не являются. Здесь не чувствовалось, что находишься в Польше. Впрочем, и сами польские власти, несмотря на все их уверения, чувствовали себя здесь почти что за границей. Местных жителей они не считали настоящими поляками»[32].

Состояние национального вопроса и социально-экономическое положение народов Западной Украины и Западной Белоруссии в составе Польши является темой, по которой в зарубежной историографии нет существенных разногласий. Исключение составляют лишь труды польских эмигрантских авторов, вышедшие в первые послевоенные годы и имевшие целью не научное освещение вопроса, а «обоснование» польских претензий на эти территории. Следует, однако, отметить, что и у некоторых современных польских эмигрантских исследователей наблюдается тенденция к «смещению акцентов», попытка выдать следствие за причину, в частности, свалить ответственность за репрессии, которым подвергалось украинское и белорусское население, на самих украинцев и белорусов. «Они (т. е. жители Западной Украины и Западной Белоруссии. — **В. П.**) не имели традиций цивилизованного управления, — пишет Я. Карский, — враждебность по отношению к государственным органам и властям считалась патриотическим долгом»[33]. Однако большинство исследователей, как польских, так и английских, французских, американских, придерживаются той точки зрения, что постоянно обострявшаяся на протяжении межвоенного двадцатилетия проблема

---

[26] См.: Kaminski M., Zacharias M. Op. cit. — S. 61.
[27] Rollet H. Op. cit. — P. 146.
[28] Zielinski H. Historia Polski 1914—1939.— Wroclaw, 1985. — S. 125.
[29] Horak S. Poland and her national minorities 1919—1939. New York, 1961. — P. 89.
[30] Turlejska M. Rok przed Rieska. Warszawa, 1969.—S. 176.
[31] См.: Garlinski J. Poland in the Second World War.— London. — Basinystore, 1985. — P. XVII; Farmer K. S. Op. cit. — P. 41; Horak S. Op. cit. — P. 90.
[32] Noel L. La Pologne entre deux mondes. — Paris, 1984. — P. 190.
[33] Karski J. The Great powers and Poland 1939—1945. From Versailles to Yalta. Lonham—London—New York, 1985. — P. 77.

национальных меньшинств в Польше была связана с политикой, проводившейся польскими правительствами.

«Отношения между государством и его непольскими жителями с самого начала характеризовались конфликтом. Большинство украинцев, белорусов... оказалось под польской властью против своей воли» [34], — пишет А. Хойновский. Однако этот автор, считая, что конфликт между Польским государством с одной стороны и украинцами и белорусами — с другой «имел объективный характер», выдвигает тезис, согласно которому Польское государство не могло удовлетворить «максималистских требований национальных меньшинств, часто стремившихся к изменению территориального status quo». Польский историк даже не ставит вопрос о праве белорусского и украинского народов на самоопределение и воссоединение в собственных государственных формированиях. Подобного рода «позиция недосказанного» является контрастной по сравнению с выводами большинства западных исследователей.

Нескончаемыми испытаниями в религиозном, культурном, экономическом плане называет судьбу украинцев и белорусов в довоенной Польше З. Коэтс. Польская политика в отношении национальных меньшинств, пишет С. Хорак, свидетельствует, что Польская республика, желая расширить территорию, находящуюся под польским политическим контролем, включила в качестве основного средства в свою политику метод поглощения польским этническим элементом территорий, населенных неполяками. Как выражение иллюзий великодержавности, это можно понять,— добавляет американский исследователь,— но нельзя оправдать.

Другой американский автор К. Фармер в свою очередь подчеркивает, что в представлении поляков относительно их страны доминировала идея национального, а не многонационального государства. Это способствовало постоянной враждебности и противоборству между поляками и неполяками. «Усилия Польского государства при этом были направлены не на поиски компромисса, а на усмирение и полонизацию недовольных национальных меньшинств» [35]. Для определения польской политики в национальном вопросе автор использует такое понятие, как шовинизм, указывая, что национальные меньшинства продолжали сопротивляться включению их в состав Польского государства. Необходимо принять во внимание, что национальные меньшинства в Польше составляли до 39 проц. общего количества населения [36].

[34] Chojnowski A. Op. cit. — S. 5.
[35] Farmer K. C. National minorities in Poland 1919—1980.— In Eastern European national minorities 1919—1980. Littleton, 1985. — P. 37, 38.
[36] Такую цифру приводит С. Хорак в указанной ранее книге (С. 12).

Любопытный документ относительно целей проводившейся польскими властями национальной политики приводит А. Хойновский. На одном из совещаний представителей воеводских управлений из восточных и южных воеводств довоенной Польши глава Департамента вероисповеданий Х. Дуинн-Борковский прямо заявил, что целью правительства является увеличение повсюду, где это представляется возможным, экспансии польской культуры. «Что же касается воеводств Виленского, Новогрудского, Полесского, Белостоцкого, Люблинского и трех северных поветов Волынского [37], то, можем прямо об этом сказать, здесь мы ставим своей целью полонизацию» [38].

Культурное, социальное и экономическое подавление белорусского и украинского народов в довоенной Польше отмечают практически все зарубежные авторы. Подавлялось любое прогрессивное общественное движение, создававшиеся на национальной основе профсоюзы. Репрессии против левой печати, например в Западной Белоруссии, были гораздо суровее, нежели в других частях страны. Стоит ли говорить о том, каким репрессиям подвергались коммунистические партии Западной Украины и Западной Белоруссии, действовавшие в подполье.

Западные авторы указывают на массовое закрытие школ, где велось преподавание на украинском и белорусском языках, при этом, по мнению С. Хорака, в форсировании полонизации украинцев и белорусов именно система образования играла главенствующую роль. Исследователи подчеркивают, что, закрывая национальные школы, Польша тем самым нарушала ст. 7 Рижского договора. Параграф I этой статьи обязывал Польшу обеспечить свободное развитие культуры и языка белорусов и украинцев, гарантировал им право получать образование на родном языке.

«Земли Западной Белоруссии и Западной Украины, так называемые Кресы Всходне,— пишет М. Турлейская,— это была Польша группы «Б.»—отсталые территории с наименьшим количеством промышленных предприятий и наибольшим количеством неграмотных, настоящая периферия метрополии, лишенная возможности участвовать в определении своей судьбы» [39]. Внутренней колонией называет западнобелорусские земли другая польская исследовательница — А. Бергман. Американский историк Дж. Гросс констатирует, что детская смертность на этих территориях была выше, чем где бы то ни было в Польше, а потребление мяса, равнявшееся в среднем по стране 20 кг на человека в год, в Тернополе и Станиславе было ниже наполовину и доходило в отдельных местностях до 4,3 кг.

[37] Т. е. речь идет о территории Западной Белоруссии и Западной Украины.
[38] Chojnowski A. Op. cit. — S. 238.
[39] Turlejska M. Op. cit. — S. 173.

(Продолжение следует)

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

НАШЕ ВРЕМЯ — время безудержных надежд и горьких разочарований. Оно сбрасывает с постаментов недавних идолов и до небес возносит новых, часто еще вчера столь же безоговорочно гонимых и официальной пропагандой, и общественным мнением. Один из переживших подобную метаморфозу — Солженицын. Совсем недавно символ злобной антисоветчины, стал этот писатель ныне едва ли не самым читаемым и чтимым из современников в советском обществе. Журналы с солженицынскими произведениями нарасхват, «Новому миру», напечатавшему в прошлом году «Архипелаг ГУЛАГ», не хватает бумаги для удовлетворения всех подписчиков, желающих и в нынешнем читать Солженицына, издательство «Советский писатель» срочно готовит к выпуску в свет сочинения этого литератора. Похоже, послеоктябрьскую историю нашей Родины многие теперь представляют «по Солженицыну».

Но крайности всегда порочны. И пьедесталы в нашей общественной жизни, как показывают события последних лет, на удивление и до неприличия шатки. И потому, прежде чем громоздить новый, столь важно всмотреться: кого теперь-то возносим над собственными головами? Мы предлагаем читателям журнала вместе с нами попристальнее взглянуть — что за фигура Солженицын, каково нравственное лицо этого сегодняшнего властителя миллионов людских душ? С этой целью редакция решила начать публикацию рукописи книги недавно умершего Л. А. Самутина «Не сотвори кумира». Полагаем, автор, близко знавший Александра Исаевича, беспристрастен в оценках. Бывший власовец, честно отсидевший после войны свой срок в воркутинском лагере, диссидент, он, по сути, был соавтором некоторых страниц «Архипелага ГУЛАГ». В семидесятые годы по просьбе Солженицына прятал у себя рукопись от КГБ. Понятное дело, случайным людям такое не поручают. Поэтому не доверять его оценкам и выводам оснований вроде бы нет. К тому же вряд ли можно заподозрить Самутина в желании понравиться Советской власти, против которой он долгие годы боролся вполне сознательно. Ведь за перо он взялся на склоне лет, когда, как говорится, впору было думать о душе.

Быть может, кто-то из наиболее ярых и некритичных приверженцев творчества Солженицына, прочитав публикуемый отрывок из книги Самутина, поспешит обвинить нас в попытке скомпрометировать Александра Исаевича. Не торопитесь. Дочитайте до конца. Рукопись объемная, и публиковать ее с небольшими сокращениями мы будем долго.

Публикация капитана 2 ранга С. Г. ИЩЕНКО

Я СТАЛ диссидентом, как принято говорить, лет за сорок до того, как это, скажем прямо, не очень точное словечко вошло в обиход. И остался тем самым «горбатым», которого исправит только могила: хотя годы и события многому научили меня, продолжаю исповедовать свои собственные взгляды на некоторые вопросы жизни, политики, истории.

Но я сел за машинку вовсе не для того, чтобы отстаивать их или полемизировать с теми, кто мыслит не так, как я. Мне хочется просто рассказать снисходительному читателю историю двух поворотных пунктов моей жизни, двух кардинальных разочарований.

Мой диссидентский счет не мал. В годы войны судьба сложилась так, что я оказался на посту редактора одной из газет, издававшихся власовским пропагандистским аппаратом для власовских солдат и офицеров. Закономерным продолжением этой «карьеры» были десять лет лагерей...

Несколько лет хранил я в глубокой тайне рукопись книги с авторскими правками на полях и между строчек. Человек, написавший книгу, мелким, почти бисерным почерком внес в машинописный текст свои поправки, изменения и дополнения. С ним судьба познакомила меня за девять лет до описываемых событий. При обстоятельствах, о которых пойдет речь ниже, рукопись исчезла.

И вот сейчас эта книга снова лежит предо мной — на этот раз уже в напечатанном виде. Парижское издательство издало ее тремя пухлыми томами, напечатав на толстой, ярко-белой бумаге с глянцевыми, красочными обложками. Авторское предуведомление к книге звучит как великопостный колокол: «Со стеснением в сердце я годами воздерживался от печатания этой уже готовой книги: долг перед еще живыми перевешивал долг перед умершими. Но теперь, когда госбезопасность все равно взяла эту книгу, мне ничего не остается, как немедленно опубликовать ее.

А. Солженицын.
Сентябрь, 1973»

Эта книга — «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына. И рукопись именно этой книги взяла у меня госбезопасность в ночь с 29 на 30 августа 1973 года.

Когда-нибудь историки литературы будут копаться в архивах, отыскивая детали ушедших событий, что сопровождали появление на свет «Архипелага». Сам автор прямо связывает свое решение о его публикации с изъятием экземпляра рукописи госбезопасностью.

Мне же сейчас, пока рука водит пером и память не ослабла, внутренний голос говорит о необходимости переложить все на бумагу так, как это произошло, чтобы толки и слухи не исказили действительность до неузнаваемости.

Действующих лиц истории хранения рукописи «Архипелага» было двое в Ленинграде — Елизавета Денисовна Воронянская и я. Елизавета Денисовна работала машинисткой, много печатала Солженицыну, выполняла многие его поручения и просьбы. Причем делала все совершенно бескорыстно, из одной беспредельной преданности, доходившей до полного самопожертвования. Воронянская печатала и рукопись «Архипелага».

Познакомил меня с ней сам Солженицын, когда ранней весной 1968 года мы встретились в Ленинграде. Я приехал туда из Воркуты, он — из Рязани. Целью встреч была передача мною Солженицыну материалов, нужных ему для литературной работы, как выяснилось потом — для его книги «Архипелаг ГУЛАГ». Воронянская оказалась очень интересным, литературно широко образованным человеком, полностью разделяла взгляды и Солженицына, и мои, и мне с ней было легко, свободно и занимательно. У нас возникла хорошая, большая, доверительная дружба.

Летом 1969 года Елизавета Денисовна дала мне рукопись «Архипелага» сначала прочитать, сопроводив всевозможными наставлениями о соблюдении строжайшей секретности и осторожности, а потом обратилась с просьбой взять рукопись на хранение. При этом сказала, что с автором согласовано, он не воз-

ражает, чтобы рукопись хранилась у меня.

О существовании «Архипелага ГУЛАГ» к тому времени я уже знал от самого Солженицына. Мне показалось чрезвычайно лестным выполнить это поручение, и я согласился. Сознание, что в хранении такой крамольной рукописи заключалась реальная опасность, меня не остановило. В жизни мне пришлось подвергнуться столько раз всякого рода напастям, что притупилось чувство боязни. И поэтому целых четыре года я был хранителем этой литературной сверхбомбы.

Я хранил верность Солженицыну до той ночи, когда у меня на даче был изъят его архив. Впрочем, к тому моменту я уже достаточно разочаровался в Александре Исаевиче. Есть смысл начать мои записки именно с тех дней.

Глава первая

Кажется, только вчера, 28 августа 1973 года я с семьей вернулся с дачи. Детям предстояло идти в школу, у жены заканчивался отпуск, мы предполагали провести оставшиеся до 1 сентября дни в последних летних хлопотах. Но все вышло иначе. Вечером к нам пришла дальняя родственница нашего большого друга Елизаветы Денисовны и сообщила, что Воронянской, увы, уже нет в живых. Похороны — послезавтра. На все вопросы: где, когда, по какой причине и т. д., эта женщина давала один ответ:

— Ничего не знаю.

Единственное, что удалось выжать из нее, это что смерть произошла несколько дней назад, но тело находилось в морге, потому что шло следствие. Почему оно назначено, кто его вел, каковы результаты? Все оставалось неизвестным. Ясно было лишь, раз тело выдано для погребения — это означает конец следствия.

Весь вечер и все следующее утро мы с женой потратили на то, чтобы хоть что-то выяснить. Но никто, решительно никто из наших общих знакомых не мог дать нам хотя бы самой скудной информации. Удалось, правда, выяснить, что Воронянская вернулась из Крыма, где она отдыхала, в первых числах месяца. С той поры она по каким-то непонятным причинам никому не звонила, никого не навестила. Мы с женой были более всего удивлены тем, что Елизавета Денисовна не приехала к нам на дачу. Обычно она была у нас самой частой гостьей, приезжала запросто, без приглашений и предупреждений.

Но как бы непонятно и печально все это ии было, жизнь есть жизнь. Утром мне пришлось поехать в поликлинику. Ее здание совсем близко от автобусной остановки. Нужно лишь перейти на другую сторону улицы. Здесь ни светофора, ни пешеходной дорожки и обычно очень сильное движение. Но в этот раз повезло. Ни одной машины. Я шагнул на мостовую и вдруг услышал негромкий оклик:

— Леонид Александрович!

Оборачиваюсь, вижу незнакомого молодого человека. Он вынул из внутреннего кармана пиджака удостоверение в темно-красной обложке и показал мне.

— Я из Комитета государственной безопасности. Прошу Вас, Леонид Александрович, в машину. Вас ждут.

У тротуара прижалась серая «Волга». Откуда она взялась? Секуиду назад улица была пуста.

«Берут, — пронеслось в голове. — Нет. Уже взяли».

Молча шагнул к машине. Дверь любезно приоткрылась, и я опустился на заднее сиденье. Мой похититель сел рядом с шофером, и «Волга» рванулась с места.

Итак, взяли. Дома уже, наверное, обыск в полном разгаре. Жена потеряла от ужаса дар речи. Дети... Лучше и не думать о том, что происходит с детьми.

Машина свернула на круглую площадь и, огибая ее, проехала мимо нашей улицы. Значит, меня везут не домой. Куда бы то ни было — это хорошо... Дети не увидят уничтоженного, раздавленного отца. А я... Когда-то теперь увижу дочь и сына! Но права на сочувствие к самому себе у меня нет. Знал, на что шел. Точно так же, как и тогда. Но четверть века назад меня не волновали заботы о жене и детях.

Впрочем, все это лирика. А нужно спокойно и трезво подумать, что может мне грозить, как будет звучать формула обвинения, что они знают?

Легче всего заняться самообманом, гордо и непримиримо доказывать самому себе, что, мол, ничего страшного за тобой нет. Ну, хранил какие-то бумаги, иногда участвовал в их обсуждении, высказывал крамольные, с точки зрения властей, мысли. Но, помилуйте, никаких активных действий, никакой практической деятельности. Будь я следователем по делу Леонида Александровича Самутина, я так бы и рассудил и написал бы постановление об освобождении из-под стражи за отсутствием состава преступления. Но такая позиция хороша перед женой или друзьями. А что касается властей, жизнь давно научила меня — нужно рассчитывать на самые худшие варианты. Они могут выглядеть так: группа антисоветски настроенных граждан систематически занималась изготовлением и распространением материалов, направленных на подрыв существующего строя. Часть этих материалов размножалась машинописным путем, часть нелегально отправлялась за рубеж, издавалась там и оплачивалась валютой, которая опять-таки, проходя через руки членов упомянутой группы, попадала затем к авторам. В свое время Александр Исаевич Солженицын получил восемь лет лагерей за намерение создать нелегальную группу. Намерение неосуществленное. А тут — налицо вещественные доказательства. Представляю себе, что могли найти в комнате Елизаветы Денисовны. Думаю о том, насколько эти находки прольют свет на мои отношения с группой.

Пока что все абсолютно неясно, и будет выявляться крупица по крупице в ходе следствия. Нельзя же представить, что покойная перед смертью оставила специально для КГБ обстоятельное письмо, где сообщила бы, что весь объемистый архив хранится у некоего Самутина... Впрочем, все эти бумаги найдут и так. При первом же обыске. И я никак не смогу объяснить, откуда они взялись, не упоминая о Елизавете Денисовне.

И вдруг острая и запоздалая догадка. Записная книжка — при мне. Там десятки фамилий и телефонов. Все это «связи». Сколько же людей потяну я за собой, если не в яму, то на край ее! Ведь по каждому имени и телефону будут расспрашивать. Но книжку незаметно не выбросишь и не растворишь во рту как таблетку.

Машина сворачивает с Литейного и останавливается у дома, сотни раз проходя мимо которого я читал вывеску «Бюро пропусков». Однако меня просят пройти за угол и войти в другие двери. Дежурный милиционер даже не взглянул на меня. За дверью оказывается мрачная комната: единственное окно почти упирается в стену соседнего дома. Два стола — письменный и маленький квадратный, тумбочка с двумя телефонами. Позади кресло, что стоит у письменного стола, еще одна дверь. «Шмональная камера?» — как это называется на лагерном жаргоне. Впрочем, не похоже. Дверь, наверное, ведет в подвал. Туда сейчас придется проследовать. Молчу, не задаю никаких вопросов. Знаю, что никакого ответа все равно не получу. Не хочу унижаться. Пусть пропускают через свою чертову мельницу, судьба моя все равно давно решена, днем раньше, днем позже — какая разница?

* * *

Вручая мне документы об освобождении весной 1955 года, лагерный офицер сказал:

— Только никаких «до свидания». Самое искреннее пожелание, чтобы никогда не встречаться.

Я оказался на свободе. Не в качестве реабилитированного, невинно осужденного в свое время, не как амнистированный, а просто отсидев «от звонка до звонка» свои десять лет, полученные за измену Родине в военное время и службу сначала у немцев в различных «национальных» формированиях, а затем в «русской освободительной армии» генерала Власова. Что ожидало меня впереди? Еще в лагере, в грустную минуту мой товарищ по беде сказал как-то:

— А если и доживем до свобо-

ды, что делать будем? Пирожками торговать? Куда нас еще возьмут?

Но и мой товарищ, и я, полностью разделявший этот мрачный прогноз, ошиблись. Я, пользуясь модным ныне словечком, быстро «интегрировался» в обычной, как у миллионов людей, жизни. У меня была прекрасная работа, и я благополучно вышел на пеисию по старости, получив ее в положенный срок и в максимальном размере. И мой товарищ тоже сразу нашел работу по профессии и проработал свои 15 лет до пенсии сначала инжеиером-конструктором, а потом — начальником конструкторского отдела завода. Не пришлось нам пирожками торговать...

Я не могу пожаловаться на свою квартиру в Ленинграде и на дачу в Чаще, километрах в ста от великого города.

По понятным причинам я не афишировал своего прошлого. Да никто о нем и не спрашивал. Ленинград — не село, где жизнь и прошлое каждого на виду у всех. Словом, я был в глазах окружающих человеком вполне респектабельным, лояльиым.

Никто и подумать не мог, что есть у меня вторая жизнь. За десятилетия до того, как распространилось словечко «диссидент», у меня сложились свои собственные взгляды иа все, что происходит вокруг. Мне не нравились Советская власть и советский образ жизни. Ни моя служба у немцев, ни десять лет в лагерях Воркуты появлеиию симпатий к ним, конечно, не содействовали. Но после выхода из лагеря я постарался запрятать свои чувства достаточно глубоко и помалкивал. Во всяком случае самый строгий следователь не нашел бы в моем поведении в первые годы после освобождения никакой крамолы.

Перелом случился, когда в журиале «Новый мир» я прочитал повесть Солженицына «Один день Ивана Деиисовича». Нет, коиечно, я не нашел для себя в этой повести чего-то нового. Мие-то сразу было видио, что повидал я куда побольше, чем автор. Да и в официальных речах и в тех воспомииаииях, что появлялись еще до или почти одновремеиио с повестью, было сказаио ничуть не меньше. Не пришел я в восторг и от художественных качеств этого произведения. Для тех, кто не хлебал лагерной баланды, язык этой кииги казался откровением. Нам же, былым лагерникам, он был хорошо известен. Что касается характеров — они (как, впрочем, во всех вещах Солженицына) только фишки на схеме, покорно иллюстрирующие замысел литератора. Меня взволновало в этой повести совсем другое.

Читатель, который не прошел через лагеря, рисовал себе Солженицына в первую очередь мученником, которому многое прощается. Он, неискушеиный чнтатель, не мог, да и не хотел увидеть, каковы иа самом деле взгляды автора на государство, на народ, на товарищей по несчастью. А мне, знавшему жизнь и описываемых людей не хуже, чем знал Солженицын, по десяткам мало что говоривших посторонним деталей было ясно, что у этого человека на уме.

Все годы, прошедшие после освобождения, я ие искал единомышленников, но тосковал по ним. А тут он сам словно вошел в мой дом, и будто глаза его без слов сказали мне:

— Мы из одного теста, Леонид. Я так же, как и ты, иедоволен этой страной. И теми, кто ей управляет, и темн, кто позволяет управлять собой.

Я стал искать случай познакомиться с Солженицыным, и это мне удалось. Потом, это случилось както естественно, узнавал больше и больше о его делах и планах, приинмал их все блнже к сердцу. Идея ищет персонификации в какой-либо, чем крупнее, тем лучше, единой фигуре. Ею для меня стал Солженицын. Еще крепче связала нас покойница Воронянская. Я знал, что у нее с А. И. — так называли мы его в своем кругу — отношения особые, очень тесиые. Она выполияла все его поручеиия, вплоть до самых деликатных, готова была за него идти в огонь и в воду. Мнение Александра Исаевича было для нее высшим мерилом и в политике, и в морали, и в отиошении к людям.

Меия ие удивило, когда Елизавета Денисовна попросила меня пре-

доставить в ее распоряжение «захоронку» (это было словечко Солженицына) в Чаще, на моей даче, для хранения своего архива. Так стали копиться у меня и материалы самого Солженицына, и «самиздатовские» рукописи, и неведомыми мне путями прибывавшая с Запада литература. Однажды Елизавета Денисовна вручила мне пухлую стопу листов — рукопись «Архипелага ГУЛАГ». Я уже слышал об этой работе от самого Солженицына, знал, что Солженицын пишет историю лагерей, и сам дал ему свой материал. Я перечитал будущую книгу от корки до корки.

Несколько дней спустя мы сидели у меня дома за чаем. Дождавшись, когда жена вышла на кухню, Елизавета Денисовна патетически воскликнула:

— Вы понимаете, что если эта рукопись станет известна — погибнут сотни людей?!

— Почему? — удивился я.

— Там записаны рассказы бывших «зеков». Каждому из них грозит гибель.

Я попытался успокоить разволновавшуюся гостью, объяснить ей, что коль скоро эти рассказы анонимны за немногими исключениями, то рассказчикам ничего не может угрожать. Тем более что, как правило, в этой книге нет свидетелей. Вся информация идет из вторых или третьих рук. Это лишает ее доказательного значения (что плохо!), зато и не налагает на пересказчиков никакой ответственности (что хорошо!).

— Вот автору за слишком вольное обращение с фактами, да нам с вами за помощь ему, конечно, дадут по мозгам...

С таким же успехом я мог бы доказать что-нибудь бронзовому памятнику Екатерины Второй.

— Вы не понимаете, — лицо Елизаветы Денисовны искривила гримаса страдания, — А. И. считает так. А он знает...

Я пробормотал нечто вроде того, что, мол, наши головы мне тоже достаточно дороги, и поэтому я, конечно, приму все меры. Какие — я и сам не знал, но на Елизавету Денисовну это подействовало.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно произнесла она. — Слава богу, вы признали, что ОН прав.

* * *

Легонько стукнула наружная дверь, открылась внутренняя, и в комнату вошли один за другим два осанистых пожилых человека в добротных костюмах. Оба в очках. Старший сел за письменный стол, второй устроился у маленького. Я чувствовал, как недобро смотрят из-за темных стекол на меня его колючие глаза.

Оба вошедших оказались в одинаковом звании. Полковники. Старший представился Николаем Семеновичем и представил второго — Петр Иванович. Сразу же перешел к делу.

— Нам доподлинно известно — подчеркиваю, доподлинно, что у вас хранится ряд книг и рукописей Солженицына. Так или нет?

Что отвечать? Сказать, что не вижу в этом преступления?

Что это даст? Отрицать? Бессмысленно. Все равно найдут.

— Впрочем, вы можете не отвечать, — подсказывает полковник.— Я просто ставлю вас в известность о том, что мы точно знаем, какие именно материалы находятся у вас.

Он вынимает из кармана листок и перечисляет. Все точно, кроме одной рукописи, в листке не значащейся — «Архипа»! Видимо, у покойницы Воронянской нашли список или что-нибудь в этом роде.

— Может быть, я что-то пропустил? — любезно спрашивает Николай Семенович.

— Ну-у, есть еще кое-какие самиздатовские рукописи, — мямлю я.

Если они так осведомлены, то почему просто не нагрянули с обыском? Что тут за игра?

— Нет, — слышу голос Николая Семеновича. — Не кое-какие материалы, а вполне определенные.

Он делает паузу и добавляет:

— «Архипелаг ГУЛАГ», или, как вы его называете, «Архип».

Я продолжал молчать.

Мой собеседник явно чувствует, что я опасаюсь «хода» с его стороны. И спокойно, даже, кажется, чуть улыбнувшись, называет дату вручения мне рукописи. Больше того, он называет те самые дни (это было дважды), когда я по просьбе

Елизаветы Денисовны на время возвращал ей «Архипа»: видимо, она давала ее кому-то на прочтение.

— Перейдем к сути дела, — продолжал Николай Семенович. — Вот два ордера. Один на производство обыска у вас на квартире. Другой — на даче. Бригады для обысков уже готовы и ожидают распоряжения. Вы сами понимаете, коль скоро мы не знаем, где нужно искать, то не остановимся, пока не найдем. Но есть ли смысл усложнять все это? Вы представляете, что при этом не избежать определенной нервной травмы и вашей жене, и вашим детям? Особено детям. Поэтому не лучше ли все упростить. Вы добровольно отдаете нам все перечисленное, в том числе и «Архипелаг». А мы воздерживаемся от обысков.

Провал полный. Можно считать, что рукописи и книги Солженицына у них в руках. Это ясно. Но можно спасти некоторые материалы, которые хранятся в квартире. Это сохранит в неизвестности для них несколько имен, смягчит все происходящее для жены и детей. Придется соглашаться. Но я все-таки пытаюсь еще оттянуть время, выиграть какие-то секунды, что-то придумать...

— Значит, вам нужен архив Воронянской, — говорю я только для того, чтобы что-то сказать. И тут же чувствую: это находка!

Бедная Елизавета Денисовна! Но ей-то теперь все равно...

Полковники переглядываются.

— Ну что ж. Пусть это называется «архив Воронянской». Где он находится? В городе или в Чаще?

— В Чаще.

— Совсем хорошо. Значит, в квартиру и заглядывать не придется.

Пока вызывают машины и сопровождающих, я лихорадочно соображаю, не стоит ли спросить о Воронянской? Но Николай Семенович опережает:

— Когда вы узнали о смерти Воронянской?

«Можно подумать, что он этого не знает», — усмехнулся я про себя. Наверняка эту родственницу с известием о смерти послали они. А потом ждали, что я схвачу чемодан с крамолой и побегу перепрятывать. Тут бы меня и взяли.

— Вчера узнал, — коротко отвечаю я.

— От кого?

Я объясняю.

— А эта женщина не рассказала вам, отчего умерла Воронянская?

— Я до сих пор этого не знаю.

— Она повесилась, — тихо говорит полковник. — Была у нас, очень многое рассказала. Собственно, все рассказала. А потом ушла... И вот повесилась.

Слова полковника дошли до меня откуда-то издалека. Чувство острой жалости к Елизавете Денисовне вытеснило на время все остальные. Зачем? Зачем она сделала это?

— Мы виделись с ней за две недели до смерти, — добавляет собеседник.

Как, две недели прошло после ее допроса, и она не приехала к нам, ничего не сообщила о всех этих событиях?

Спустя всего несколько часов мы уже возвращались из Чащи. На полу машины, в ногах у молчаливого молодого чекиста, сопровождавшего нас, стоял рюкзак, где среди других папок лежала рукопись «Архипелага». Что будет с ней и теми, кто имел к ней отношение?

Я не беспокоился за судьбу многочисленных «соавторов» этой книги. О причинах этого уже упоминал. Могу добавить, что многие из приведенных там историй мне доводилось слышать в лагерях, да и не один раз, во многих вариантах. В ту пору мы обычно отмахивались от них, как отмахивается солдат в лазарете от попытки рассказать о случае, который, дескать, «был в нашем полку». Но если «просто рассказчиков» лишь не баловали вниманием, то туго приходилось тем, кто пытался выдавать себя за очевидца одного из таких эпизодов, или — еще хуже — участника-жертву. Неделями, при каждом удобном случае, издевались над ним. И это было естественно. В каждом лагере были свои жертвы и свои герои, которым платили своеобразным лагерным уважением. И любая попытка вырасти в глазах окружающих за счет старых баек вызывала неприязнь.

Конечно, никто и никогда не стал бы заниматься розысками этих безымянных деятелей тюремного творчества, создателей лагерного эпоса, перенесенного с великой тщательностью на бумагу Солженицыным. А вот мне могли грозить серьезные неприятности, что усугублялось моим прошлым. Как это ни странно, мысль о том, что пострадавшим окажусь один я, поскольку Воронянской уже никто ничего не мог сделать, меня успокоила. В конце концов никого не «заложил», уже хорошо!

Вспомнил свою собственную реакцию на эту странную книгу. Прочел первый том залпом и пришел в восторг. Не думайте, что я не заметил нелепостей и несуразностей, натяжек, искажения фактов, выдумок и тому подобного. Кому-кому, а мне-то описываемое в рукописи было достаточно знакомо. Но я пришел в веселое, если не сказать победное настроение. «Так и надо! — мысленно восклицал я тогда.— Пусть опровергают! Пусть доказывают обратное! Комочки грязи все равно присохнут! Клевета, ну и пусть! Зато влепил А. И. им пощечину!»

Впрочем, моего энтузиазма хватило ненадолго. Быстро пришло похмелье. Сначала я подумал о многочисленных «достоверных данных», которых так много в этой книге. Боже, как они мне знакомы! Еще с тех времен, когда я занимался пропагандой во власовской армии и нас усиленно питали материалами из геббельсовского министерства пропаганды. Да и в вермахте не было батальонной библиотечки, в которой не валялись бы тощие брошюрки о «большевистских зверствах». В них в разных комбинациях цитировались достижения безымянных гениев статистики, с предельной точностью знавших все о стране, где они никогда не были, ни с одним гражданином которой они не беседовали и о которой за всю жизнь не прочли ни одной путной книги. Великолепные «свидетельства жертв», которые поначалу показались мне горючим материалом, способным кое-что запалить в этой стране, теперь приводили меня в бешенство. Кто поверит в эту «туфту»? Из каких шепотков на нарах, от каких жалких личностей слышал Исаич, а потом силой своего авторитета попытался возвести в ранг непреложной истины эти «открытия»?

Но, пожалуй, самое большое разочарование вызвали у меня, как это ни странно, те немногие страницы «Архипелага», где автор писал правду. Вот он на «общих работах» в сравнительно легком подмосковном лагере. Пребывание его там продолжалось три недели из восьми лет заключения. Всего три недели Александр Исаевич был как все. Впрочем, нет — в значительно лучшем положении, чем все, чем 99 процентов заключенных: с передачами, возможностью свиданий, спокойным режимом. И что же? Проклятия судьбе, мысли о смерти, ненависть ко всем окружающим... Вопли, которых никогда не слышали ни в штрафных изоляторах, ни в бараках усиленного режима, ни за Полярным кругом, ни на лесоповале — во всех тех местах, о которых Солженицын знал только понаслышке и где действительно можно было отчаяться...

А что стоило поведение героя книги на следствии? Когда я беседовал с людьми, читавшими эту главу или слышавшими ее по радио, я убедился, что никто ничего в ней не понял. Даже Н. А. Решетовская (жена А. И. Солженицына), которая не раз слышала обо всех деталях следствия от супруга и перепечатывала когда-то эту главу, даже покойная Воронянская, знавшая ее чуть ли не наизусть. Удивляться тут не приходится. Там, как говорится, «наворочено» столько, что из массы уместных и неуместных эмоций, отступлений и т. п. выделить факты невероятно трудно...

Пока я предавался воспоминаниям, машина затормозила у моего дома.

В квартире я застал жену, которая не спала, охваченная глубокой тревогой. На ее расспросы отвечал:

— Чаю. Крепкого чаю.

Потом коротко рассказал, что со мной случилось, сообщил, что нужно немедленно, во избежание худшего, уничтожить весь хранившийся дома «компромат». Выносить

нельзя, наверняка на улице стонт пост наблюдения. И оставлять нельзя, так как я не верю обещанию работников КГБ ие производнть обыск. Немедлеиио все уничтожать: книги Коиквиста, Кестлера, магинтозаписи, рукописи, письма, адреса и весь архив пнсем Солженнцына к его жене Решетовской в фотокопнях! Но печи нет, пробуем жечь в ваиной иа противие.

Эту затею пришлось сейчас же отмеиить. Жар, дым, вытяжная труба не справится с вентнляцией. Верхние соседи обязательно всполошатся, вызовут пожариых. Тогда— последний выход. В унитаз!! Но иадо все резать иамелко. И заработали ножницы! Забурлил уинтаз!! И битых два часа иепрерывного булькаиия н шума спускаемой воды.

С мннуты на миеуту ожидали рокового звонка. Но он не прозвеиел. Уже засветло, в седьмом часу утра, все было коичеио. Спать некогда. Начннался новый день. Жене — ехать на работу. Мне — кормнть детей. И еще — ни жеие на работе, ии мне перед детьми не показать никакого вида тревогн, озабоченности, усталостн. Сохранять внешнее спокойствие и иевозмутнмость. Это не так легко, но нужно, обязательно нужио. И мы сохраняли это спокойствие, дожидаясь «гостей».

Одиажды, в самых первых чнслах сентября, в половнне первого ночи вдруг — звонок! Я только что улегся, ие успел засиуть. Вот, оказывается, когда они за мной все-таки прншли! Подождали, пока все успокоилось и мы сами началн маломало успокаиваться — тут-то нас и накрылн, как перепелов! Кто же мог еще быть в такой несуразный час?

Я не успел выйти в переднюю, жена открыла. Кого-то впустила. Слышу тихнй разговор в передней, кто-то идет в мою комнату. Входнт одии московский зиакомец. Оказывается — послаиец Солженицыиа. Рубнт:

— Разговаривать некогда, такси ждет. Велено получнть ответ только на однн вопрос: взят «архнв» или «Архип»?

Прямо каламбур, не правда лн? И какой уместный! Во мне поднннмается глухое раздражение.

— И то, н то.

— Так «архнв» или «Архип»? — повторяет московский гонец.

— И то, н то! — с ударением отвечаю я, уже начнная стнскнвать зубы от злости. Мне-то понятио, что этот господин от самой Москвы привел за собой «хвост» прямо ко мне н после его ухода меня снова поволокут по кочкам. Говорю ему об этом. Он отвечает:

— «Хвоста» не заметнл.

— Если вы не заметнли, это вовсе не значит, что его нет.

Жду, что он еще спросит. Думаю, ему поручено спроснть о Елнзавете Деннсовне что-ннбудь, какие-ннбудь слова сочувствия передать, поручнть нам что-ннбудь на могилу положнть от «того» нмени в знак вннмания и памяти. Нн звука. Может, обо мне самом справляются там, в Москве, я тоже ведь как-никак лнцо потерпевшее? Ни самомалейшего вздоха!

Вместо этого:

— Исаевнч говорнт, нужно немедленно ваше заявленне для иностранных корреспондентов. Запад должен знать все, мы не должны молчать, гласность, гласность нужна, полная гласность...

Л. А. САМУТИН

(Продолжение следует)

И во Франции читают «ВИЖ»

«Военно-исторический журнал» оставляет интересное впечатлеиие. И прежде всего за счет стремлеиия редакции сделать его более историческим...

1989 год открыл иовый, революционный этап в истории журиала... В обращеиии к дореволюциоиному прошлому обнаруживается стремлеиие журиала показать связь времен, преемственность традиций. Например, напоминание о единстве помыслов старой русской армии с современными Советскими Вооруженными Силами...

Это очень обнадеживающие признаки влияния перестройки и гласности на эволюцию в советской военной истории... По этим признакам, на наш взгляд, можно судить о начале важного движения, смысл которого в нахождении связей между советской военной историей и военной историей Российской империи. В этом движении революция уже не рассматривается как полный разрыв с прошлым, а скорее как коренное изменение в исторической диалектике, направленное на глубокое переосмысление и совершенствование этого прошлого. **К. Б. Ф. ГЕЛЬТОН**

(Revue Historique des Armees. — 1990. — № 1.)

СОВЕТСКИЕ НЕМЦЫ: ОТКУДА, КУДА И ПОЧЕМУ?

Подготовка Германии к вторжению в Советский Союз, создание базы для разведывательно-подрывной деятельности

С 1939 года фашистская Германия, вынашиаая планы нападения на СССР, приступила в соотаетствии с апробированиой тактикой к созданию в приграничных районах Соаетского Союза своих разведывательно-подрывных позиций. Однако еще в 1935—1936 гг. с этой целью германские разведслужбы развернули активную работу по привлечеиию к сотрудничестау руководителей и членов белоэмигрантских и антисоветских зарубежных организаций. Наиболее тесные контакты гитлеровская разведка поддерживала с руководителями украинских националистов, а том числе проживавшими в буржуазной Польше. При этом активно использовалось неравиоправное по сравнению с поляками положение украинцев в этой стране. В итоге помимо ОУН фактически на содержаиии фашистских спецслужб перед войной оказались и другие антисоветские формирования украинских нациоиалистов: УНО—Украинское национальное объединение; УЦК — Украинский центральный комитет.

Только абвер для ведения разведки против СССР еще в довоенные годы создал ряд крупных разведывательных центров — в Кёнигсберге, Бреслау, Штеттине, Гамбурге, Берлине, Вене. Для политического руководства белоэмигрантами в 1935 году были созданы специальные комитеты — «фертраценсштеллен», с помощью которых германская разведка подбирала еще и кадры в разведшколы.

Задолго до принятия плана «Барбаросса» фашистская разведка тщательно следила за антисоветскими эмигрантскими организациями (украинскими, грузинскими, туркменскими и другими), намереваясь использовать их в подрывных целях. Гитлеровцы и сами формировали националистические организации из зарубежных антисоветских элементоа и изменников Родины, которые должны были с началом войны стать ядром бандитско-повстанческой деятельности в национальных республиках СССР. Именно так возникли «Туркестанский легион», группа «Идель-Урал», разведывательно-диверсионный батальон «Эрна», сформированный из офицеров бывшей эстонской армии.

Наряду с агентурной разведкой для сбора информации спецслужбы Германии активно использовали и легальные возможности. С этой целью широко практиковался метод разведывательного опроса, которому подвергались все немцы, прибывшие в Германию (переселенцы из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики, технические специалисты и др.). Для организации работы было создано специальное управление по делам возвращающихся на родину.

Одновременно фашистская разведка вела активную националистическую пропаганду в среде проживаюших в СССР немцев. Ее агенты организоаывали сбор и направление за границу провокационных писем с клеветническими измышлениями о голоде в СССР, о хозяйственном развале в районах проживания немцев и т. п. Тем же целям служила и различного рода «благотворительная» помощь советским гражданам немецкой национальности, которая преподносилась как забота «великой Германии о своих сыновьях».

Идейно-политическая обработка проживавших в Советском Союзе немцев проводилась путем разжигания национализма, который в рассматриваемый период приобрел характер расизма. При этом тесно сочетались националистические концепции с церковно-религиозными догмами. После фашистского переворота и прихода к власти Гитлера в январе 1933 года в Германии были изданы директивы, призывающие максимально активизировать фашизацию населения Советского Союза, прежде всего немецкого.

Окончание. См.: Военно-исторический журнал.— 1990.— № 8.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ КГБ СССР*

Из ориентировки НКВД УССР об использовании германскими консульствами немецких общественных организаций на территории Бессарабии и Северной Буковины в качестве прикрытия разведывательной деятельности против СССР (от 10 июля 1940 года)

...Установлено, что на территории Бессарабии и Северной Буковины среди проживающих немцев-колонистов проводится большая работа германскими консульствами в городах Черновцах и Галауе по сколачиванию лиц немецкой национальности вокруг германского правительства.

С этой целью в 1934 году румынское правительство разрешило организовать среди немцев-колонистов т. н. «Немецкое народное управление».

Всего на территории Румынии имелось пять областных управлений. В Бессарабии, село Тарутино Аккерманского уезда, возглавлял Бронеске Отто Готфридович; в Буковине, г. Черновцы, возглавлял Фабрициус (известный германский резидент), он же являлся руководителем всех этих областных центров в городах Добрудже и Банате.

Каждая из областных организаций разбита на секторы: общественно-культурный, по работе среди молодежи, по работе среди женщин, по работе общественного обеспечения, хозяйственный.

Общественно-культурный сектор организует работы культурно-просветительских учреждений, выпускает газеты «Фолькcблатт» (общенародная газета) и «Югенд» (молодежная газета). Руководит мужскими и женскими немецкими гимназиями, организует клубы по селам и т. п. ...

Наиболее распространенное влияние имеет хозяйственный сектор, который вклинился во все хозяйственные организации Бессарабии и Буковины, имея ряд мелких и средних предприятий...

Указание НКВД СССР Народному комиссару внутренних дел Литовской ССР о мерах по усилению противодействия германской разведке (10 сентября 1940 года)

По присланным НКВД Литовской ССР материалам усматривается, что существующие на территории Литвы под различными прикрытиями как легальные, так и нелегальные немецкие организации («Культурфербанд», «Гитлерюгенд», «Арбайтсфронт», «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», «Союз немцев рейха», «Национал-социалистический союз женщин», «Союз германских девушек», спортивные клубы, религиозные союзы и т. п.) активно ведут профашистскую агитацию и шпионскую работу по указаниям германских разведывательных органов...

* Грамматические особенности источников сохранены.

Из спецсообщения УГБ Литовской ССР в НКВД СССР об оперативной работе по немецкой линии (22 февраля 1941 года)

Стремление Германии к захвату Литвы начало осуществляться еще до начала первой империалистической войны, но особенная активность была проявлена со времени прихода к власти национал-социалистов.

Территориальная близость, хорошо налаженные пути сообщения с Литвой и другие предпосылки дали возможность Германии быстро внедриться в экономику, занять доминирующее положение на транспорте, в главнейших отраслях промышленности, в энергетическом хозяйстве и заселить Литву национальными кадрами— немцами.

По неполным данным, к моменту прихода частей Красной Армии в Литве имелось около 300 немецких предприятий, в том числе 49 мастерских и фабрик, лесопильные и кирпичные заводы, электростанции, автомобильные базы, 88 торговых точек и т. п.

Наряду с влиянием, направленным на захват ведущих отраслей экономики, была широко развернута сеть культурно-просветительских националистических учреждений, спортивных и религиозных обществ и организаций. Например, имелось 24 библиотеки, 6 интернатов, 2 гимназии, 10 народных школ, спортивные клубы и т. п.

Все эти экономические, культурные, религиозные, спортивные и другие националистические организации, официально зарегистрированные литовским правительством, помогали германской разведке в насаждении массовой агентуры ло всей территории Литвы и проникновении в государственный аппарат, армию, лолицию и другие важнейшие государственные органы.

(По данным за 1934 г. контрразведки Литовского генерального штаба в тот период было выявлено более 400 немецких агентов, большинство из которых ко времени прихода частей РККА продолжали проживать в Литве...

С июня 1940 г. по май 1941 г. НКГБ Литовской ССР было вскрыто 75 подпольных националистических формирований и групп, готовившихся с началом нападения фашистской Германии на СССР к вооруженному выступлению против советского строя).

...Массовому насаждению агентуры способствовали легально существовавшие националистические немецкие организации, и в особенности «Культурфербанд», под прикрытием которого работали и военная разведка, и гестапо.

Руководители «Культурфербанд» в значительном большинстве осуществляли и руководство его отдельными звеньями...

«Культурфербанд» и скрытые в нем нелегальные германские организации, такие, как «Манншафт», «Гитлерюгенд» и другие, в период репатриации еще более ак-

тивизировали свою деятельность и наряду с выполнением разведывательных задач под прикрытием подготовки к репатриации среди своих членов развернули широкую националистическую пропаганду.

Так, руководство «Культурфербанд» в своей практической работе, направленной к подрыву среди своих членов авторитета советских органов, усиленно разъясняло немцам, что они и их имущество находятся под защитой германского рейха.

Германское посольство выдало ряду лиц, которые опасались репрессий со стороны органов НКВД, документы о том, что данные лица находятся под опекой германских органов (у арестованного бывшего начальника уголовной полиции Патамайтиса был обнаружен подобный документ)...

Из «Сообщения НКГБ СССР в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об аресте в Латвии группы агентов германской разведки» (8 апреля 1941 года)

НКГБ Латвийской ССР в результате успешно проведенных мероприятий в марте 1941 г. вскрыты и ликвидируются резидентура германской разведки в Латвии и связанная с ней антисоветская организация латышских буржуазных националистов «Тевияс саргс» («Страж отечества»).

По делу арестовано 73 человека — агенты немецкой разведки, руководители и активисты организации «Тевияс саргс», ее филиалов и местных групп. В числе арестованных — резидент немецкой разведки Шинке Ганс, германский подданный, бывший владелец фирмы в г. Риге и представитель германских машиностроительных трестов...

При арестах было изъято 18 боевых гранат «Мильса», 7 малокалиберных винтовок, немецкий карабин, 620 патронов, 3 револьвера, 2 флакона с препаратами для изготовления слезоточивого газа, шапирограф, ротатор, пишущая машинка, типографский шрифт и нелегальные издания «Тевияс саргс», 200 фунтов стерлингов и 120 американских долларов (золотыми монетами).

У Шинке изъяты документы шпионского характера (секретные наставления РККА, карты Риги и Виндавы с нанесенными военными объектами, аэродромами и др.), шифрованная переписка, а также копия донесения Шинке в Германию о возможностях ведения антисоветской работы через нелегальную организацию «Тевияс саргс»...

Собранные резидентурой шпионские сведения пересылались в Германию через сотрудников немецкой репатриационной комиссии, с которой Шинке был тесно связан...

По показаниям арестованного Витиньша, руководство организации «Тевияс саргс» было информировано через Шинке в феврале 1941 г. о том, что через 2 месяца политическая ситуация изменится, Латвия будет оккупирована Германией и после 25 марта, когда окончится репатриация и комиссия вернется в Германию, начнутся активные военные действия германских войск, которые предпримут одновременное наступление с юга (Украина) и с севера (Финляндия)...

Из «Сообщения НКГБ СССР в ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКО СССР и НКВД СССР о военных приготовлениях Германии на оккупированной территории Польши» (5 мая 1941 года)

По сведениям, полученным за последние дни из различных источников, установлено:

1. Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто и о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о деле, уже решенном. Война якобы должна начаться после окончания весенних полевых работ. Немецкие солдаты, со слов своих офицеров, утверждают, что захват Украины немецкой армией якобы обеспечен изнутри хорошо работающей на территории СССР «пятой колонной».

Из инструкции гестапо отделам государственной полиции и пограничным комиссариатам Германии по работе с возвращенцами из России (5 августа 1939 года)

...Возвращенцы из России должны быть допрошены по возможности подробно, так как после закрытия немецких консульств в Советском Союзе они представляют собою в настоящее время важный источник информации об этой стране...

Был ли возвращенец из России членом ВКП(б), компартии «Секция Германии» или «Секция Австрии», комсомола... Где и когда принимал участие в организованных немецким посольством и консульствами мероприятиях? Был ли членом Немецкого клуба?..

По отношению к возвращенцам из России — немцам направление в лагеря для перевоспитания не применяется...

Следует арестовывать при пересечении границы возвращенцев из России — немцев, которые лишены германского гражданства, а также и эмигрантов. Об их аресте необходимо срочно информировать по телеграфу отделение А1 реферата II гестапо, которое дает дальнейшие указания.

Попытки фашистской Германии сформировать на территории СССР «пятую колонну»

В предвоенный период фашистская разведка пыталась проводить вербовочную работу среди проживавших в различных районах нашей страны советских граждан немецкого происхождения. После заключения в 1939 году с Германией договора о ненападении шпионская работа осуще-

ствлялась фашистской разведкой через посольство, а также комиссию по репатриации немцев из СССР в Германию. В соответствии с советско-германским соглашением немцев, оставшихся в прибалтийских республиках и на Волыни осенью 1939 и летом 1940 года, переселили в оккупированную фашистами часть Польши.

Немецкие переселенческие комиссии имелись во многих городах Прибалтики (Риге, Таллине, Нарве и др.), во Львове, Станиславе, Черновцах. Они были укомплектованы бывшими работниками германских дипломатических учреждений в прежних буржуазных республиках, в том числе сотрудниками разведывательных органов фашистской Германии, которые действовали весьма активно. Так, через работников репатриационной комиссии в г. Черновцы офицеров абвера Ферстнера и Шпрингера буковинскому областному «проводу» ОУН в ноябре 1940 года были переданы оружие и радиостанция. Последней националисты пользовались до февраля 1941 года, передавая гитлеровцам военно-политическую информацию.

Органы госбезопасности в тот период провели большую работу по ликвидации буржуазно-националистического подполья и агентуры немецко-фашистской разведки. Был уничтожен ряд подпольных националистических групп и организаций, таких, как «Шаулистский батальон смерти», «Комитет свободной Литвы», «Гвардия обороны Литвы», «Комитет спасения Литвы», «Пятая колонна» и др.

Одновременно с оперативной работой наших органов по борьбе с подрывной деятельностью германской разведки Советским правительством были предприняты меры по ограничению легальных возможностей шпионажа и проникновения немецкой агентуры на территорию СССР. В 1933 году из страны выслали миссионеров немецкой евангелической церкви, проводивших нацистскую пропаганду. В 1938 году было закрыто большинство германских консульств, торговых представительств, ликвидированы концессии, до минимума сокращены количество и срок пребывания в Советском Союзе немецких специалистов. Эти мероприятия существенным образом ограничили возможности германской разведки по использованию советских граждан немецкой национальности в подрывной работе. По тем же соображениям было выдворено за пределы нашей страны значительное количество германских граждан, длительное время проживавших на ее территории.

В это же время в условиях шпиономании и насаждаемой сталинским режимом взаимной подозрительности, к сожалению, изменилось и отношение к немецкому населению Советского Союза в целом. В определенной мере этому способствовали страхи перед «пятой колонной». По этой причине в 1938 году у нас без каких-либо оснований были закрыты немецкие национальные школы, ликвидированы немецкие национальные районы (14) и сельсоветы (около 700), репрессиям подверглось значительное число советской немецкой творческой и технической интеллигенции, деятелей науки, военачальников.

Спустя неделю после начала войны с Советским Союзом Гитлер приказал службе связи с немецкими национальными меньшинствами «принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвижения надежных из них на руководящую работу в местные органы немецкого государственного аппарата». Однако на практике из этого у оккупантов ничего не получилось. Как отмечается в книге Л. де Йонга «Немецкая «пятая колонна» во второй мировой войне», в 1941 году в Берлин был послан официальный доклад, в котором, в частности, говорилось, что «местные немцы, даже если они не являются коммунистами, имеют совершенно неправильное представление о взаимоотношениях внутри рейха, а также о национал-социалистических лидерах. Представителям интеллигенции непонятно чувство дискриминации. К евреям они, как правило, относятся безразлично. Показательным является тот факт, что после вступления немецких войск местные немцы не принимали совершенно никаких мер против евреев; более того, они считали евреев безобидными людьми, не внушающими никаких опасений».

В августе 1942 года положение немецкого национального меньшинства на оккупированной Украине описывалось таким образом: «Они продолжают голодать. Их обложили двойными налогами. Немецкие школы закрыли. Нет никаких признаков оживления национальной деятельности».

Так, уже в начальный период Великой Отечественной войны обнаружился крупный просчет германской верхушки. Ей не удалось организовать тотальную разведку в Советском Союзе, создать на его территории «пятую колонну», развалить тыл. Некоторые из этих провалов открыто признавались самими нацистами, а затем и западными исследователями истории второй мировой войны.

В нашей стране гитлеровская разведка не смогла опереться на помощь немецкого национального меньшинства в немалой степени потому, что, как отмечают западные исследователи, советские немцы, особенно молодежь, «сочувствовали коммунизму».

ВЫДЕРЖКИ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ КГБ СССР

Из плана мероприятий УНКГБ и УНКВД по г. Москве и Московской области по обеспечению государственной безопасности в г. Москве в связи с начавшимися военными действиями с Германией.
(22 июня 1941 года)

...22 июня провести интернирование всех германских подданных.

Лиц без гражданства немецкой национальности при наличии компрматериалов арестовывать.

Выдачу разрешений иностранцам на передвижение их по СССР прекратить.

Из директивы НКГБ СССР о выявлении агентуры немецкой разведки (28 июня 1941 года)

Усильте изучение бывших военнопленных, находившихся в плену в Германии, бывших солдат германской и австрийской армий, которые после русско-германской войны остались в СССР.

При наличии материалов, позволяющих подозревать в диверсии, шпионаже, пораженческих настроениях, их немедленно арестовывать и на следствии выявлять германскую агентуру.

Из директивы НКВД СССР и НКГБ СССР о мероприятиях по выселению социально опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении (4 июля 1941 года)

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года п. 3«з» военные власти имеют право на территориях, объявленных на военном положении, принимать решение о выселении лиц, признанных социально опасными.

В случае вынесения такого решения выселение этой категории лиц должно быть возложено на органы НКГБ—НКВД.

В связи с этим предлагаем провести соответствующую подготовительную работу, взяв на учет всех лиц вместе с их семьями, пребывание которых на территориях, объявленных на военном положении, будет признано нежелательным...

К внесению на учет подходите осторожно, предварительно проверяя имеющиеся у вас материалы...

Нетрудоспособные мужчины и женщины старше 60 лет выселению не подлежат.

Из докладной записки УНКВД по Амурской области в Хабаровский крайком ВКП(б) (24 октября 1941 года)

...Нападение гитлеровской Германии на СССР вызвало активизацию враждебной деятельности немцев, проживающих в Амурской области...

В Тамбовском районе вскрыта группа немцев, участники которой ведут пропагандистскую агитацию, восхваляют изверга Гитлера, клевещут на руководителей ВКП(б), с нескрываемой радостью отмечают захват фашистами наших городов...

Участники группы... разлагают в колхозах трудовую дисциплину, саботируют уборку урожая и срывают мобмероприятия путем умышленного затягивания ремонта автомашин, предназначенных для Красной Армии...

В то же время советские немцы-патриоты активно включились в борьбу с фашизмом.

Из докладной записки НКВД Украинской ССР в НКВД СССР о работе немецкой разведки на территории Украины (21 декабря 1941 года)

...Как установлено следствием, школа для подготовки разведчиков-террористов существует в г. Полтаве. Заслуживает серьезного внимания тот факт, что в указанные школы разведчиков-террористов направляются антисоветские элементы из местных немцев-колонистов...

Разведка противника в подборе лиц... Активно использует местных немцев (как наводчиков, так и осведомителей), знающих и связанных с антисоветскими элементами в захваченных немецкими войсками местностях...

Участие советских немцев в борьбе с фашистскими захватчиками

К началу войны на действительной военной службе в Красной Армии находились десятки тысяч солдат и офицеров из числа советских немцев. Они были и среди тех, кто принял на себя первый удар германского фашизма в июне 1941 года. В Бресте вступили в бой с гитлеровцами командир 125-го стрелкового полка А. Дулькейт, лейтенанты Кролл и Шмидт, военврач Вебер и другие.

Тысячи советских немцев мужественно сражались с оккупантами на фронте и в партизанских отрядах. Вот только некоторые факты. Одиннадцатилетний мальчик из далекой сибирской деревни Саша Айхман убежал на фронт и в качестве разведчика воевал на Курской дуге, под Сталинградом, на Ленинградском фронте.

Партизанским разведчиком стал Кляйн, удостоенный за свои подвиги звания Героя Советского Союза. Этой же высокой наградой отмечены подвиги танкиста П. Миллера, артиллериста С. Волькенштейна.

П. Шмидт, уроженец села Люксембург (с. Больниси) в Грузии, как и многие другие советские немцы, был направлен в марте 1942 года в «трудармию». Оттуда бежал и, взяв имя и фамилию своего друга-азербайджанца Али Ахмедова, был зачислен в Красную Армию, дошел до Берлина. После окончания войны при поддержке маршала Жукова Паулю Шмидту были возвращены его настоящие имя и фамилия.

10 августа 1941 года в центральной печати был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы фронтовиков. Орденом Красного Знамени был удостоен А. Шмидт — командир 2-го танкового батальона 35-го танкового полка 18-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса. Этим же Указом орденом Ленина награжден полковник Гаген, отличившийся в боях под Витебском.

Немецкое население страны. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года

Немецкое население Советского Союза в 1939 году (в границах до 17 сентября

1939 г.) составляло 1 млн. 427 тыс. человек, или 0,8 проц. всего населения нашей страны (170 млн. 557 тыс. человек). АССР Немцев Поволжья имела население численностью в 606,5 тыс. человек, из них немцы составляли около 60 проц. (336,7 тыс. человек), русские — 25 проц. (156 тыс.), украинцы — 10 проц. (57 тыс.). Партийная организация насчитывала 10 229 человек, в том числе немцев — 5178. Территория области составляла 28 тыс. кв. км и делилась на 22 района (кантона).

Промышленность была представлена десятками предлприятий. Практически все крестьянские хозяйства были объединены в колхозы. В них насчитывалось 220 тыс. голов крупного рогатого скота, 118 тыс. свиней, 34 тыс. лошадей, 290 тыс. овец и коз. Уровень механизации сельскохозяйственных работ составлял 83 проц.

В республике к тому времени было 5 вузов, 17 техникумов и училищ, национальный детский театр, 3 республиканских и 3 колхозных театра, 660 колхозных клубов и Домов культуры, 52 кинотеатра. Издавалось 29 газет (20 на немецком языке). Радиовещание на 80 проц. велось на немецком языке, а немецкоязычное издательство выпустило несколько миллионов книг. В 1936 году от республики было избрано в Верховный Совет СССР 13 депутатов.

За достижения в развитии народного хозяйства в 1934 году республика была награждена орденом Ленина.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 28 августа 1941 года О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике Немцев Поволжья или прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и выделить переселяемым немцам Поволжья землю и угодья в новых районах.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года 15 районов (кантонов) республики Немцев Поволжья со столицей г. Энгельс общей территорией 20 тыс. кв. км были включены в состав Саратовской области, а 6 районов с территорией 8 тыс. кв. км — в состав Волгоградской области.

Некоторые причины, обусловившие переселение немцев из бывшей АССР Немцев Поволжья и Саратовской области в восточные районы СССР

О событиях, предшествовавших принятию Указа от 28 августа 1941 года, имеются свидетельства отдельных лиц. Согласно им Молотов и Берия в июле 1941 года выезжали в г. Энгельс (столицу АССР Немцев Поволжья). На заседании партаппарата и представителей Красной Армии они обратили внимание присутствовавших на опасность, которую, по их мнению, представляли в этот период для государства немцы Поволжья, а также необходимость принятия репрессивных мер, оправданных, по их словам, с точки зрения внутреннего положения страны.

В мемуарах польского генерала Андерса (отдельные части его армии в свое время располагались на территории республики) имеются не подтвержденные какими-либо иными свидетельствами указания, что в июле 1941 года некоторое количество парашютистов Красной Армии, переодетых в фашистскую форму, якобы было сброшено на территорию АССР Немцев Поволжья. Население, по воспоминаниям Андерса, встретило парашютистов соответствующим образом, и только своевременное прибытие отряда сотрудников НКВД позволило десанту уцелеть от расправы.

Показательно, что и по материалам архива УКГБ по Саратовской области, контрразведывательным отделом не велось (с начала года до марта 1941 г.) ни одного дела по «немецкому шпионажу».

В то же время, как свидетельствуют архивные документы, тогдашнее руководство НКГБ СССР настойчиво указывало на

необходимость вскрытия националистических, повстанческих формирований, готовящих кадры для действий в тылу Красной Армии в случае войны СССР с Германией.

Таким образом, в рекомендациях центра просматривалась явная тенденциозность в требовании во что бы то ни стало вскрывать связь немецкого населения республики с германской разведкой.

В начале войны, по оперативным и официальным данным, общее политическое настроение населения республики оставалось здоровым. Имел место ряд случаев недовольства, особенно со стороны молодежи, по поводу отказов им в призыве в Красную Армию. Фактов открытых враждебных проявлений не было.

С 22 июня по 10 августа 1941 года в республике Немцев Поволжья было арестовано 145 человек, в том числе по обвинению в шпионаже — 2 челозека; террористических намерениях — 3; диверсионных намерениях — 4; участии в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях — 36; в распространении пораженческих и повстанческих высказываний — 97. Сегодня нам хорошо известна цена многих такого рода дел. Однако в любом случае речь идет о единичных фактах.

Поэтому не вызывает сомнения вывод о необоснованности и преступности распространения на немецкое население республики утверждений о том, что оно представляло собой «сплошную сеть диверсантов и шпионов».

Выселение немецкого населения с территории АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей

27 августа 1941 года НКВД СССР издал приказ «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». Во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) * о переселении немцев из республики Немцев Поволжья и Саратовской области предлагалось осуществить следующие мероприятия:

— командировать на место оперативную группу НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР Серовым;

— ответственность за подготовку и проведение операции возложить на оперативные группы в составе:

в республике Немцев Поволжья — начальника ГУЛАГа ст. майора ГБ Наседкина, наркома внутренних дел республики Немцев Поволжья майора ГБ Губина, начальника отдела СПУ капитана ГБ Ильина и начальника отдела транспортного управления капитана ГБ Поташова;

в Саратовской области — заместителя начальника КРУ ст. майора ГБ Райхмана, начальника Саратовского УНКВД ст. лейтенанта ГБ Викторова, заместителя начальника СПУ капитана ГБ Дроздецкого.

Ответственным лицам предписывалось организовать участковые тройки по проведению операции, которую предлагалось осуществить с 3 по 20 сентября 1941 года по прилагаемой к приказу инструкции (см. далее).

Для проведения операции приказом предусматривалось командировать:

в республику Немцев Поволжья — 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев во главе с комбригом Кривенко;

в Саратовскую область — 250 сотрудников НКВД, 1000 работников милиции, 2300 красноармейцев под командованием полковника Воробейкова.

Перед операцией по переселению предлагалось на основании оперативных материалов арестовать антисоветски настроенных лиц, провести разъяснительную работу об уголовной ответственности глав семейств и репрессиях других родственников, если отдельные члены семьи попытаются перейти на нелегальное положение, а также в случае отказа выезжать к месту расселения.

В случае антисоветских выступлений предписывалось принимать решительные меры к их ликвидации.

Координация всей работы по переселению, перевозкам и расселению возлагалась на группу в составе: Чернышова — заместителя наркома внутренних дел, Федотова — начальника КРУ, Синегубова — начальника транспортного управления. Для организации переселения немецкого населения была разработана инструкция, тональность которой свидетельствует о том, что переселяемые лица не являются опасными для государства личностями.

ИНСТРУКЦИЯ
по проведению переселения немцев, проживающих в АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях

1. Переселению подлежат все жители, по национальности немцы, проживающие в городах и сельских местностях АССР Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях.

Члены ВКП(б) и ВЛКСМ переселяются одновременно вместе с остальными.

2. Немцы, проживающие в указанных районах, выселяются на территорию Казахской ССР, Красноярского и Алтайского краев, Омской и Новосибирской областей.

3. Члены семей военнослужащих Красной Армии и начальствующего состава подлежат переселению на общих основаниях. Им должно быть предоставлено в местах расселения преимущество, в первую очередь в хозяйственном и бытовом устройстве.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

1. Утвержденные приказом НКВД СССР областные оперативные тройки комплектуют и утверждают участковые операти-

* Текст постановления не обнаружен.

ные тройки, в состав которых должны войти: начальник РО НКВД, начальник милиции и секретарь райкома ВКП(б) из тех районов, где больше всего населенных пунктов с немецким населением.

2. Участковые тройки комплектуют из оперативных работников местных органов НКВД, а также прибывших на пополнение чекистов оперативные группы в составе: оперативного работника, работника милиции, бойца войск НКВД, представителя от советско-партийных организаций и лица, отвечающего за опись и приемку имущества.

3. Для составления списков подлежащих переселению оперативные группы выезжают в колхозы, поселки, деревни и в города, где проживает немецкое население, и заполняют учетные карточки на каждую семью, подлежащую выселению, с перечислением всех членов семьи.

4. При составлении учетной карточки главу семьи переселяемых предупреждают, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи.

5. После заполнения учетных карточек участковые оперативные тройки составляют план проведения операции, в котором предусматривают количество семей, подлежащих переселению, количество членов этих семей, наличие подвод и автотранспорта у переселяемых; намечают маршруты движения к станциям погрузки и производят распределение наличного оперативного состава.

Участковые оперативные планы утверждаются областными оперативными тройками.

6. За несколько дней до операции начальники оперативных участков по указанию областных оперативных троек извещают переселяемых о необходимости отправки, разъясняя им порядок переселения. При этом ни в коем случае не допускать никаких собраний и коллективных обсуждений вопросов, связанных с переселением.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В НЕМЕЦКИХ СЕМЬЯХ, ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОТОРЫХ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО

1. В семьях, где глава семьи (муж) не является по национальности немцем, а жена — немка, в таком случае семья не выселяется.

2. В том случае, если отдельные члены семьи, подлежащие переселению, в момент отправки отсутствуют (находятся в больнице, командировке и т. п.), то такие лица берутся на учет органами НКВД для последующего направления к новому месту жительства семьи.

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

1. Разрешить переселяемым брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги (сумма не ограничивается, ценности также). Общий вес всех вещей, одежды и инвентаря не должен превышать одной тонны на семью. Громоздкие вещи брать с собой не разрешается.

2. Переселяемым предоставляется определенный срок для сбора и упаковки имущества.

Городским жителям разрешается оставшееся лично им принадлежащее имущество реализовать через доверенных лиц, которые в 10-дневный срок продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства.

3. Оставшееся недвижимое имущество переселяемых подлежит переписи представителями советских организаций. При этом переселяемым объявляется, что это имущество: сельскохозяйственные орудия, продовольствие (зерно-фураж) и скот, кроме лошадей, подлежит оставлению колхозу, колхознику и единоличнику по квитанциям, выданным при описи, за вычетом полного покрытия по обязательным поставкам 1941 г. и недоимок прошлых лет.

4. Предупреждать переселяемых, чтобы на упакованных вещах делались бирки с надписью фамилий.

5. Предупреждать переселяемых, чтобы брали с собой запас продовольствия из расчета не менее чем на один месяц.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ К СТАНЦИЯМ ПОГРУЗКИ

1. Для перевозки переселяемых к станциям погрузки участковым тройкам учесть весь наличный авто- и гужтранспорт колхозов и районов и распределить с таким расчетом, чтобы все подлежащие вывозу могли взять с собой полагающееся им по весу имущество.

В случае недостатка авто- и гужтранспорта у переселяемых договориться с советско-партийными организациями о дополнительном выделении транспорта.

2. Оперативные группы, проводящие переселение, должны выступить из колхоза или района к пункту погрузки с таким расчетом, чтобы двигаться общей колонной оперативного участка.

3. Областные опертройки к каждой станции погрузки заблаговременно прикрепляют по одному работнику транспортных органов для организации приема и посадки прибывающих переселенцев, а также и отправки эшелонов по установленному графику.

4. На станциях погрузки старший колонны из оперативного состава передает один экземпляр списков начальнику погрузочного пункта, на которого возлагается ответственность за погрузку людей и имущества и отправление эшелонов по установленному графику.

5. В местах погрузки в случае скопления большого количества переселяемых начальник пункта погрузки должен предусмотреть размещение и элементарное обслуживание переселяемых до прибытия подвижного состава.

ПЕРЕВОЗКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ И ВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ

1. Областные оперативные тройки должны составить график подачи вагонов и водного тоннажа по участкам, исключив при этом простой подвижного состава. Также необходимо составить график подхода переселяемых с таким расчетом, чтобы всегда был резерв переселенцев, подлежащих перевозке.

На каждый эшелон выделить начальника

эшелона из числа начсостава войск НКВД и 21 человек караула.

2. Для оперативного обслуживания переселяемых в каждый эшелон выделить одного оперативного работника.

3. Поезд должен быть составлен таким образом, чтобы 7—9 вагонов оставалось для погрузки имущества переселяемых, один — санитарный и один вагон для караула.

4. Питание переселяемых в пути следования производится в специально установленных пунктах — в железнодорожных и водных буфетах. Горячая пища выдается один раз в сутки и кипяток два раза. Оплату за питание производит начальник эшелона.

5. На расходы за питание переселяемых НКВД—УНКВД выдают начальникам эшелонов аванс, исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути.

6. По договоренности с местными органами власти на каждый эшелон выделить врача и двух медсестер с необходимым инструментарием и медикаментами.

7. В дни проведения операции органам НКВД выставить милицейские заслоны на перекрестках дорог для задержания лиц, укрывающихся от переселения.

* * *

Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года из Саратовской области было переселено:

всего немцев — 46 393 (семей — 11 385).

Из общего числа переселенных:

мужчин — 10 751,

женщин — 14 719,

детей до 16 лет — 20 650.

Из г. Саратова переселено 11 330 человек (мужчин 3091, женщин 4343, детей 3898), семей 3427.

По районам Саратовской области всего переселено немцев 35 063 (мужчин 7660, женщин 10 376, детей 16 752), семей 7958.

Всего отправлено 20 эшелонов, из них:

в Новосибирск — 5 эшелонов — 11 440 чел., семей 3211;

в Омск — 6 эшелонов — 14 810 человек, семей 3363;

в Акмолинск — 1 эшелон — 1705 человек, семей 540;

в Павлодар — 7 эшелонов — 16 966 человек, семей 3855;

в Кустанай — 1 эшелон — 1072 человека, семей 237.

Из граждан немецкой национальности не были переселены, в связи с тем что являются членами русских семей, 1487 человек. Из них по г. Саратову — 807 человек, по районам области — 680 человек.

За время проведения мероприятий по переселению немцев отделами УНКВД и райотделениями арестовано 110 человек. Открытых антисоветских проявлений, отказов от выезда в г. Саратове и в области не отмечалось.

Мероприятия по выселению немцев из бывшей республики Немцев Поволжья продолжалось с 3 по 20 сентября 1941 года.

Всего было выселено 376 717 человек, в том числе семей — 81 771, мужчин — 81 106, женщин — 116 917, детей — 178 694.

Переселенцы отправлены в 158 эшелонах.

На 21 сентября 1941 года в пределах бывшей республики осталось 1488 немцев: по болезни — 341 человек, в командировке — 23 человека и 1094 человека, главы семей которых являлись русскими.

За время операции было арестовано 192 человека. Организованных антисоветских выступлений со стороны немцев не наблюдалось.

На основании Инструкции СНК СССР от 30 августа 1941 года скот колхозов и колхозников республики Немцев Поволжья подлежал передаче вновь прибывающим колхозникам на условиях продажи его в кредит (по балансовой стоимости) со сроком погашения в 7 лет.

Для временного ухода за скотом Саратовский и Сталинградский облисполкомы должны были выделить по 15 тыс. колхозников из каждой области. Для временного обслуживания скота в порядке трудовой повинности привлекались колхозники из русского населения республики Немцев Поволжья.

Наркоммолмяспром и Наркомсельхозов в местах вселения в течение года обязывались выдать колхозникам и колхозам, переселенным из республики Немцев Поволжья, скот в количестве сданного ими государству (сверх мясопоставок) на месте выселения.

Взамен сданных колхозам республики Немцев Поволжья лошадей было предписано выдавать им на месте вселения денежные средства на приобретение лошадей. Размер выдачи определяли Наркомзем совместно с Наркомфином.

Всего в местах расселения к зиме 1941 года было сосредоточено 1 млн. 120 тыс. советских немцев (или 80 проц. численности 1939 г.). Можно предположить, что большинство из недостающих 276 тысяч являлись мужским населением призывных возрастов и находились на службе в Красной Армии. В дальнейшем, правда, и они в соответствии со специальными указаниями Генерального штаба РККА были демобилизованы и направлены в места выселения.

О ходе переселения в НКВД составлялись ежедневные сводки.

Из сводки № 5 от 5 октября 1941 года (по Алтайскому краю): «Готовых жилых домов имеется 10 202 на 34 586 человек. Домов, подлежащих ремонту, имеется 3982 на 9365 человек. Выявлено общественных зданий, пригодных для жилья, 189 на 2798 человек. В порядке изъятия освобождено 12 747 квартир на 53 408 человек. Всего можно разместить по краю около 100 тыс. человек.

4 октября 1941 года проведено совещание начальников райотделов НКВД и председателей райисполкомов. Для оказания помощи начальнику РО НКВД командировано в районы расселения 55 сотрудников Управления НКВД. В пунктах разгрузки переселенцев приступили к организации питания».

Из сводки № 9 от 12 сентября 1941 года (по Алтайскому краю).

11 сентября на ст. Барнаул прибыл эшелон № 875 в количестве 2358 человек. В

пути следования было два случая смерти: умерла больная туберкулезом девочка 16 лет (которая была взята из больницы) и ребенок 22 дней (от роду). Эшелон на ст. Барнаул перегружен на 3 баржи и отправлен водным путем.

(По Красноярскому краю)

В разгрузочных пунктах подготовлены помещения для временного размещения прибывших. Организованы медпункты. На местах разгрузки организованы пункты питания. Отремонтированы, проверены кубовые для бесперебойной подачи кипятка.

В пути следования эшелонов с немцами-переселенцами в Южно-Казахстанскую, Джамбульскую, Павлодарскую, Актюбинскую, Алма-Атинскую, Акмолинскую, Восточно-Казахстанскую, Семипалатинскую области Казахской ССР и Новосибирскую обл. (около 110 тыс. человек):

отстало от эшелонов 557 человек;
бежало — 8;
умерло — 437;
родилось — 143;
были сняты с поезда по болезни — 77.

Переселение советских немцев фашистскими оккупантами. Возникновение проблемы разрозненных семей

В период наступления немецко-фашистских войск многие советские немцы не были эвакуированы из западных районов страны. После расправы гитлеровцев с активистами из их числа остальные были объявлены «фольксдойче» («этническими» немцами, формально — гражданами рейха).

Уже в январе 1942 года началось первое переселение немцев из прифронтовых областей Ленинграда. Эта акция переселения в Германию имела пропагандистское значение и называлась «возвращением немцев на свою родину, к своему народу, в Великий третий Рейх».

Около 4400 человек поэтапно переселили в Западную Пруссию. С февраля по сентябрь 1943 года было переселено в район Лодзи более 10 тыс. немцев из Белоруссии, Смоленской, Орловской и других прилегающих областей. Административное переселение охватило также восточную часть Волыни, Бессарабию, Южную Украину, Крым и Кавказ. Кроме того, 350 тыс. советских немцев были вывезены из СССР в период отступления немецко-фашистских войск.

По окончании войны на основании Ялтинских соглашений свыше 200 тыс. немцев — уроженцев СССР было репатриировано в Советский Союз из восточных зон оккупации и направлено на спецпоселение. Около 120 тыс. советских немцев, оказавшихся в западных зонах оккупации, остались жить за рубежом. Так возникла проблема «воссоединения семей», которая использовалась в последующие годы в качестве предлога для стимулирования в среде советских немцев эмиграционных настроений.

Нахождение советских немцев на спецпоселении и в трудармии

В соответствии с постановлениями ГКО от 10 января 1942 года, от 14 февраля 1942 года, от 2 августа 1943 года, от 19 августа 1943 года и постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 октября 1942 года значительное число выселенных немцев, в том числе женщин, было мобилизовано в трудармию. В соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1942 года туда же были мобилизованы немцы, не подвергавшиеся выселению.

В годы войны на стройках и производствах НКВД СССР были сформированы Наркоматом обороны рабочие батальоны из бывших военнослужащих, изъятых из армии по политическим мотивам и национальному признаку. Наряду с этим в соответствии с постановлением ГКО о привлечении к работе на промышленных предприятиях страны лиц — граждан СССР национальностей воюющих с СССР стран (немцев, финнов, румын, венгров, итальянцев) в течение 1942—1944 гг. НКВД СССР было проведено несколько мобилизаций этих контингентов.

Мобилизованные направлялись главным образом на добычу угля и нефти, а также в распоряжение наркоматов, производящих вооружение, боеприпасы, цветные и черные металлы.

В некоторых местах расселения при лагерях НКВД СССР (Ивдельлаг, Богословлаг, Севураллаг, Актюбинлаг) из переселенных граждан немецкой национальности формировались строительные батальоны, реорганизованные в дальнейшем в рабочие колонны. Содержание их в зоне лагеря не допускалось. Немцы не являлись лагерным контингентом и должны были использоваться как строительные рабочие.

Продолжительность рабочего дня для рабочих колонн и оплата выполненных работ устанавливались как и для вольнонаемных лагеря. Несовершеннолетних детей и стариков рекомендовалось использовать на подсобных работах. Питание и вещевое довольствие отпускалось из лагерных фондов за плату.

В дальнейшем ГКО обязал НКВД СССР создать из мобилизованных рабочие колонны и отряды, установить в них дисциплину, обеспечить высокую производительность труда и высокие производственные нормы. Этим же постановлением НКВД было поручено привлекать к ответственности мобилизованных за нарушение дисциплины, отказ от работы и дезертирство с рассмотрением дел в Особом совещании и применением к наиболее злостным нарушителям высшей меры наказания.

Размещение трудовых колонн и отрядов было произведено в отдельных лагерных пунктах, обнесенных проволочным заграждением и обеспеченных охраной. Устанавливался строгий воинский порядок, вывод людей на работу и возвращение осуществлялись строем. К нарушителям трудовой дисциплины применялись взыскания от выговора перед строем до ареста. Наибо-

лее злостных нарушителей водворяли на специально созданные штрафные участки на срок до трех месяцев.

За время войны было привлечено к уголовной ответственности 8543 мобилизованных немца, из них осуждено 6918 человек.

На 1 октября 1949 года на спецпоселении находилось 2 134 188 человек, из них немцев — 1 099 758.

В последующие годы был принят ряд решений, регулирующих правовое положение спецпоселенцев, в том числе и лиц немецкой национальности. В частности:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года, установивший уголовную ответственность за самовольный выезд с места поселения в виде наказания каторжными работами на срок до 20 лет (отменен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июня 1954 г.);

— постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 года о снятии некоторых ограничений в правовом положении, которым предоставлялось право выезда в служебные командировки без получения разрешений в органах МВД, а также ослаблен режим спецпоселения;

— постановление Совета Министров СССР от 13 декабря 1955 года о снятии ограничений по спецпоселению с невыселявшихся немцев;

— постановление ЦК КПСС от 9 мая 1955 года о снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС и их семей;

— постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года о снятии ограничений с находящихся на спецпоселении граждан, награжденных орденами и медалями СССР, участников Великой Отечественной войны, преподавателей, членов семей погибших на фронте, состоящих в браке с неспецпоселенцами женщин, с женщин других национальностей, выселенных в составе семей немцев, с одиноких и престарелых инвалидов, не могущих обеспечить свое существование;

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года о снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, предусматривающий, что снятие ограничений не влечет возврата конфискованного при выселении имущества и не дает права на возвращение к прежним местам жительства.

В 1957 году Государственным комитетом СМ СССР по вопросам труда и заработной платы было издано секретное разъяснение об исчислении трудового стажа бывшим спецпоселенцам, мобилизованным в период Великой Отечественной войны в рабочие колонны (от 12 января 1957 г.). В нем, в частности, говорилось, что время нахождения в составе рабочих колонн засчитывается как в общий трудовой стаж, так и в стаж работы по специальности. Это время включалось также в непрерывный трудовой стаж, если между временем увольнения и поступления на работу проходило не более трех месяцев. При этом говорилось, что приведенный порядок исчисления трудового стажа применяется при назначении пособий и пенсий, при установлении надбавок и вознаграждений за выслугу лет.

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года внес изменения в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года в части огульных обвинений в отношении всего немецкого народа;

— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года отменил действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в части ограничения права на выбор места жительства.

Согласно переписи 1989 года в СССР проживает более двух миллионов немцев. Народными депутатами СССР избраны 10 человек, 5 человек являются Героями Советского Союза, более 30 — Героями Социалистического Труда. Около 80 тыс. граждан немецкой национальности — члены КПСС.

Таким образом, необоснованные обвинения с советских немцев сняты, однако их права и государственность до сих пор не восстановлены.

Подполковник А. Н. КИЧИХИН

НАМ ПИШУТ

В июне с. г. мы всей семьей навестили нашего сына, служащего в Ростовской области. Часть до этого времени 6 месяцев находилась в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Хотели бы поблагодарить весь офицерский состав части за хорошее отношение к солдатам и к нам, родителям, никому ни в чем отказа не было. И что характерно, обращаясь к любому офицеру, назвав фамилию солдата, видишь, что все знают этого солдата. Сейчас часто льют грязь на армию, говоря, что там прижилась или живет «дедовщина». Здесь ее нет и в помине. И в личной беседе с сыном получили хорошие отзывы о сослуживцах и командном составе.

Супруги Л. Г. и В. М. ВАСИЛЬЕВЫ
(г. Новокубанск Краснодарского края)

* * *

О «Военно-историческом журнале» в целом мнение мое положительное. В то же время к материалам идеологического направления отношусь неодобрительно. Не дело это, «ВИЖ». Есть же газета «Красная звезда», журнал «Советский воин» и др., есть публицистические издания общего направления — вот это и есть широкое поле деятельности для проведения в массы военной идеологии. А нас, «историков», агитировать за Советскую власть не нужно. Больше фактического материала, делового анализа. В остальном мы, грешные дилетанты, как-нибудь разберемся.

Е. М. ШУВАЛОВ
(г. Дзержинский Московской обл.).

Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.)

2 сентября 1945 года закончилась вторая мировая война.
В ходе ее сотни тысяч военнослужащих
с обеих сторон попали в плен.
В настоящей статье приводятся документальные данные,
неизвестные широкому кругу читателей.
Автор не претендует на всю полноту освещения вопроса
о военнопленных периода второй мировой войны.
Эта проблема еще ждет комплексного исследования.

РАЗВЯЗАННАЯ в сентябре 1939 года Гитлером вторая мировая война и особенно агрессия фашистской Германии против СССР раскола мир на две враждебные коалиции, из которых каждая утверждала, что в этой войне вся совокупность права, правды и морали находится на ее стороне. Вторая мировая война в самый момент ее возникновения приняла неслыханные размеры и грозила участвовавшим в ней народам истреблением.

Эти обстоятельства неминуемо отразились на положении военнопленных во всех воевавших странах. В частности, установившийся в международной практике взгляд на военнопленного как на обезоруженного воина, имеющего право на содержание в условиях быта военнослужащих государства пленения, подвергся значительным изменениям, а в некоторых случаях и грубейшим нарушениям международных конвенций об обращении с военнопленными. В этом отношении большое значение имел тот факт, что одновременно с содержанием громадных масс военнослужащих и гражданского населения воевавшие стороны оказались вынужденными содержать и огромные массы военнопленных, материальное обеспечение которых в условиях быта своих военнослужащих являлось на практике совершенно неосуществимым.

Воевавшие страны не успевали обслуживать собственные армии надлежащими помещениями, одеждой и продовольствием. Естественно, что военнопленные обеспечивались по остаточному принципу, который наиболее полно нашел применение в фашистской Германии. Об этом достаточно обстоятельно написал западногерманский исследователь Кристиан Штрайт в книге «Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные 1941—1945 гг.» (Штутгарт, 1978). В Советском Союзе наиболее остро проблема военнопленных встала во второй половине 1942 года, когда вражеские военнослужащие стали захватываться советскими войсками в массовом количестве.

Изучение хода военных действий на советско-германском фронте в период с июня 1941 по май 1945 года показывает, что число военнослужащих фашистской Германии и ее союзников (Венгрии, Румынии, Финляндии, Италии и др.), захватываемых в плен советскими войсками, было неодинаковым и нарастало с приближением победы над Германией. Так, на 1 августа 1941 года армейскими приемными пунктами Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) было принято от боевых подразделений Советской Армии 2385 вражеских военнопленных; на 10 августа 1941 года в советских тыловых лагерях для военнопленных содержалось 1990 человек, из них 1016 румын и

974 немца. В числе румынских военнопленных был 21 офицер, 277 сержантов и 718 рядовых, немецких — 28 офицеров, 572 унтер-офицера и 374 рядовых. На 20 августа того же года армейскими приемными пунктами (АПП) всех фронтов было принято 4018 вражеских военнопленных, на 31 августа — 5093, а на 1 октября через АПП прошло уже 6681 человек[1]. Результаты обобщения количества военнопленных, принятых АПП в течение 1942 года, показали, что действующей армией только в ноябре — декабре было передано в АПП свыше 70 тыс. военнопленных, а в течение января— февраля 1943 года уже свыше 150 тыс. Особенно напряженная обстановка с военнопленными сложилась в районе Сталинграда, где сталинградскими лагерями только до 3 февраля было принято 35 тыс., а на 4 февраля в них содержалось 76 тыс. человек. Всего же, по данным на 25 февраля, в системе УПВИ НКВД СССР числилось 256 918 вражеских военнопленных, из них работоспособных было только 199 090, а остальные 57 828 человек — больные и раненые. При этом только в трех лагерях для военнопленных прифронтовой полосы (Бекетовский, Хреновской и Новохоперский) находилось 110 563 военнопленных, в их числе 3775 человек офицерского состава и 106 788 — рядового и унтер-офицерского состава[2].

Учитывая сложившуюся обстановку, Управление Тыла Советской Армии распоряжением от 4 февраля 1943 года дало указание начальнику тыла Донского фронта организовать дополнительные лагеря для военнопленных в районе Сталинграда. К 20 февраля в них было сосредоточено до 9000 военнопленных, нуждавшихся в госпитализации (из них 2775 человек обмороженных), а к 22 февраля — свыше 90 тыс. военнопленных. Более трети из них находились в тяжелом физическом состоянии, явившимся результатом длительного нахождения

Таблица 1

Количество военнопленных в СССР по периодам *

Периоды поступления военнопленных	Всего поступило военнопленных, чел.
22.06 — 31.12.1941 г.	9 147
1.01. — 19.11.1942 г.	10 635
19.11.1942 г. — 3.02.1943 г.	151 246
3.02. — 5.07.1943 г.	24 919
5.07.1943 г. — 1.01.1944 г.	40 730
1.01. — 1.03.1943 г.	15 351
1.03.1944 г. — 1.01.1945 г.	745 585
1.01. — 20.01.1945 г.	67 776
Итого:	1 009 298

* ЦГА, ф. 1 п, оп. 01е, д. 35, 46, 70; оп 23а, д. 2; ф. 4п, оп 1, д. 1.

в окружении в зимних условиях. Из этого числа военнопленных начиная с февраля и по 10 июня 1943 года было госпитализировано 35 099 человек[3].

Систематизация общего количества вражеских военнопленных в СССР с 22 июня 1941 по 20 января 1945 года по конечным результатам наиболее крупных операций позволила выяснить и сгруппировать эти данные (табл. 1).

За этот же период по разным причинам в плену в СССР умерло 220 316 человек. Наиболее высокий процент смертности наблюдался среди военнопленных, захваченных после ликвидации окруженных группировок противника в районе Сталинграда, Воронежа и др. Эти военнопленные поступали сильно истощенные физически и психически, с разными формами дистрофии, а также различного рода заболеваниями типа сыпной тиф, холера, воспаление легких и т. п., что фактически не позволило спасти их от неминуемой смерти.

По данным учетных подразделений УПВИ НКВД СССР установлено, что в период с 22 июня 1941-го по 1 октября 1944 года количество военнопленных по фронтам и отдельным армиям распределялось так, как показано в табл. 2.

[1] ЦГА СССР, ф. 1п, оп. 23а, д. 6, л. 29; ф. 4п, оп. 1, д. 1, лл. 10—11.
[2] Там же, ф. 1п, оп. 23а, д. 6, л. 39; оп. 37а, д. 2, л. 52.

[3] Там же, оп. 37а, д. 2, л. 40.

Таблица 2

Количество военнослужащих врага, захваченных фронтами, отдельными армиями **

Фронты, отдельные армии	Количество захваченных военнопленных, чел.	
	с 22.06.1941 г. по 1.03.1943 г.	с 1.03. по 1.10.1944 г.
Карельский	327	1 487
Ленинградский	4 018	10 197
Волховский	1 336	—
1-й Прибалтийский	2 648	9 607
2-й Прибалтийский	3 298	9 411
3-й Прибалтийский	—	5 193
Северо-Западный	2 894	—
Калининский	5 672	—
Западный	8 003	—
Брянский	6 056	—
Белорусский	6 403	—
1-й Белорусский	—	36 097
2-й Белорусский	—	24 346
3-й Белорусский	—	83 720
Центральный	2 924	—
Сталинградский	19 979	—
Донской	72 553	—
Воронежский	48 266	—
Юго-Западный	15 887	—
Южный	6 406	—
Степной	2 314	—
2-й Украинский	6 490	170 020
1-й Украинский	12 948	40 123
3-й Украинский	5 415	101 307
4-й Украинский	10 687	44 686
Северо-Кавказский	3 431	—
Кавказский	1 566	—
Особая Приморская армия	2 507	—
Всего:	252 028	536 194
Итого:		788 222

** ЦГА, ф. 1п, оп. 01е, д. 35, лл. 3—16, 72—78; оп. 23а, д. 6, л. 105.

Изучение документов, отражающих заключительный этап Великой Отечественной войны, показывает, что большой объем работы, связанной с приемом и эвакуацией вражеских военнопленных, проделан в мае — июле 1945 года. В этот период девятью фронтами было отправлено в тыл страны 1 031 350 человек, для чего потребовалось 358 железнодорожных эшелонов: Ленинградским фронтом — 140 тыс. военнопленных (58 эшелонов), 1-м Прибалтийским и 3-м Белорусским — 101 тыс. (45 эшелонов), 2-м Белорусским — 119 тыс. (58 эшелонов), 1-м Белорусским — 75 500 (34 эшелона), 1-м Украинским — 88 500 (42 эшелона), 4-м Украинским — 88 105 (38 эшелонов), 2-м Украинским — 293 450 (130 эшелонов) и 3-м Украинским — 126 796 человек (62 эшелона).

Из выше приведенных статистических данных следует, что через фронты прошло значительное количество вражеских военнопленных и это, естественно, потребовало от тыловых подразделений Советской Армии значительных усилий по их содержанию и эвакуации из зон активных боевых действий, а также по оказанию неотложной медицинской помощи раненым, больным, физически ослабленным, нервно и психически истощенным. В этом плане определенный интерес представляет анализ приказов и директив советского командования, и прежде всего начальника Тыла Советской Армии А. В. Хрулева. Несмотря на то что непосредственно за содержание военнопленных во фронтовых условиях (начиная с АПП) отвечало УПВИ НКВД СССР, нельзя считать, что командование фронтов стояло в стороне от проблем содержания и эвакуации вражеских

военнопленных. В связи с этим целесообразно кратко рассмотреть организацию приема, эвакуации и содержания военнопленных в СССР вообще.

Согласно мобилизационным планам 1941 года в случае войны НКВД СССР развертывало армейские приемные пункты (АПП) военнопленных, основной задачей которых было: прием военнопленных от боевых частей Советской Армии, их содержание и передача конвойным войскам НКВД СССР для эвакуации в тыловые лагеря. Доставка вражеских военнопленных на АПП осуществлялась силами войск действующей армии. В своей деятельности АПП руководствовалось Временным положением о приемных пунктах военнопленных от 1939 года, Положением о военнопленных, утвержденным постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 года. Учитывая, что такая система приема, содержания и эвакуации военнопленных во фронтовых условиях оказалась малоэффективной, приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 года во фронтовых условиях кроме АПП были созданы лагеря-распределители (всего шесть). Временное положение о лагерях-распределителях вводилось в действие приказом НКВД СССР от 5 июня 1942 года. Порядок обеспечения лагерей-распределителей (в том числе и АПП) всеми видами довольствия определялся директивой штаба Тыла Советской Армии от 17 мая 1942 года.

В результате совместных действий НКВД СССР и штаба Тыла к концу 1942 года количество АПП возросло до 44, а лагерей-распределителей — до 15[4]. В то время при каждом начальнике тыла фронта существовала должность уполномоченного НКВД СССР по делам военнопленных, т. е. во фронтовых условиях впервые был создан институт уполномоченных по делам военнопленных. С учетом массового поступления вражеских военнопленных в январе—феврале 1943 года приказом НКВД СССР от 18 февраля при начальниках войск НКВД по охране тыла фронта были созданы отделения по делам военнопленных, которые непосредственно стали заниматься всем комплексом вопросов, связанных с приемом, содержанием и эвакуацией во фронтовых условиях. Вместе с тем приобретенный опыт в период 1941—1942 гг. показал, что целесообразно вновь пересмотреть систему приема, содержания и эвакуации военнопленных во фронтовом тылу. Поэтому приказом НКВД СССР в 1943 году лагеря-распределители реорганизуются во фронтовые приемно-пересыльные лагеря (ФППЛ). Таких было создано 11. Однако и система «АПП—ФППЛ» являлась недостаточно совершенной, и поэтому приказом НКВД СССР от 26 сентября того года создается промежуточное звено между АПП и ФППЛ — сборные пункты (СП) военнопленных.

В деле совершенствования организации эвакуации военнопленных и их обеспечения всеми видами довольствия важную роль сыграл ряд приказов Советского Главнокомандования. Так, начальником Тыла Советской Армии издан приказ в 1943 году «Об устранении недочетов в эвакуации военнопленных и их обеспечении», который оказал существенное влияние на эффективность обслуживания военнопленных во фронтовых условиях. Но несмотря на это, продолжали иметь место отдельные недостатки в этом вопросе. Для улучшения работы НКВД СССР издал приказ № 0388 от 6 октября того же года, которым объявлялась инструкция «О санитарном обеспечении военнопленных и спецконтингента при поступлении на приемные пункты и во фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках».

В целях улучшения организации эвакуации военнопленных и сокращения расстояний при их пешей эвакуации приказом НКО СССР № 098 от 23 апреля 1944 года за подписью Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Об упорядочении эвакуации военнопленных из войсковых районов» были впервые четко определены оптимальные расстояния между АПП — СП — ФППЛ: АПП дислоцирова-

[4] Там же. ф. 1п. оп. 23а. д. 6. л. 11.

лись на расстоянии 25—30 км от переднего края, СП — не далее 50—70 км и ФППЛ — 100—120 км. Этим же приказом предписывалось в ходе наступательных операций создавать в тыловых районах дивизий первого эшелона пункты сбора военнопленных, размещая их в 10—12 км от переднего края. В дополнение к приказу была издана совместная директива УПВИ НКВД, Управления конвойных войск и Главного управления НКВД по охране тыла фронтов за № 28/1/8975 от 29 апреля 1944 года, основной целью которой являлось координирование усилий по эвакуации военнопленных из фронтового тыла в глубь страны. Но наиболее существенное значение в деле взаимодействия имела специальная директива начальника Тыла Советской Армии и народного комиссара внутренних дел СССР № 20/1151156 сс от 31 июля, согласно которой начальники тылов фронтов обязывались брать под контроль прием, обеспечение и эвакуацию вражеских военнослужащих во фронтовых условиях с момента их захвата боевыми подразделениями и до передачи во фронтовую систему УПВИ НКВД СССР. В результате принятых мер положение значительно улучшилось. Количество точек по приему военнопленных к концу 1944 года увеличилось: в то время действовало 12 фронтовых отделов[5], 12 фронтовых лагерей, 49 сборных пунктов и 72 армейских приемных пункта[6]. Командование, военные советы фронтов уделяли серьезное внимание организации содержания военнопленных. Питание военнопленных как в тыловых лагерях, так и во фронтовых осуществлялось по трем основным нормам суточного довольствия (утверждены постановлением СНК СССР № 1782 — 79 сс от 30 июня 1941 г. и распоряжением СНК СССР № 4735 рс от 6 августа 1941 г.): основная; для находящихся в лечебных заведениях лагерей и приемных пунктов; для находящихся в оздоровительных командах.

В соответствии с требованиями международных конвенций об обращении с военнопленными было определено также и денежное довольствие, нормы которого объявлены приказом НКВД СССР № 001155 от 5 июня 1942 года. Они составляли: 10 рублей — для рядового и унтер-офицерского состава, 15 — для среднего командного состава, 25 — для старшего командного состава и 50 рублей — для высшего командного состава. Это денежное довольствие выдавалось единовременно на все время нахождения военнопленных в лагерях-распределителях. Следует сказать, что по причине неорганизованности и нераспорядительности положенное военнопленным денежное довольствие выдавалось не везде и не всегда регулярно. В этом деле были недостатки и упущения.

Согласно «Положению о военнопленных» от 1 июля 1941 года больные и раненые приему в лагеря НКВД СССР от частей Советской Армии не подлежали. Для их лечения были созданы специальные госпитали в системе НКО СССР и Наркомздрава СССР. Режим содержания военнопленных в этих госпиталях и их охрана возлагались на УПВИ НКВД СССР.

Нормы суточного довольствия военнопленных в начале 1943 года были уточнены и объявлены приказом НКВД СССР № 00488 от 16 марта 1943 года «О порядке обеспечения лагерей НКВД военнопленных и спецконтингентов». Согласно этому приказу нормы суточного довольствия военнопленных стали дифференцированными. В них входили все необходимые продукты: хлеб, мясо, рыба, овощи, специи, чай, крупы, масло, сахар и т. п. (всего не менее 20 наименований). Разным категориям военнопленных выдавалось и соответственное количество продуктов. Для примера приведем суточные нормы хлеба, выдаваемого военнопленным (табл. 3).

Необходимо отметить, что добровольно сдавшимся в плен военнослужащим противника выдавалось хлеба на 100 г больше, чем остальным. Нормы суточного довольствия

[5] Отделения по делам военнопленных при начальниках войск НКВД по охране тыла фронта, в январе 1944 г. были реорганизованы во фронтовые отделы согласно совместному приказу НКВД СССР и начальника Тыла Красной Армии № 0077/007 от 27 января.

[6] ЦГА, ф. 1п, оп. 23а, д. 6, л. 72.

Таблица 3

Нормы хлеба на военнопленного

№ п/п	Норма выработки	Норма хлеба, г
1	Содержавшиеся на гауптвахте	300
2	Выполнившие рабочие задания на 50 проц.	400
3	» на 50—80 проц.	500
4	» на 80—100 проц.	600
5	Лица офицерского состава и другие, выполнившие рабочие задания на 100—125 проц.	700
6	Выполнившие рабочие задания на 150 проц.	900

нашего кадрового состава лагерей предусматривали хлеба на одного человека в сутки 700—800 г зимой и 600—700 г — летом [7].

Безусловно, во фронтовых условиях случалось, что обстановка не позволяла регулярно обеспечивать вражеских военнопленных положенными по приказу НКВД СССР № 00488 от 16 марта 1943 года нормами суточного довольствия, но в основном эти нормы соблюдались.

Командование и военные советы фронтов постоянно уделяли внимание не только организации содержания военнопленных (обеспечение питанием, медицинское обслуживание, эвакуация и т. п.), но и культурно-просветительной работе среди них, которая организовывалась, как правило, начиная с АПП. Наиболее полно такая работа проводилась во фронтовых и тыловых лагерях. Содержание ее сводилось к информированию военнопленных о положении на фронтах, в их странах, в мире в целом. Осуществлялась она в форме лекций, бесед (групповых и индивидуальных), митингов. Когда представлялась возможность, то военнопленным демонстрировались советские кинофильмы. При каждом лагере для военнопленных работали небольшая библиотека, радиоузел. Особое внимание уделялось доведению до всех содержания руководящих документов Советского правительства по вопросам содержания военнопленных (положение о военнопленных, приказы Верховного Главнокомандования о льготах для добровольно сдавшихся в плен и т. д.). Всем предоставлялась возможность для отправления религиозных культов.

Изучение архивных документов показывает, что командованием Советской Армии в некоторых случаях самостоятельно осуществлялась репатриация вражеских военнопленных во фронтовых условиях без предварительного направления их в тыловые лагеря. Этим подтверждается гуманное отношение советского военного командования к вражеским военнопленным как жертвам войны. Так, уже к началу 1945 года командованием фронтов было отпущено домой из фронтовых лагерей и АПП свыше 200 тыс. военнопленных румын, венгров, чехословаков, словенов и других, а в период завершения Маньчжурской стратегической наступательной операции и до конца 1945 года — 64 888 человек японской армии [8]. Всего же за период войны советское командование освободило из плена непосредственно на фронтах (без направления в тыловые лагеря) 680 тыс. человек разных национальностей и государственной принадлежности, среди которых было отпущено домой 183 619 человек без оформления на них каких-либо документов [9].

Как видно из документов, в плену в СССР оказалось значительное число военнослужащих фашистской Германии, ее союзников и милитаристской Японии. Военнопленные активно участвовали в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства СССР, в возмеще-

[7] Там же. оп. 37а, д. 2, л. 72.

[8] Там же, оп. 01е, д. 46 лл. 192—194.
[9] Там же, оп. 32 б, д. 2 лл. 8—9

нии ущерба, нанесенного агрессорами. Безусловно, захват миллионных масс вражеских военнослужащих в плен является заслугой советских солдат и офицеров. Однако эта славная страница боевой деятельности Советских Вооруженных Сил до сих пор не исследована и не доведена до широкой советской и зарубежиой общественности. Поэтому не случайно, что ни в одном из энциклопеднческих изданнй, ни в одном учебнике по военному искусству, ни в одном нздании по истории второй мировой войны мы не иайдем данных об общем количестве захваченных советскимн войсками военнослужащих противнnка. И в этом я вижу вину советских военных нсториков. Автору после долгих поисков удалось найти документ, в котором начальник Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Снл СССР генерал-полковннк Покровскнй письмом от 2 октября 1959 года запросил у тогдашнего руководства МВД СССР данные о точном количестве военнопленных в СССР. К сожалению, в этом ему было отказано. Объектнвиых прнчнн отказа установнть не удалось.

Сегодня мы живем в другое время — время гласности. В результате изучеиия и аиализа документов автором установлено, что с 22 июня 1941 по 2 сентября 1945 года советскимн войскамн захвачеио, а учетными подразделениями УПВИ (а затем ГУПВИ) НКВД — МВД СССР зарегистрнровано и поставлено на учет как военнопленных 4 126 964 человека военнослужащих вражеских армий пернода второй мировой войны (табл. 4).

Результаты исследования показывают, что в плену в СССР по разным причинам умерло 580 548 военнопленных. Аналнз меднцннских освидетельствований, актов о смерти, отчетов медицинских учреждений, докладных записок администрацни лагерей свндетельствует, что основнымн причннами смертн военнопленных в СССР были: раны и болезни, связанные с участием в боевых действиях; длительное нахождение в окружении; старость (среди военнопленных было много лнц старше 50 лет, особенно среди генералов и старших офицеров); самоубийства; несчастные случаи на производстве и в быту; приведение в исполнение приговора суда о высшей мере наказания за зверства и злодеяния против СССР и его народа; гнбель прн попытке к бегству из мест содержання во фронтовых условнях и в тылу. Все умершие военнопленные похоронены в соответствии с требованиями международного права, приказов Реввоенсовета Союза ССР № 959 от 21 сентября 1925 года и № 169 от 5 сентября 1932 года, Положения о военнопленных от 1 июля 1941 года.

Безусловно, за десятнлетия после окончания войны многие места захоронения военнопленных по раз-

Таблица 4

Движение военнопленных в СССР *

Категории военнопленных	Движение военнопленных с 22.06.1941 г. по 23.12.1956 г.		
	Всего поступнло	Репатрнировано	Умерло
Общее количество, чел.	4 126 964	3 546 416	580 548
В том чнсле:			
генералов	625	487	138
офицеров	122 631	113 916	8 715
унтер-офицеров и рядовых	4 003 708	3 432 013	571 695

*** ЦГА, ф. 1п, оп. 21а, д. 4; оп. 23а, д. 1; оп. 30е, д. 1; оп 34а, д. 8; ф. 4п, оп. 1, д. 1· Правда. — 1950. — 5 мая; Известия. — 1990. — 10 мая. Бюллетень Японской ассоциации бывших военнопленных, № 117. — 1990. — 5 января.

Таблица 5

Национальный состав военнопленных в СССР в период с 22.06.1941 г. по 2.09.1945 г.****

Национальность военнопленных	Общее количество, чел.
Немцы	2 389 560
Японцы	639 635
Венгры	513 767
Румыны	187 370
Австрийцы	156 682
Чехословаки	69 977
Поляки	60 280
Итальянцы	48 957
Французы	23 136
Югославы	21 822
Молдаване	14 129
Китайцы	12 928
Евреи	10 173
Корейцы	7 785
Голландцы	4 729
Монголы	3 608
Финны	2 377
Бельгийцы	2 010
Люксембуржцы	1 652
Датчане	457
Испанцы	452
Цыгане	383
Норвежцы	101
Шведы	72

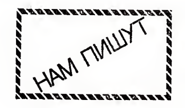
**** ЦГА, ф. 1п, оп. 21а, д. 4; оп. 23а, д. 1; оп. 30е, д. 1; оп. 34а, д. 8; ф. 4п, оп. 1, д. 1.

ным причинам не сохранились (в результате стихийных бедствий, строительства водохранилищ, промышленного и жилищного строительства и т. п.). Однако часть кладбищ, где похоронены военнопленные, сохранилась, например в Иркутске, Хабаровске, Находке, Баку и других местах. Вместе с тем предстоит серьезная работа по восстановлению мест захоронения военнопленных и предоставлению возможностей родственникам умерших посетить эти места.

Национальный состав и государственная принадлежность попавших в плен военнослужащих армий фашистской коалиции были самыми разнообразными (табл. 5).

Безусловно, рамки одной статьи не позволяют обстоятельно рассмотреть все стороны содержания, трудового и иного использования и репатриации военнопленных, содержавшихся в плену в СССР. Эти вопросы требуют дальнейшего глубокого и комплексного исследования.

Капитан 1 ранга В. П. ГАЛИЦКИЙ, кандидат юридических наук, доцент

«Я занимаюсь публицистикой, историко-литературным творчеством. Выписываю ваш журнал. Очень бы хотелось побольше узнать о таких организациях, как СС и СД. Какую роль они играли в системе немецкой разведки».

А. И. КУРЫШЕВ (Ташкент)

От редакции.

СД (немецкое сокращение SD — Sicherheitsdienst — служба безопасности) — шпионско-террористическая организация германского фашизма, политическая разведка и контрразведка, действовавшая внутри рейха и за его пределами, руководившая террористическими акциями на оккупированных территориях.

СС (немецкое сокращение SS — Schutzstaffeln — охранные отряды) — военизированная террористическая организация нацистской партии, одна из главных опор фашистского режима. В 1925 году обособилась в СА как «личная охрана фюрера» (около 200 чел.), с 1929 года ее руководителем стал Гиммлер, с 1934 года самостоятельная организация. СС состояла из «альгемайне СС» (общие СС) и «СС Ферфюгунгсгруппе» (военные отряды СС)», которые в начале второй мировой войны были преобразованы в «Ваффен СС» («войска СС»). Таким образом, в состав СС вошли части «Мертвая голова» (немецкое Totenkopf) — особое формирование СС (во время второй мировой войны — дивизия), действовавшее главным образом в нацистских концлагерях и на оккупированных территориях Европы, отличалось исключительной жестокостью; войска СС, служба безопасности рейхсфюрера СС (СД). СС была главным орудием массового террора в Германии и на оккупированных территориях. Решением Международного военного трибунала признана преступной организацией.

ДАШНАКИ

(Из архивов департамента полиции)

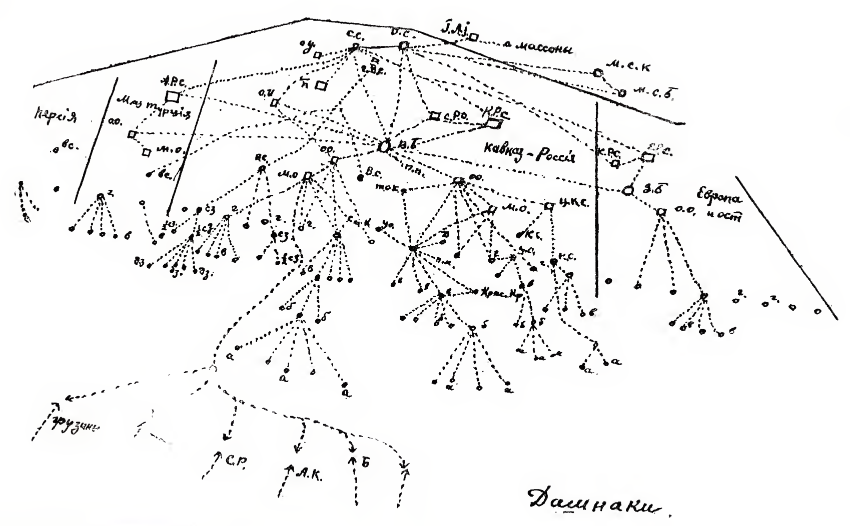
ИЕЗУИТИЗМ политнки выражается в смысле внутренних действий в том, что вся пропаганда для армян ведется с национальной окраской, а для других — общесоциалистическая, т. е. космополитическая, которая сопровождается разрушением главных государственных и нравственных устоев: веры, царя н отечества, а вместе с этим н семьи. Этот принцип заимствован от евреев.

Что же касается внешней политикв, то она также поставлена и, по-видимому, организована очень хорошо на тех же началах, а ведут ее весьма способные люди. До последнего времени «Дашнакцутюн» вел свое дело и свою политику вполне самостоятельно, гордо отвергая какие бы то ни было предложения со стороны других революционных организаций и стремился только к сближению и приобретению связей и поддержки со стороны легальных правительств Европейских государств, в том числе и России. Главное и явное его стремление было разрушение Турции. С отнятием церковных имуществ «Дашнакцутюн», приняв во внимание усиление повсюду революционных брожений, отдал приказ по партии вступить в войну и с Россией, как н с Турцией. После неудачного и все же маскированного открытого вооруженного восстания на Кавказе и одновременно подавления беспорядков внутри России, «Дашнакцутюн» притих. проявив интенсивную деятельность в беспощадном подавлении крамолы внутри себя и тайном избиении тех правительственных чинов, которые трезво смотрели на Дашнаков, как на врагов государства, не поддаваясь их иезуитским уверениям, что они действуют не против России, а Турции. Многие же представителей власти были до такой степени обмануты Дашнакистами, что и до настоящего времени следуют в поводу «Дашнакцутюна».

Так как могущество партии «Дашнакцутюн» вследствие внутренней военной революции и ошибочно введенной тактики в финансовом вопросе стало было падать, то для укрепления себя необходимо было выиграть время, ибо партия погибла бы или была бы почти разрушена, если бы после подавления революции внутри России были бы приняты репрессии и по отношению армян. Но «Дашнакцутюн» при помощи обмана успел себя обезопасить со стороны России и в то же время с лихорадочной деятельностью начал увеличивать свои силы, для чего прежде всего изменена была программа в более общереволюционном духе с целью удержать в своих рядах тех армян, которые под влиянием окружающих событий стали примыкать к другим революционным организациям, преимущественно С.-Д. и С.-Р. Так к С.-Д. примкнуло правое крыло партии под именем «Мшакистов» (от названия газеты «Мшак»), а к С.-Р. — «Младодашнакисты», или левое крыло. Однако раскол продолжался недолго. Программа была принята С.-Р. и даже еще шире, как сказано выше. Действительно, и младодашнаки и С.-Д. снова стали в начале этого года в строгие ряды Дашнакистов. Потом приступлено было к заключению тесных союзов со всеми революционными силами всех народов и государств. Впрочем, отдельные союзы, как, например, с Финляндией, были уже предварительно заключены еще во время общего революционного выступления в России и на Кавказе. Особое внимание и усилие направлено к тому, чтобы действовать совместно со всеми недовольными элементами в России, Турции и Персии и содействовать всеми способами их революционированию. Вместе с заключением союзов «Дашнакцутюн» старается соединить в один союз и всех спутников и взять на себя по возможности незаметно для них, верховное руководство. За последнее время «Дашнакцутюн» достиг замечательных результатов: во-первых, «на Кавказе все спокойно» и вместе с тем быстрыми шагами пошло «культурное» просвещение в виде возникновения ряда «Просветительных обществ» и образования всевозможных «союзов», «народных университетов», благотворительных воспитательных школ и небывалое развитие прессы и литературы на всевозможных языках, кроме русского; немного притихли даже грабители и разбойники, и даже идет на словах восхваление русской администрации. Все туземное население ведет себя спокойно. Удивитель-

Окончание. См.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 8.

В советской прессе в августе этого года появилось сообщение: партия «Дашнакцутюн» впервые со времен антисоветского мятежа в 1921 году будет иметь в Армении свой центральный офис, печатный орган и информационный центр. Это что, те самые дашнаки? — Ред.

Персія
Мал. турція
Кавказ - Россія
Европа
о.о. и ост
масони
Грузини
С.Р.
А.К.
Б
Дашнаки.

Объясненіе знаковъ

1. а, а... Хумбы (Ячейка, кружокъ)
2. б. б.... подкомитеты.
3. в, в, в... комитеты
4. г. г... центральные комитеты (для Кавказа 8)
5. оо, оо.... отвѣтственные органы
6. З. Б......Западное бюро (Европ. Турція, Египетъ вся Европа и Америка)
7. В. Б..... Восточное бюро (Кавказъ, Персія, М. аз. Турція и вся Россія).
8. Р. С... при Раіонныхъ собраніяхъ.
9. Гл. В. С.... Главный военный совѣтъ зинворовъ
10. С. С..... Совѣтъ Союза.
11. О. С.... Общее Собраніе.
12. п. п.... пресса при бюро.
13. т. о. к.... террористическіе отвѣтственные комитеты
14. в. с. в. с.... военные совѣты зинверовъ.
15. з. с. зс... Ротни зинворовъ.
½ зс... полусотни.
д. д..... десятки.
16. к. с. кс... комитеты самообороны
17. ц. к. с.... центральный Ком. самооб.
18. у. о. у. о... ученическія организации при Ц. К
19. мо, мо.... междупартійная организація
20. л. л.... партійный листокъ при ЦК.
21. оу.... органъ устрашенія.
22. д. д.... „Деш" при ЦК. для устан. чин. Окр. гл.
23. ои.... Организація изслѣдованія (Воен. разв.)
24. ву.. военное училище въ Болгаріи
25. П. .... Паторикъ
26. С. О. Е.... студенческая европейская организ.
27. С. О. Р.... студ. русская организац.

М. С. Б. ... междунар. соціалист. бюро
М. С. К. ... междун. соц. Конгрессъ.
І. А. І ... междунар. Израильскій союзъ.

ное явление для Кавказа. Однако подымем покрывало, которое называется «на Кавказе все спокойно», и посмотрим на внутренности. Эта анатомия тоже приведет нас в изумление, так как все народцы, чрезвычайно невежественные и почти дикие в культурном отношении, вдруг выставили каждый от себя политические программы, которые, однако, все являются копией с оригинала — армянской, и отовсюду несется клич: «Да погибнет настоящая Россия и да здравствует федеральная русская республика!», основанная на коммунальных началах и независимая, союзная с нею Армянская, Грузинская, Гурийская, Мингрельская, даже Дагестанская и прочая, прочая — сто одиннадцать республик. Наряду с этим кличем, раздающимся пока под покрывалом, мы видим за последнее время, что согласно постановлению 4-го съезда об усилении правительственного и партийного террора длинный синодик все удлиняется; каждый день прибавляются кресты над неугодными организациям чинами русской власти и над теми жителями, которые еще не совсем революционированы или терроризованы и не пожелали исполнять требования революционных организаций. Расправа короткая и вполне, по-видимому, основанная на своеобразно понимаемых принципах свободы совести и неприкосновенности личности. Также повсюду видим прогрессирующее вооружение, и притом современным оружием.

На содержание части государственного механизма, армии и ее вооружение, ведение пропаганды и вообще для достижения своих целей нужны, конечно, деньги, и поэтому у «Дашнакцутюна» существует своя финансовая система. Прежде всего всякий вступивший в организацию, а также и вспомогательный член платит не менее 2 проц. из своего заработка или доходов. Далее в фонд идут сборы с лекций, спектаклей, лотерей, благотворительных вечеров, базаров и т. д.: сбор пожертвований, обложение всего армянского населения 2-проц. сбором за введение у них своих судов вместо правительственных, сопряженных с волокитой и подкупом, и за защиту их как от мусульман, так и всевозможных притеснений, эксплуатации и простых грабителей.

По-видимому, население охотно несет эту подать. Кроме него для увеличения финансов партия иногда прибегает и к иным способам, чтобы сразу приобрести порядочную сумму, — это организованные вооруженные грабежи (экспроприации) и наложение на богатых людей штрафа. Нефтепромышленник Манташев, например, заплатил 1 миллион, но, кажется, сделал это как «вспомогательный член» «Дашнакцутюна», так как он же основал в Лондоне армянский национальный банк, где теперь покоятся «церковные» армянские денежки, и он же находится в союзе с Ротшильдом, который в свою очередь является кумиром всего Израиля. Всего же действительных активных членов в организациях «Дашнакцутюна» согласно его же отчету год тому назад состояло 165 тысяч с годовым взносом 1 мил[лион]. Можно отсюда понять, что Армянский государственный банк обладает большими капиталами и на приведение в исполнение своих целей в средствах, вероятно, недостатка не будет.

Из изложенного выше видно, насколько могуществен и опасен «Дашнакцутюн». Однако этим еще все его могущество не исчерпывается, так как партия эта имеет сильные внешние связи, как союз с «международным социалистическим бюро», а через него и с правительствами конституционных государств. Французское правительство через Жореса и «Израильский союз», вероятно, всецело на стороне «Дашнакцутюна», который к тому же за границей также ведет широкую пропаганду в печати в целях привлечения общественного мнения на свою сторону и дискредитирования России и Турции. В особенности могуч его союзник — еврейство. Если внимательно следить за общими политическими явлениями и сопоставлять с данными, попадающими к нам из организации, то мы увидим, что хронический пожар Балканского полуострова поддерживается «Дашнакцутюн», и если сейчас [он] немного притих, то только вследствие того, что с одной стороны, партия занималась приведением в порядок своих дел, а с другой — на это сильно повлияла смерть вождя всех повстанческих банд «Дашнакцакана» — Сарафова.

На основании тех же данных можно сказать, что последний план «Дашнакцутюна» был таков: руководя союзными и подпавшими под его влияние революционными элементами Персии и Турции, постараться убить почти одновременно Шаха и Султана, а может быть, в то же время произвести покушение на Председателя Совета Министров и на Государя Императора, который также приговорен к смерти вместе со Столыпиным (из журнала М. Армения, июль 1907 года), воспользоваться произведенной смутой и одновременным восстанием на Балканах, Аравии (где арабы в руках Египетского Центрального комитета), Турции и Персии, провозгласить независимость Великой Армении. Установлено, что в Шаха были брошены армянские бомбы, а в то же время к Султану в спальню положили бомбу те же дашнакисты при помощи послушных им младотурок и их предводителя Селима, племянника Султана. Известно также, что зинворы Кавказа получили приказание перейти границу и вторгнуться в Турцию и план этот стал приводиться в исполнение, но вследствие неудавшихся покушений не осуществился и в данную минуту в этой области пока все не притихло. В «главном военном совете» у армян имеются и другие планы, кроме убийства Султана и Шаха: так известен план захвата Карса при условии восстания в Закавказье, быстрое сосредоточение к Эрзуруму 60-тысячной армии, захват Эрзурума и превращение его в базу для дальнейших действий. С этой целью даже проведена в Закавказье особая военная дорога в Турцию в данном направлении; общий же план — восстание начинать осенью, так как зимой Турции трудно будет сосредоточить войска и вести военные действия, а между тем, если зинворы захватят такой стратегический пункт, как Эрзурум, и за зиму еще более усилятся, то будут в состоянии выдержать летнюю кам-

панию до новой весны. В это время их европейские друзья успеют созвать конгресс и объявить Армению свободной. План ясен. Этим планом, по-видимому, объясняется сосредоточение турецких войск возле нашей границы, а также занятие ими части персидской территории, которая при бессилии персидских властей явилась бы первым плацдармом для сосредоточения армянской армии. Турция этим пока локализовала тлеющий на Балканах, Закавказье и Армении пожар, но он не потушен. Ближайшее будущее покажет, во что разовьется современное положение. Этим же, может быть, можно объяснить и появление у нас турецких эмиссаров, при помощи которых Турция, опираясь на силу чувства панисламизма и сознавая свою слабость, надеется усилить себя при помощи кавказских мусульман, колеблющееся душевное состояние которых теперь также достаточно выяснено. Здесь раскол: меньшая часть еще остается верной России, но, по-видимому, и она недолго продержится: часть их состоит в революционных организациях и поэтому вследствие своей общемусульманской политической неразвитости находится в руках «Дашнакцутюна», большинство же, находя настоящий режим русского правительства на Кавказе невыносимым для себя, естественно, тяготеет к Турции и намерено стать на ее сторону, но только в случае войны между Россией и Турцией.

Этим я заканчиваю свой очерк партии «Дашнакцутюн». Изложенное есть мое личное убеждение, вынесенное из собранных в разных местах документов, преимущественно из Особого Отдела Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе, Губернского Жандармского Управления и партийной прессы «Дашнакцутюна». Агентурные сведения во внимание почти не принимались *.

1908 год.

ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 253, ед. хр. 285 лл. 1—18 об.

ПРОГРАММА

Армянской революционной и социалистической партии

ДАШНАКЦУТЮН

Утверждена съездом партии в 1907 году

Программа-минимум

Армянская революционная федерация, как партия революционная и социалистическая, ставит своею целью защиту экономических, политических и национальных интересов армянских трудящихся масс, имея в виду заменить монархию народоправством, а капитализм социализацией орудий и средств производства.

Руководимая социалистическими принципами и учитывая в то же время реальные нужды областей, населенных армянами, партия эта выставляет следующие минимальные требования (программа-минимум).

* Стиль и некоторые грамматические особенности документов сохранены.

I. В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ

А. Для Турецкой Армении:

1. Политическая и экономическая свобода, основанная на началах местной автономии и федеративных отношений ко всей Турции.

2. Центральное Оттоманское правительство, организованное на конституционных и демократических началах, заведует общими делами всего государства — внешней политикой, армией, финансами, таможнями, почтой, телеграфом и железными дорогами — оставляя все другие государственные функции в ведении автономных областей.

3. Турецкая Армения, оставаясь составною частью Турции, пользуется в то же время свободою действий во всех своих внутренних делах. Все составляющие ее области и коммуны пользуются равным образом местной автономией в своих внутренних делах.

4. Все законодательные и административные органы, как центральные, так и областные, должны быть выборные на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права, без различия национальности, религии и пола.

Б. Для Закавказья (Кавказа):

5. Закавказье, в качестве демократической республики, является составной частью России — республики федеративной.

Первая связана с последней в вопросах защиты государства, внешней политики, монетной и таможенной системы.

6. Закавказская республика независима во всех своих внутренних делах: она имеет свой парламент, избранный путем всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования. Всякий гражданин, без различия пола, пользуется избирательным правом, начиная с 20-летнего возраста.

7. Закавказье посылает во Всероссийский парламент своих представителей, избранных путем той же системы всеобщих выборов.

8. Закавказская республика делится на кантоны, пользующиеся самою широкою местною автономией. Коммуны (общины) пользуются равным образом автономией в вопросах коммунальных.

9. При обозначении границ кантонов необходимо считаться с топографическими и этнографическими особенностями страны в целях образования возможно более однородных группировок.

10. Все представители законодательной, судебной и исполнительной власти избираются населением согласно упомянутой выше выборной системе.

11. Прямое законодательство: право инициативы и референдума.

В. Общие для обеих стран:

12. Свобода совести, устного и печатного слова, собраний, союзов и стачек.

13. Отделение церкви от государства.

14. Право иаций на свободное самоопределение. Полное равеиство всех национальностей и религиозных групп. Отмена всех сословных привилегий.

15. Неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции.

16. Свобода передвижеиия; отмена паспортной системы.

17. Всеобщее, обязательиое и бесплатиое первоиачальиое обучение. Преобразование всех церковных школ в светские.

Преподавание иа родиом языке.

18. Бесплатное судопроизводство...

20. Обязательное знание двух главных местных языков для должностных лиц каитонов и общии и трех местных языков для администрации всего края. Государственный язык обязателен.

21. Замеиа постоянной армии народной милицией. Всякий гражданин, способный носить оружие, участвует в милиции. Милиционеры отбывают повинность в пределах своего округа. Милиция созывается под общие знамена лишь тогда, когда грозит опасность свободы и целости государства...

II. В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

1. Социализация земли.

а) Земля перестает быть частиой собственностью и изымается из товариого оборота...

2. Уничтожение косвенных иалогов (за исключением налогов на предметы роскоши).

3. Прогрессивный налог на иаследства и доходы, превышающие необходимый для существоваиия миимум.

4. Уничтожение протекциоиной системы.

5. Общедоступный кредит, организованный государством...

8. Развитие кооперативиых учреждений, как производительных, так и потребительских.

9. Восьмичасовой рабочий день для промышлеиных и сельскохозяйствениых рабочих и еще более короткий рабочий день в производствах вредных и опасных для здоровья.

10. Устаиовлеиие минимума заработной платы в городе и деревие...

14. Еженедельный отдых. Магометане пользуются своим днем иедельиого отдыха.

15. Выборы дирекции промышленных заведений самими рабочими. Участие последних в управлеиии фабриками и заводами.

16. Страхование рабочих от несчастных случаев, болезней, старости и безработицы за счет государства и хозяев.

17. Бесплатиая медицинская помощь.

18. Биржи труда.

ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 253, ед. хр. 280, лл. 1—2 об.

УСТАВ СОЮЗА «ДАШНАКЦУТЮН»

Утвержден общим собранием в 1907 году

ЧЛЕНЫ

1. Каждый человек, желающий быть члеиом Армяиского Революционного Союза, должеи всецело принять программу и тактику организации, подчиняться уставу ее и всячески стараться осуществлять в жизни правила ее.

2. Члены Союза (Дашнакцутюн) делятся на два разряда:

а) иа деятельных и б) на вспомогательных членов.

Деятельными членами называются те, которые участвуют в каком-нибудь оргаие Союза и платят по меньшей мере 2 проц. со своего дохода.

Вспомогательными членами считаются те, которые, принимая программу иашей организации и материально помогая ей, не руководствуются правилами и тактикой этой оргаиизации.

Примечание: Вспомогательные члены не имеют права выбора.

ОТДЕЛЬНЫЕ ДЕЯТЕЛИ

3. Отдельные деятели делятся на два разряда:

а) на пропагандистов и б) на представителей.

Пропагандистами иазываются те деятельные товарищи, которые по одобрению или по выбору Центральных Комитетов заиимаются в райоиах их делом пропагаиды. Они могут заниматься также делами организации, если уполномочеиы на это надлежащими органами.

Представителем называется тот деятельиый товарищ, который от имени органа Союза отправляется в определенное место, на определенное время и с определенным поручением, которое должио быть обозначеио в его удостовереиии.

ОРГАНИЗАЦИЯ

4. Органами Союза считаются:

а) группа;
б) подкомитет;
в) комитет;
г) центральный комитет;
д) ответствеиный оргаи;
е) бюро.

ГРУППА

5. Семь или более дашнакцаканов составляют группу.

Группы союза делятся на политические, боевые, профессиоиальные, сельские, Красного Креста и другие.

Для каждой из таких групп вырабатывается особый устав о виутреннем строе.

6. Новые члены избираются по взаимиому соглашеиию члеиов группы.

ПОДКОМИТЕТ

7. В районе может быть подкомитет, когда в нем имеется по меньшей мере 50 деятельных членов.

8. Члены подкомитета избираются членами групп по большинству голосов.

9. Подкомитет ведет общие дела групп и является посредником между группами и более высшими органами и представителями.

10. Подкомитет состоит из 3—5 членов.

КОМИТЕТ

11. Район может иметь комитет, когда в нем имеется по меньшей мере 200 деятельных членов.

12. Члены комитета избираются членами групп или их представителями. В обоих случаях требуется участие по меньшей мере ²/₃.

13. Комитет составляется по меньшей мере из пяти членов.

14. Комитет действует независимо в разрешении местных дел. Но в пределах осуществления решенных и проектированных Общим Собранием предприятий, Комитет обязан действовать с согласия Центрального Комитета или ответственного органа, или же представителя.

15. Комитет отправляет свой капитал в кассу Центрального Комитета района, а в исключительных случаях в свое Бюро, заранее давая знать об этом Центральному Комитету.

16. Комитет не имеет печати.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

17. Район может иметь Центральный Комитет, когда в нем имеется по меньшей мере 1000 деятельных членов.

18. Центральный Комитет ежегодно избирается делегатским собранием своего района.

19. Делегатское собрание составляется из делегатов, назначенных по числу дашнакцаканов в каждом районе.

Примечание. Каждому районному делегатскому собранию предоставляется право проверки голосов этого района.

20. Центральный Комитет составляется по меньшей мере из пяти членов.

21. Каждый Центральный Комитет по удовлетворении своих местных нужд, которые можно довести до минимума, лишний капитал отправляет в кассу своего бюро, или же по указанию бюро отправляет деньги на предприятия, определенные Общим Собранием, согласно росписи.

Примечание:

а) этот малый размер для всех органов в районе (для подкомитета и комитета) определяет Центральный Комитет;

б) пожертвования употребляются на то предприятие, для которого они получены.

22. Центральный Комитет раз в год, в начале декабря, отправляет в свое бюро сведения о деятельности в своем районе...

28. Центральный Комитет имеет свою печать.

29. Все внешние сношения делаются через Центральный Комитет или с ведома их.

30. Центральный Комитет отправляет в Западное Бюро для хранения все свои нужные документы, бумаги и вещи, имеющие революционно-историческое значение, уничтожая остальное...

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ОРГАН

54. Ответственным называется тот избранный Общим Собранием орган, которому поручается руководство деятельностью в определенном районе и ответственность за осуществление определенных крупных предприятий.

Примечание: количество и местонахождение ответственных органов определяет общее собрание.

55. Ответственный орган составляется по меньшей мере из пяти членов, из них трое выбираются Общим Собранием, а двое Центральным комитетом района.

56. На место недостающего члена избирается новый, по совету остальных товарищей и районного Бюро.

57. Ответственный орган имеет руководственную роль в местности, составляющей район его деятельности...

63. Ответственные органы обязаны по крайней мере в год раз подвергать контролю счета всех органов своего района.

64. Ответственные органы в дни денежного кризиса имеют право посылать одного из членов вместе с выбранными соседними комитетами или Бюро товарищами в другие места для изыскания средств.

БЮРО

65. Союз (Дашнакцутюн) имеет два Бюро:

а) Восточное;

б) Западное.

66. Бюро обязаны наблюдать за решениями общих и районных собраний и за точным примечанием правил организации.

67. Бюро держит свои Центральные Комитеты района в осведомленности хода дел организации и по меньшей мере в 6 месяцев раз сообщают им отчеты дел Бюро.

68. Бюро в случае необходимости, с согласия местных деятелей посылает товарищей с одинаковым правом голоса для усиления Центральных Комитетов.

69. Бюро играет роль регулятора в пожертвовании денег согласно составленной Общим Собранием росписи.

70. Только Бюро представляется право заготовлять печати и передавать по принадлежности согласно правилам по этому поводу.

Примечания:

а) только Бюро, Центральные Комитеты имеют право пользоваться особым значком;

б) Центральные Комитеты района от себя выдают печати профессиональным объединениям организации, форма печати должна иметь разницу от формы печати Союза; это определяет районное собрание...

73. Бюро обязаны в конце года резюмировать счета всех органов, находящихся под их ведомством, и сообщать Центральным Комитетом.

74. Бюро обязаны хранить протоколы своих важных решений.

75. Бюро обязаны за три дня отвечать на письма, полученные из Страны[1].

76. Допуская разделение труда между членами Бюро, они все вместе in corpore ответственны перед Общим Собранием по всем своим делам.

А) ВОСТОЧНОЕ БЮРО

77. Район Восточного Бюро составляют:

а) Страна: от линии Кирасан—Харберт—Тигранакерта восточнее;

б) Кавказ, Россия и Персия.

78. Восточное Бюро состоит по меньшей мере из семи членов, из которых пятерых избирает Общее Собрание, а один избирается ответственными органами Страны...

79. Город, где должно находиться Во-

[1] Страной называется Турецкая Армения. — Прим. переводчика.

сточное Бюро, определяет Кавказское районное собрание.

80. По крайней мере три члена Восточного Бюро обязаны заниматься только революционным делом, получая от организации необходимые на жизнь средства.

81. Для разрешения важных вопросов Восточное Бюро созывает экстренное районное собрание...

Б) ЗАПАДНОЕ БЮРО

85. Район Западного Бюро составляют:

а) Малая Азия, от линии Кирасан—Харберт — Тигранакерта на запад.

б) Балканский полуостров, Америка, Египет и вся заграница, кроме России и Персии.

86. Западное Бюро состоит из пяти членов, из которых трое избираются Общим Собранием, а двое ответственными органами Западного района.

87. Если по какой-нибудь причине не достает члена Западного Бюро, советом или районным собранием избирается новый.

Примечание: для Западного районного собрания составляется устав о внутреннем строе.

88. Западное Бюро, кроме своих общих организационных дел:

а) издает «Дрошак»[2], в направлении руководствуется данными Общим Собранием инструкциями, и другие издания от имени Союза, на армянском и иностранных языках;

б) издает и другие органы на иностранных языках, посвященные армянскому вопросу;

в) ведет пропаганду за границей.

89. Западному Бюро предоставляется право приглашать в помощь себе товарищей-дашнакцаканов:

а) в редакции;

б) в пропаганде;

в) в управлении местными делами.

Такие товарищи имеют равное с товарищами Бюро право голоса, но только по порученным им делам.

90. Бюро обязано как следует распорядиться, чтобы из своей среды один или два человека занимались делами своего района как разъездные агенты.

РАЙОННОЕ СОБРАНИЕ

91. Районных собраний союза три:

а) Великой Армении;

б) Кавказа (куда входит также Вреж);

в) Западного района.

92. Районные собрания созываются по мере надобности и возможности, а на Кавказе по меньшей мере в год раз. Они составляются из представителей от:

а) Бюро;

б) Ответственных органов;

в) Районного собрания Центрального Комитета;

г) Центральных Комитетов;

д) Редакции официального листка района;

е) Студенчества района;

ж) Приглашенных деятельных товарищей.

[2] Слово «дрошак» означает «знамя» — название главного органа Армянского Революционного Союза «Дашнакцутюн». — Прим. переводчика.

Примечание: собрание состоится, если присутствует $^2/_3$ участвующих органов. Собрание созывается через Бюро.

93. Районное собрание вправе заставлять принять новые способы тактики по делам своего района, но только не выходя из пределов проекта и определений Общего Собрания.

Примечание: районное собрание вырабатывает устав о внутреннем строе и о своих занятиях.

94. Районное собрание вырабатывает устав о внутреннем строе для всех органов своего района согласно уставу и решениям Общего Собрания.

СОВЕТ СОЮЗА

95. Совет Союза составляется из представителей от:

а) двух Бюро;

б) ответственных органов;

в) избранных представителей Восточного и Западного районных собраний: Восточного два и Западного один представитель...

97. Совет Союза считается не компетентным, если наличное число представителей ответственных органов, присутствующих в собрании, менее $^2/_3$.

Примечание: если $^2/_3$ действительных органов не в состоянии присутствовать на собраниях Совета, решения его, касающиеся Страны, не должны считаться обязательными для нее.

98. Обязанности Совета Союза сводятся:

а) к оценке деятельности ответственных органов и бюро в определенных Общим Собранием пределах;

б) к оценке и обсуждению исполненных ответственными органами предприятий и к сообщению результатов оценки Общему Собранию;

в) к приведению в порядок революционных сил и к производству целесообразного отпуска денег;

г) к исполнению состава ответственных органов и бюро;

д) к изысканию денежных средств;

е) к руководству внешними сношениями от имени Армянского Революционного Союза с другими организациями и элементами;

ж) во время неожиданного политического кризиса под своей ответственностью дать новое направление деятельности, лишь бы оно не противоречило определениям Общего Собрания.

99. Совет считается высшим учреждением по судебным вопросам.

100. Совету Союза присваиваются две печати: на армянском и на французском языках; на последнем следующего содержания: Conseil a la Federation Revolutionnaire Armenienne.

Эти печати хранятся в одном из Бюро.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

101. Время последовательных заседаний Общего Собрания определяется Общим Собранием; в экстренных случаях созывается Советом Союза.

102. В Общем Собрании участвуют представители:

а) Бюро;

б) ответственных органов;

в) районных собраний Центральных Комитетов;

г) Центральных Комитетов...

111. Делегаты подают свои голоса по своему убеждению.

112. Бюро обязаны заранее через особую комиссию вырабатывать материал для занятия Общего Собрания.

Примечание: органы обязаны по меньшей мере за месяц до открытия Общего Собрания послать сведения и счета в означенную комиссию...

114. Каждый делегат обязан привезти в Общее Собрание мнения не только большинства, но и меньшинства своего района.

115. Общее Собрание считается открытым законно, если присутствует $^{2}/_{3}$ числа делегатов.

116. Общее Собрание постановляет все свои решения по большинству $^{2}/_{3}$ числа всех присутствующих делегатов.

117. Каждый делегат более одного голоса не может иметь.

Примечание: делегаты же Страны могут иметь два голоса...

120. Решения Общего Собрания считаются окончательными лишь только тогда, когда все протоколы подписываются и Собрание объявляется закрытым.

121. Общее Собрание не может делать какое-нибудь основное изменение, касающееся цели Союза и системы организации, если заранее этот вопрос не представлен Центральным Комитетом.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ

122. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ. Каждый Центральный Комитет обязан:

а) иметь 1000 деятельных членов;

б) в год по меньшей мере 20 000 франк[ов] дохода.

Примечание: в Стране ежегодного дохода Центральных Комитетов достаточно 10 000 франков.

в) каждый год для организации подготовлять или привлекать желающих организоваться стратегов или других товарищей специалистов для революционного дела, согласно внутренним условиям каждого района. Количество их определяет районное делегатское собрание;

г) ежегодно подготовлять по меньшей мере 50 вооруженных товарищей, из которых 10 готовых перейти в Страну.

123. СТУДЕНЧЕСТВО. Студенчество — дашнакцаканы за границей и в России участвуют в Общем Собрании, когда число членов не меньше 100 за границей и не менее 200 в России.

124. Не удовлетворяющие этим требованиям лишаются права участия в Общем Собрании.

ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА

125. Денежные средства составляют:

а) членские взносы (от 2 до 10 проц. с дохода);

б) пожертвования;

в) подписки;

г) случайные доходы.

126. Каждый дашнакцакан обязан по меньшей мере 2 проц. со своего месячного дохода вносить ежемесячно в кассу местного органа Союза.

Примечание: тот дашнакцакан, который три месяца не вносил своего взноса, лишается права голоса до уплаты.

127. Право сбора предоставлено только органам дашнакцаканов.

Примечание: производящие без ведома органов и без официального удостоверения сбор признаются шантажистами.

128. Употребление насилия в деле сбора денег строго воспрещается...

БУХГАЛТЕРИЯ

130. Органы обязаны в выдаче людям денег, оружия и вещей иметь расписку получателя в своей расходной книге...

142. Всякий заем совершается под ответственностью членов органа, но никогда от имени организации или за печатью ее.

143. 5 проц. с общего дохода организации должно оставаться в запасе в кассе Бюро для составления революционного фонда. Право и расходование этого капитала принадлежит Общему Собранию.

ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЕ

144. Каждый деятельный дашнакцакан обязан жить своими трудами:

а) когда частное занятие не вредит успешному исполнению принятого на себя дела;

б) тотчас же по окончании исполнения возложенных на него обязанностей или по переводе его из района данный деятель не призывается на новую деятельность.

145. В случае нового призыва, упомянутого в пункте б) предыдущей статьи, органы и товарищи-дашнакцаканы обязаны находить для товарища работу и в течение двух месяцев отпускать ему на расходы из сумм Союза.

Примечание: предоставленное этой статьей двухмесячное вспомоществование товарищу должно вычислять со дня удаления от своего дела или из своего района, а не со дня въезда в район каждого комитета.

146. Семьям товарищей, занимающихся делом организации, вспомоществование не выдается из ее средств.

Примечание:

а) в критических случаях таким товарищам может быть выдано вспомоществование из средств Красного Креста;

б) Устав о внутреннем строе Красного Креста вырабатывается районными собраниями.

БОЕВЫЕ ГРУППЫ

147. Организация для своих революционных предприятий из рядов дашнакцаканов организует боевые группы.

148. Каждая группа должна состоять из 10 боевиков.

149. Каждый боевик обязан ознакомиться с проектом Союза и быть готовым служить осуществлению его.

150. Боевые группы руководствуются инструкциями, изданными местным органом и Бюро.

151. Каждый боевик обязан заниматься своим собственным трудом, иметь собственное оружие и тогда входить, как боевик, в революционные предприятия.

Примечание: во время нахождения в активном деле боевик получает от организации средства к жизни.

ОБЪЕДИНЕНИЯ

152. Объедннеиия бывают:
а) профессиональные;
б) сельские.

153. Цель профессиоиальиых объедиие-ний заключается в сгруппировании фабричных и ремесленных тружеников по заиятиям и в защите их иитересов.

154. Целью сельских объедииеиий служит защита при посредстве руководящих товариществ сельских общественных интересов и освобождение их из рук ростовщиков, помещнков и других эксплуататоров.

Примечаиие: параллельио с профессиональными и сельскими объединениями или иезависимо от иих могут организоваться также кооперативные объедииеиия.

ТЕРРОР

155. Террор может быть двояким:
а) политический;
б) организациоиный.

156. Только Цеитральные Комитеты и ответствеииые органы могут постановлять решения о терроре. Решения эти должны быть единогласиыми.

157. За тяжкие организационные иарушения (присвоенне оружня и денег) и преступлеиия (предательство, измеиа и убийство товарища) применение террористического наказання возможно лишь в том случае, когда получнтся согласие другого органа (для Центральиого Комитета — согласне ответствеииого оргаиа или Бюро, а для ответственного органа — согласие Бюро).

Примечание: в Стране Центральный Комнтет получает согласне ответствениого органа, а в случае неосуществления последнего — согласие соседнего Центрального Комитета. Ответствениый орган к Бюро не обращается.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА

158. Пресса дашнакцаканов обязаиа аккуратио следовать проекту организации и распространять те идеи, которые служат основаннями проекта.

159. Официальный центральный орган Союза «Дрошак» руководствуется данными Общнм Собранием инструкциями.

160. Районные собраиия имеют право в своих районах основывать официальные районные органы, давая им особые инструкции и, если нужно, материальную помощь, ие выходя из пределов определеииой Общим Собранием росписи.

161. Центральные комитеты могут издавать местные листки Союза, но без определения характера официальиого или полуофициального.

162. Совет Союза н районные собрания могут объявлять несоюзнымн те листки партни (первый относительно всех, а второй отиосительио райониых листков), которые отступают от проекта оргаиизации и ее основных взглядов.

Примечаиие: относительно прокламаций, письмениой пропаганды и других способов Бюро дают особые инструкции.

ДИСЦИПЛИНА

163. Если член какого-нибудь органа или меньшииство его ие соглашается с решеием большинства, то несогласиые должны или сохранять нейтральное отношение к местным делам, или же изыскать другую местность для своей деятельиости.

164. Другой какой-нибудь орган Союза с подобным иесоглашающимся субъектом или меньшинством входит в сношения только с согласия местного органа.

165. Какой-либо член органа на долгое время может отсутствовать из местности для своей деятельности лишь только с согласия большиинства товарищей.

166. Никакой орган не имеет права предпринимать какую бы то ни было деятельность в районе другого органа без ведома и согласия сего последнего.

167. Высший орган района может объявлять распущенный подчиненный ему орган своего района, если ие достает большинства его члеиов по случаю отставки или по какой-либо другой причине.

СУДЕБНАЯ
(дисциплина)

168. Каждый орган Союза может вырабатывать дисциплннарные наказания в отиошенни своего члеиа.

169. Каждое решение, имеющее характер наказания, постановляется по большинству $^2/_3$ голосов.

170. В случае тяжкого преступлеиия или нарушения каждый орган исключает из своей среды виновного нли иарушающего члена, сейчас же уведомляя свой непосредственный высший орган для предосторожности.

171. Каждое решение об исключении, которое должно утверждаться Центральным Комнтетом, не окончательное до утверждения его Районным Собраиием.

Примечаиие: в Страие право утверждения оставлено ответствеииому органу.

172. Районное собрание обязаио приглашать виновного для того, чтобы дать возможность ему себя защищать.

173. Только после утверждеиия Районным Собранием, а в Стране ответственным органом, решение признается окончательиым, и совершенное исключение осужденного из Союза объявляется в «Дрошаке».

174. Бюро имеет право объявлять действия какого-нибудь центрального комитета приостановленными за совершениые им иарушения, предоставляя его окончательное расформирование районному собранию.

175. Относительио подозреваемого с точки зрения организации в районе или относительно исключенного товарища нужно сейчас же предупредить окружные органы и Бюро.

176. Удалениый из района Центрального Комитета член не может быть принят в районе другого Центрального Комнтета до выяснения вопроса Бюро или ответственным органом.

Примечаиие: удаленного товарища в случае исправления можно снова принять, но ие иначе как с согласия удалившего его органа.

ЦГАОР СССР, ф. 102. оп. 253. ед. хр. 280, лл. 1—12 об.

Публикацию подготовил В. М. КОПЫЛОВ

ПОЕЗД ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ИМПЕРАТОРА

ПОСЛЕДНИЙ русский император Николай II во время своего царствования совершал многочисленные поездки по стране. Главным средством его передвижения была железная дорога. Предметом особого внимания царя был подсчет количества километров, которые прошел его поезд.

Царские разъезды не прекратились и с началом первой мировой войны. Для обеспечения поездок в военное время в министерстве императорского двора был даже составлен специальный мобилизационный план.

За время войны царь не раз посещал Ставку верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Николай II выезжал также непосредственно на фронт, где проводил смотры войск, а иногда даже посещал боевые позиции. В публикуемом ниже отрывке из воспоминаний бывшего начальника канцелярии министерства императорского двора А. А. Мосолова рассказывается о составе царского поезда, быте его обитателей во время поездок, распорядке приема посетителей последним русским императором.

ПУТЕШЕСТВИЯ ИХ ВЕЛИЧЕСТВ

ПУТЕШЕСТВИЯ по железной дороге вызывали крупные осложнения. Я только что был назначен начальником канцелярии, как мне пришлось заняться подготовкой путешествия в Крым с заездом в Беловеж для охоты.

Сколько бумаг надо было составить! Дворцовая полиция: охрана во время пути. Железнодорожный батальон: охрана мостов и туннелей. Военное министерство: часовые на всем протяжении дороги. После 1906 г. все вопросы охраны полностью перешли в ведение дворцового коменданта. Министерство внутренних дел: кто и где будет представляться их величествам. Гофмаршальская часть: подготовка резиденций. Инспектор высочайших поездов: отход и приход поездов. Кабинет его величества: подарки, которые необходимо взять на всякий случай, никогда нельзя было знать заранее, где, кто и когда удостоится высочайшего подарка; в виде правила, я возил с собой тридцать два сундука, наполненные портретами, ковшами, портсигарами, часами из всех возможных металлов и всех возможных цен.

Государь и государыня терпеть не могли отвечать на вопросы, куда они поедут и когда кого будут принимать. В полдень иногда я не знал еще, что поезд назначен на три часа пополудни... Приходилось поддерживать «дружеские» отношения с челядью: скороходами, горничными, лакеями, гоф-курьерами... Они подбирали на ходу обрывки разговоров, и от них по телефону я узнавал, что царь или царица сказали насчет предстоящего путешествия. Эти услуги, конечно, не были бескорыстными.

Для путешествий своих царь располагал двумя поездами. По внешнему виду их нельзя было отличить один от другого: восемь вагонов голубого цвета с монограммами и гербами. Их величества ехали в одном из поездов, второй служил, как теперь говорят, после войны, для камуфляжа. Он шел пустой или спереди, или сзади настоящего царского поезда; даже начальники движения не могли знать, в каком именно из двух поездов находятся царь и его семья.

В первом вагоне находились конвой и прислуга; как только поезд останавливался, часовые бегом занимали свои места у вагонов их величеств. Во втором вагоне находилась кухня и помещение для метрдотеля и поваров. Третий вагон представлял собой столовую (красного дерева); треть этого вагона отведена была под гостиную, с тяжелыми драпировками и мебелью, обитою бархатным штофом; там же стояло пианино. Столовая была рассчитана на шестнадцать кувертов.

Четвертый вагон пересекался во всю его длину коридором и был предназначен для их величеств. Первое купе, двойного размера, являлось рабочим кабинетом государя: письменный стол, два кресла, маленькая библиотека. Затем шли ванная и спальня их величеств. Не могу сказать, как обставлено было это купе, так как я в него никогда не входил. Наконец, еще тройное купе представляло собой гостиную государыни — серо-лиловатых тонов. Если императрицы не было в поезде, купе это закрывалось на ключ.

В пятом вагоне находилась детская; драпировки были из свежего кретона, а мебель — белая. Фрейлины помещались в этом же вагоне.

Шестой вагон отводился свите. Он был разделен на девять купе, из которых одно, двойное, посередине вагона, предназначалось для министра двора.

Наши купе были много просторнее, чем в международных спальных вагонах. Комфорт был обеспечен, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помещения визитной карточки. Одно купе всегда оставалось свободным: в него помещали лиц, представлявшихся их величествам в пути и почему-либо оставляемых в поезде.

Наконец, седьмой вагон предназначался для багажа, а в восьмом находился инспектор высочайших поездов, комендант поезда, прислуга свиты, доктор и аптека. Канцелярия двора и походная канцелярия помещались, как могли, в багажном вагоне.

Я никогда не забуду первого дня, проведенного мною в царском поезде.

Накануне отъезда наша прислуга расположила — в соответственных купе — одежду и туалетные принадлежности. Все лишнее бросалось в багажный вагон, доступ в который был открыт и днем и ночью.

Мы собрались в царском павильоне за полчаса до приезда их величеств. Государь, государыня и дети прибыли за несколько минут до отхода. Поезд двинулся в путь тотчас же.

В пять часов вечера скороход прошел по вагонам, заявляя, что их величества приглашают нас к чаю. Собрались в салоне. Государыня подошла ко мне и сказала несколько слов, видимо, для того, чтобы ободрить новичка. Затем мы перешли в столовую и заняли места по старшинству. Царь и царица сидели посередине стола один против другого. Я был в то время в чине полковника и поэтому оказался на самом конце стола. Две старшие фрейлины сидели направо и налево от государя. Соседями государыни являлись граф Фредерикс и генерал-адъютант Гессе. Когда государыня отсутствовала, ее место занималось графом Фредериксом. Общий разговор тотчас же завязывался между лицами, сидящими вблизи царя. Остальная публика разговаривала между собою вполголоса.

Присутствие императрицы, — я скоро в этом убедился, к сожалению, — создавало какую-то атмосферу принуждения и неловкости, видимо, ощущаемое и самой императрицей. Мы все были веселее и разговорчивее, когда ее с нами не было.

Наиболее красочным из путешественников был, конечно, придворный хирург доктор Гирш. В момент моего назначения ему было под восемьдесят лет; начал он свою службу при Александре II и продержался на протяжении трех царствований. Его познания в области медицины не могли быть очень свежими, и свита смотрела на него слегка снисходительно. Но государыня очень его уважала, и он, так сказать, входил в состав царской семьи. С ним советовались по поводу воспитания детей, ему прощали все его эксцентричности.

Например, он курил сигары без остановки, зажигая новую об окурок предшествующей. Между тем государыня не выносила запах сигар.

Я слышал, как она однажды сказала Гиршу:

— Отодвиньтесь немного, а то я задохнусь.

— Ваше величество, я курю сегодня первую и очень маленькую сигару...

— Хороша маленькая сигара... Из-под двери вашего купе шел такой дым, точно подожгли амбар табаку.

Когда Гиршу говорили: «Никотин — это яд», — он отвечал: «Да, яд, но яд медленного действия, я его принимаю пятьдесят лет подряд, и он еще ничего не мог со мной сделать».

Прислуга приносила чай. Стол был заставлен печеньем и фруктами. Алкоголя не

было, но флаг-капитан Нилов не мог обходиться без рому или коньяку, и, когда он выходил к чаю, лакей подавал ему соответственную бутылку.

Чай продолжался около часу. Часто государю приносили последние агентские депеши, еще им не просмотренные. Просмотрев их, он передавал листки соседу. Фрейлины при этом в счет не шли, ибо они проявляли полное равнодушие к кускам бумаги этого рода.

После чаю мы возвращались в вагоны, кто читал, кто разговаривал в коридоре.

Обед подавался в 8 часов (вечера.— Авт.) и продолжался шестьдесят минут. После обеда царь вставал, и мы все ему глубоко кланялись.

К чаю, подававшемуся вечером, царь выходил редко, а царица — никогда. Но чай можно было пить кто как хотел: или в столовой, или в купе. Определенного часа для этого чая не было, так же, как и для утреннего кофе.

На следующий день я пошел в столовую ровно в 8 часов утра. Почти одновременно вошел в вагон и государь. Он мне приказал сесть рядом с ним и спросил:

— Вы всегда так рано встаете?

— Ваше величество, если бы я вставал позднее, то мне бы пришлось торопиться каждый день.

— Вот это правильно. Я тоже встаю очень рано. А вот ваш начальник не имеет этой хорошей привычки. Он едва кончает свой туалет к тому времени, когда подается завтрак.

Я указал, что в Петербурге мой доклад у графа всегда начинался в $10^1/_2$ часов утра.

— Я его не упрекаю за то, что он долго занимается своим туалетом, что понятно в его годы,— ответил государь.— Это прекрасный человек, вам будет приятно работать с ним.

Затем, после паузы:

— Вы служили при нем в полку? Его часто обвиняют в том, что он покровительствует конногвардейцам... Я его понимаю: приятно быть окруженным лицами, которых знаешь, которым можно довериться.

Поезд останавливался на больших станциях. Министр двора заранее давал государю список тех лиц, которые будут допущены на перрон. Царь выходил из вагона в сопровождении свиты и разговаривал с местной администрацией. Губернаторы получали приглашение сесть в вагон и следовать до границы их губернии. Этой же чести удостаивались некоторые военные лица; они делали свои доклады в пути; если надо было переночевать, им отводилось купе в свитском вагоне.

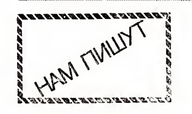
В течение всего путешествия государь работал в своем вагоне. Если выходил в столовую для вечернего чая, то иногда оставался там с членами свиты; устраивалась партия в домино; в случае проигрыша государь посылал лакея за деньгами, так как у него никогда не было денег в карманах. Царь даже мало знал цену деньгам. Вспоминаю по этому поводу инцидент с тройкой в Скерневицах. Лошади понесли, и экипаж остановился только благодаря мужеству казака, который схватил коренника за узду и протащился по земле на довольно длинное расстояние с явной опасностью для жизни. Государь приказал мне вознаградить казака.

— Дайте ему или золотые часы, или двадцать пять рублей — по его выбору.

Я выдал смельчаку золотые часы и в письменном докладе указал на несоответствие стоимости часов назначенной государем сумме.

— Это большой пробел в моем образовании, — сказал мне государь, смеясь. — Я не знаю, сколько что стоит, мне никогда ни за что не приходится платить деньгами. (Из книги: Мосолов А. При дворе императора.— Рига: Филин, [1937].— С. 208—212).

*Публикацию подготовил **В. А. АВДЕЕВ**, кандидат исторических наук*

Самым большим злом считаю отсутствие в стране порядка, попрание наших законов. Ничего мы не перестроим и не станем жить лучше, пока не перестанут верховодить такие «депутаты», как Гдлян, Иванов, Карякина, Федоров, антикоммунисты Травкин, Каспаров, Евтушенко и им подобные. Обидно за президента, правительство, что у нас безнаказанными остаются рвачи, клеветники, морально нечистоплотные «слуги народа».

Г. М. ЮСОВ
(Саратов)

Поезд Троцкого

В ПОСЛЕДНИЕ годы возрос интерес к такой личности, как Л. Д. Троцкий. И это не случайно. Недостаток информации, умаление роли одних деятелей и возвеличивание других сыграли свою печальную роль. Историкам фактически заново приходится освещать события интервенции и гражданской войны, строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Несомненный интерес, на наш взгляд, должны представлять документы поезда Председателя Реввоенсовета Республики, хранящиеся в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА). Этот материал охватывает период с августа 1918 года (с момента формирования поезда) по июль 1924 года и содержит в основном приказы по поезду, переписку по личному составу и штатные расписания. К сожалению, в фонде отсутствуют оперативные документы, которые дали бы наиболее полное представление о деятельности поезда, об участии личного состава в боевых действиях на фронтах гражданской войны.

Поезд Л. Д. Троцкого был организован в ночь с 7 на 8 августа 1918 года в Москве на Московско-Казанской железной дороге и утром 8 августа отправился на Восточный фронт по направлению к Казани. Вначале он назывался поездом Наркомвоена. 6 сентября 1918 года Наркомвоен Троцкий был назначен одновременно Председателем только что созданного Революционного Военного Совета Республики, и с ноября 1918 года поезд стал именоваться в документах поездом Председателя Реввоенсовета Республики. Люди, которые стали работниками поезда и вошли в его охрану, были присланы из Наркомвоена, Московского Окружного Военного Комиссариата и других военных учреждений, а также из парторганизаций. Р. А. Петерсон в своих воспоминаниях подробно писал о деятельности поезда Троцкого. С момента формирования последнего он являлся начальником связи, а с 16 февраля 1919 года по 30 марта 1920 года — начальником поезда. Естественно, воспоминания у него остались только хорошие. Троцкого Петерсон представлял себе не иначе, как «вождем Красной Армии». Работа личного состава поезда, отличавшаяся, по его мнению, безупречностью, являлась таковой исключительно благодаря проводимой «воспитательной работе Троцкого». Петерсон искренно считал, что поезд Троцкого во главе с вождем всегда прибывал в то место, где была непосредственная опасность, где была болезнь фронта и где была необходимость в твердой руке и в воле к победе. Так ли было на самом деле или непосредственную опасность представляло само прибытие поезда на тот или иной участок фронта, постараемся разобраться.

Поезд Наркомвоена 8 августа 1918 года состоял из 12 вагонов, в которых ехали следующие группы лиц:

1. Латышского стрелкового Советского полка	— 30 чел[овек]
2. Броневика	— 7 чел[овек]
3. Морского боевого отряда	— 18 чел[овек]
4. Кавалеристы	— 9 чел[овек]
5. Пулеметный отряд	— 21 чел[овек] (2 боев)*
6. Телефонистки	— 7 чел[овек]
7. Телеграфисты Наркомпутьсообщ[а]	— 4 чел[овека]
8. Представители от Викжедора	— 6 чел[овек]
9. Представители от Окрвоенком[а]	— 5 чел[овек]
10. Представители от Главначснабж[а]	— 1 чел[овек]
11. Представители от Военизаконсовета	— 3 чел[овека]
12. Бригада Московского депо	— 24 чел[овека]
13. Шоферов	— 10 чел[овек]
14. Самокатчиков	— 5 чел[овек]
15. Мотоциклистов	— 5 чел[овек]
16. Агитаторов	— 37 чел[овек]
17. Связь из ОПЕРОДа	— 8 чел[овек]
18. Вагон-ресторан	— 7 чел[овек]
19. Комендант	— 1 чел[овек]
20. Медицинский персонал	— 6 чел[овек]
21. Салон-вагон № 431	— 10 чел[овек]
22. — » —№ 432	— 5 чел[овек]
Итого:	— 232[1]

Л. Д. Троцкий следовал в салон-вагоне № 432, а в салон-вагоне № 431 — начальник поезда Чикколини, а также С. И. Гусев, П. Г. Смидович и другие. К моменту формирования поезда обстановка в стране сложилась крайне тяжелая. С падением Казани, Симбирска, Самары снабжение продовольствием центральных районов республики еще более ухудшилось. От голода, отсутствия медикаментов и медицинского обслуживания вспыхнули эпидемии тифа и холеры. На Восточном фронте создалось угрожающее положение. Не было налажено снабжение: войска остро нуждались в продовольствии, вооружении, боеприпасах, и в это же время работу фактически одного Троцкого обеспечивали 232 хорошо обутых, одетых, накормленных человека. Через два дня после сформирования он разбивается на две части. Приказом по экст-

* Так в документе.

[1] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 25, лл. 16—18.

реннному поезду Наркомвоена № 3 от 9 августа 1918 года было объявлено, в частности, следующее:

«...3) [За время пути следования] со станции Арзамас до станции Шихраны поезд разбивается на 2 части: 1-я половина поезда состоит из платформ, товарных вагонов, санитарного и 1-го классного вагона. Комендантом 1-й половины поезда назначается тов. Зенкин. Комендантом 2-й половины поезда назначается тов. Горин. Тов. Зенкину предписываю лично организовать охрану первой половины поезда...»[2].

Теперь поезд имел два состава. Но этого Троцкому показалось мало. Бытует мнение, что поезд выполнял функции «летучего аппарата управления», перестраивался в соответствии с нуждами армии. Вряд ли, однако, нужна была такая громоздкая структура поезда для налаживания связи, тыла и снабжения войск всей армии и Восточного фронта в частности. Тем не менее в распоряжение Троцкого 10 августа 1918 года направляется еще один состав с самолетами и авиационным отрядом. Об этом свидетельствует донесение секретаря по особым поручениям В. М. Барычкина военному комиссару Московского военного округа Н. М. Муралову: «Довожу до Вашего сведения, что мною сформирован экстренный поезд т. Троцкому. В состав поезда вошли следующие части: 2 самолета с авиаторами и механиками, при авиационном отряде имеется один полуторатонный грузовой автомобиль; 6 самокатов; 3 шофера-мотоциклиста; 1 цистерна бензина; 2 грузовых автомобиля.

Поезд отправлен 10-го августа в 23 часа в сопровождении команды охраны из 10 человек»[3].

Казалось, в поезде теперь есть все необходимое для деятельности Наркомвоена: кавалеристы, броневики, самолеты. Ну, может быть, для плодотворной работы не хватало только музыкантов. Вскоре появились и они. Приказом начальника поезда по экстренному поезду Наркомвоена № 16 от 23 августа 1918 года прибывшая в распоряжение Наркомвоена команда музыкантов Военного комиссариата Городского района города Москвы в составе 30 человек зачисляется с 18 августа на денежное, а с 22 августа на приварочное довольствие при поезде. Теперь прибытие поезда Наркомвоена в войска сопровождалось музыкой духового оркестра.

Секретарь Председателя РВСР и Наркома по Военным и Морским делам М. Глазман, вспоминая о первых днях работы поезда, отметил, что в первый же день Троцкий организовал в поезде Революционный трибунал в составе Гусева, Смидовича и других. Почти на каждой станции в поезд приходили люди с жалобами на медленное следование эшелонов, на задержки. Тут же это дело разбиралось, составлялся протокол, посылались телеграммы о привлечении виновных к ответственности. На каждой станции вызывался в поезд военный представитель на железной дороге. В поезде был организован политический отдел из едущих в нем политработников. На некоторых станциях устраивались митинги. На них иногда выступал и Троцкий.

В октябре 1918 года в поезде Наркомвоена была создана комиссия по выработке временного штата сотрудников поездов № 1 и № 2 и их окладов. Приказом начальника поезда № 86 от 24 ноября 1918 года был объявлен проект штатов и окладов должностных лиц поезда. Ознакомившись с этим проектом, можно уяснить структуру поезда.

Как видно из проекта, сотрудники поезда имели довольно высокие оклады. Начальник поезда, пользующийся правами командира дивизии, получал 2450 рублей в месяц, столько же — секретарь Троцкого; коменданты поездов № 1 и № 2, пользующиеся правами командира полка,— 1950 рублей, начальник команды связи Р. А. Петерсон, преклонявшийся перед Троцким и считавший его своим вождем, — 2150 рублей в месяц. Для сравнения: начальник 5-й Уральской пехотной дивизии имел оклад 2000 рублей; командир 4-го Латышского стрелкового полка, следовавшего с поездом Троцкого, — 700 рублей, рядовой Латышского стрелкового полка — 250 рублей, а рабочий поезда — 1150 рублей; телефонист того же полка — 250 рублей, а телефонист поезда — 1250 рублей. Полковой фельдшер получал 350 рублей, санитар — 275 рублей, фельдшер же и санитар поезда — соответственно 1450 рублей и 1250 рублей. Шофер отдела снабжения 26 сд имел оклад — 800 рублей, шофер поезда (а их в поезде было 16 человек) — 1450 рублей.

Шоферов и машин в поезде по тем временам было очень много. Сам Троцкий объяснял это необходимостью совершать со своими сотрудниками большие поездки по фронту. Можно представить, с каким размахом совершались они, если в гараже имелись две машины марки «Локомобил», два «Паккарда», один «Лянч», один «Непир», один «Фиат», один грузовой «Фиат», один грузовой «Паккард», автомобиль-цистерна, автомобиль-мастерская и один автомобиль «Пирс-Арау». Последний побывал в ремонте, ему установили американский верх. Машины покрывались меховыми чехлами.

Только три года спустя принимаются меры по упорядочению деятельности личного состава поезда, установлению четких рамок полномочий. На заседании Междуведомственной штатно-тарифной комиссии управления делами РВСР от 24 августа 1921 года было утверждено «Положение о поезде Председателя Революционного Военного Совета Республики»[5]. В нем, в частности, говорилось: «1. Поезд Председателя Революционного Военного Совета Республики

Приказ[4]

от 24 ноября 1918 г.

по поезду Наркомвоенмор[а]
№ 86
ПРОЕКТ
штатов и окладов содержания
должностным лицам
поезда Предреввоенсовета
тов. Троцкого

[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, ф. 25883, оп. 1, д. 88, л. 44.
[4] Там же, ф. 4, оп. 7, д. 2, л. 63; п. 34.
[5] Там же, ф. 4, оп. 7, д. 125, л. 5 об. лл. 98, 98 об.

№№ п/п	Должность	Количество [человек]	Оклады содержания [руб]	Примечание
	Канцелярия тов. Троцкого			
1.	Секретарь тов. Троцкого	1	2450	
2.	Делопроизводитель	1	1650	
3.	Стенографисты	2	1950	
4.	Машинист-письмоводитель	1	1650	
5.	Казначей	1	2150	
6.	Капельмейстер	1	1950	
7.	Член Викжедора	1	2150	
8.	Картографы	2	1650	
	Канцелярия начальника поезда			
9.	Начальник поезда	1	2450	
10.	Секретарь, он же помощник его	1	1950	
11.	Делопроизводитель	1	1650	
12.	Машинист-письмоводитель	1	1450	
	Комендатура			
13.	Коменданты	2	1950	
14.	Письмоводители, они же помощники	2	1650	
15.	Начальник охраны	1	1850	
	Команда связи			
16.	Начальник команды связи	1	2150	
17.	Помощник его	1	1950	
18.	Делопроизводитель	1	1650	
19.	Уполномоченные	3	1650	
20.	Самокатчики	2	1250	
21.	Механик телефона	1	1650	
22.	Механик телеграфа	1	1750	
23.	Надсмотрщики	2	1550	
24.	Телефонисты	4	1250	
25.	Телеграфисты	3	1450	
26.	Заведующий электрической станцией	1	1650	
27.	Электромонтеры	3	1350	
28.	Заведующий гаражом	1	1750	
29.	Заведующий мастерской (старший механик)	1	1750	
30.	Слесари	3	1250	
31.	Шоферы	16	1450	
32.	Мотоциклисты	3	1350	
	Канцелярия начальника хозяйственной части			
33.	Начальник хозяйственной части	1	2150	
34.	Помощники его	2	1850	
35.	Каптенармусы	2	1350	
36.	Помощники их	2	1250	
37.	Делопроизводители	1	1650	
38.	Казначей	1	1650	
39.	Бухгалтер	1	1650	
40.	Машинисты-письмоводители	2	1450	
41.	Заведующий оружием	1	1650	
	Санитарный отдел			
42.	Врач	1	2150	
43.	Фельдшер медицинский	2	1450	
44.	Фельдшер ветеринарный	1	1450	
45.	Сестры милосердия	2	1250	
46.	Санитары	1	1250	
	Походная типография			
47.	Заведующий типографией	1	1650	
48.	Наборщики	15	1350	
49.	Рабочие	3	1150	
	Библиотека поезда			
50.	Заведующий библиотекой	1	1650	
51.	Помощник его	1	1350	

находится в непосредственном подчинении Председателя Революционного Совета Республики и имеет своим назначением:

а) передвижение Предреввоенсовета Республики;

б) переброску на места специального кадра работников по назначению ВЦИК и РВСР;

в) выполнение боевых и других заданий Председателя РВСР.

2. Поезд Председателя РВСР является отдельной строевой частью...

5. Во главе поезда стоит Начальник поезда, назначенный Председателем Революционного Совета Республики и утверждаемый в должности установленным порядком.

6. Начальник поезда пользуется правами начальника стрелковой дивизии».

Вместе с тем в этом документе прямо указывалось, что коменданты каждого состава непосредственно подчинялись Начальнику поезда и в отношении подчиненных им лиц пользовались правами командира полка.

Первым начальником поезда Наркомвоена был назначен товарищ Чикколини, который, помня мудрое изречение «вождя Красной Армии» о том, что «нельзя строить армию без репрессий», приказом по поезду № 1 объявил следующее: «По приказанию Наркомвоена товарища Троцкого я вступил в исполнение обязанностей начальника поезда. Объявляю всем без исключения товарищам, едущим в этом поезде, что все мои распоряжения должны исполняться беспрекословно. В случае неповиновения виновные будут предаваться суду Революционного трибунала...» [6].

Как в пути следования, так и на остановках поезд Троцкого и сам Троцкий тщательно охранялись. Был введен особый ритуал действий часовых.

Приказом начальника поезда № 58 от 8 октября 1918 года вменялось в обязанность начальнику охраны следить:

«1. Чтобы у вагона Наркомвоен[а] тов. Троцкого не скоплялись люди.

2. Чтобы при выходе Наркомвоен[а] тов. Троцкого его не сопровождали беспорядочной кучей любые попавшиеся товарищи, а лишь для этой цели назначенные.

3. Чтобы выставленные из нашего поезда часовые у входа или выхода какого-нибудь здания для встречи Наркомвоена тов. Троцкого не устремлялись при проходе его сейчас за ним, а сходили бы с места лишь по приказанию начальника охраны» [7].

Поезд Троцкого направился на Восточный фронт в августе 1918 года, как раз в тот момент, когда в районе Казани и Свияжска формировалась новая 5-я армия. Часть лиц, следующих с поездом Наркомвоена, была назначена на командные должности в армии. Так, приказом по войскам 5-й армии Восточного фронта от 14 августа 1918 года Чикколини был назначен начальником Правобережной группы войск Казанского участка Восточного фронта, в то же время оставаясь на посту начальника поезда.

Начальник связи поезда Наркомвоена Петерсон был назначен временно исполняющим должность начальника службы связи 5-й армии. Прибывшие на Восточный фронт с поездом Троцкого Смидович и Гусев вошли в состав Военно-революционного трибунала 5-й армии (Смидович — председатель, Гусев — член трибунала).

В различные части 5-й армии направлялись прибывшие с поездом агитаторы. На станции Свияжск поезд выделил отряд, который принимал участие во взятии Казани. В период августовского наступления войск Восточного фронта штаб 5-й армии располагался в г. Свияжске, там же находился Наркомвоен Троцкий.

Пребывание Наркомвоена в районе боевых действий зачастую играло отрицательную роль, вносило сумятицу и неразбериху в управление войсками. К. Х. Данишевский, член Реввоенсовета Восточного фронта, а в последующем член Реввоенсовета Республики и председатель Реввоентрибунала Республики, писал в мемуарах: «Не помню, в какой из моих приездов в Москву из Арзамаса и свидания с Владимиром Ильичем зашел разговор о Троцком и его роли на фронте. Я передавал общее недовольство фронтовых политработников партизанскими наскоками поездов Троцкого на тот или другой боевой участок. Недовольно было и командование, ибо часто при проездах и во время пребывания поездов Троцкого на фронте создавалось двоевластие, путались действия, планы, потому что Троцкий часто о своих распоряжениях и действиях не ставил в известность ни командование, ни Реввоенсовет. Особенно это было отмечено под Свияжском. Пребывание Троцкого на этом фронтовом участке буквально внесло дезорганизацию в руководство операциями. Иногда приходилось выделять специальные части, чтобы защитить Троцкого или выручать его (как это имело место, когда белогвардейцы прорвались к Казанской железной дороге и заперли поезд Троцкого). При этом Троцкий пытался и непосредственно командовать. Все это вносило путаницу на фронте, нервировало и политработников, и командование...» [8].

Довольно часто Наркомвоен отдавал приказы, содержание которых по меньшей мере кажется странным. В частности, однажды его очень удивило отсутствие потерь в личном составе бронированного поезда. Приказ последовал незамедлительно. Воспроизводим его:

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ № 13

август 1918 года.

В 10 часов вечера 10-го сего августа явился ко мне в поезд для доклада комендант бронированного поезда Попов Алексей, который на мой вопрос, при каких условиях бронированный поезд покинул Казань, ответил: «Слава Богу, ни одного убитого, ни одного раненого».

Это значит, что поезд покинул атакованный врагами революции город без боя

[6] Там же, д. 34, л. 1.
[7] Там же, л. 60.

[8] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — В 5 томах. — Изд. 2-е. — Т. 3. — М.: Политиздат, 1979. — С. 445—446.

или почти без боя. Всякий честный солдат Красной Армии должен стыдиться того, что бронированный поезд покидает позицию, не имея ни одного раненого. Комендант, который не понимает этого, негодный солдат и не может занимать ответственного поста.

Настоящим объявлено по Красной Армии, что Попов Алексей отстраняется мной от должности коменданта бронированного поезда.

Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. ТРОЦКИЙ[9].

Обратимся еще раз к воспоминаниям К. Х. Данишевского. Он писал: «Пребывание Троцкого на свияжском участке подчас становилось буквально нетерпимым: он и «командовал», и делал «вылазки», был в окружении и притягивал к себе удары белогвардейцев, которым, конечно, было бы чрезвычайно лестно захватить в плен народного комиссара по военным делам»[10].

Дело в том, что белогвардейской бригаде полковника Каппеля удалось выйти в тыл советским войскам и приблизиться к станции Свияжск, где размещался штаб 5-й армии и где находился в то время поезд Наркомвоена. Перед каппелевцами стояла задача — овладеть Свияжским мостом через Волгу и отрезать тем самым красноармейские части казанского участка фронта. Все находящиеся на станции оказались в тяжелом положении. Только благодаря смелым и решительным действиям моряков Волжской флотилии белогвардейцы были разгромлены.

В бою под Свияжском врагу был причинен большой урон. Что же касается потерь поезда Наркомвоена, то они были несравненно меньшими: во время боя под станцией Свияжск 28 августа 1918 года пропали без вести 2 человека — красноармеец 7-го Московского Советского полка и пулеметчик броневой машины поезда (оба находились в поезде с момента его формирования)[11].

Эти люди могли геройски погибнуть в бою, до конца выполнив свой воинский долг, но могли и попасть в плен или дезертировать. Тем не менее Троцкий не наказал начальника своего поезда за маленькие потери среди личного состава. Наоборот, он издал приказ, в котором сотрудники поезда поощрялись наравне с солдатами 5-й армии, шедшими под сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника в атаку с пением «Интернационала» и в конечном итоге изгнавшими из города белогвардейцев и чехословацких мятежников, одержавшими полную победу над врагом и восстановившими в Казани Советскую власть. Упомянутый же приказ Троцкого выглядел так:

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА
ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ
№ 75

12 сентября 1918 года
г. Казань.

В согласии с постановлением Военно-революционного Совета 5-й армии и изменением приказа моего от 11-го сентября с.г. за № 34 всем сотрудникам поезда Наркомвоен[а], наравне с солдатами 5-й армии выдать единовременно-месячный оклад жалования (250 рублей) в воздание за работы, выполненные в связи со взятием Казани.

Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. ТРОЦКИЙ[12].

Факт выдачи денежного вознаграждения всем без исключения сотрудникам поезда независимо от того, принимали они участие в боевых действиях или нет, вряд ли мог сыграть положительную воспитательную роль. Скорее он повлек ослабление бдительности и воинской дисциплины. Взять хотя бы такой пример. Наравне со всеми денежную премию получил и комендант поезда № 2 товарищ Чурашкин. И сразу же решил отметить взятие Казани. В результате документы поезда пополнились еще одной «важной бумагой»:

ПРИКАЗ
ПО ПОЕЗДУ НАРКОМВОЕНА
№ 38

15 сентября 1918 года

1

Тов. Чурашкина за пьянство смещаю с сего числа с должности коменданта поезда № 2, арестовываю и передаю следственной комиссии.

2

Назначаю следственную комиссию в составе тт. Чертова, Еремеева и Гейде для производства следствия по делу тов. Чурашкина.

3

Вместо смещенного тов. Чурашкина комендантом поезда № 2 назначаю тов. Опитса Яна...

Начальник поезда [Ухенберг][13].

Секретарь [подпись неразборчива].

С поездом Троцкого на фронт часто следовали деятели литературы и искусства. К примеру, в сентябре — октябре 1918 года в качестве сотрудников числились поэт Д. Бедный и один из мастеров советского политического плаката график А. Апсит.

Осенью 1918 года центр тяжести борьбы в защиту Советской власти стал смещаться с востока республики в ее южные районы. В середине октября войска генерала Краснова развернули широкое наступление против Южного фронта, нанося удары на Царицын, Камышин, Балашов, Поворино.

В это же время дважды выезжал на Южный фронт и поезд Председателя Реввоенсовета Республики. Оба раза из состава поезда выделялись отряды, которые участвовали в боевых действиях.

Первый такой отряд (его возглавлял начальник поезда В. А. Ухенберг) действовал в конце октября 1918 года на Балашовском участке фронта, где вела бои 9-я армия. В документах поезда есть сведения о том, что отряду на фронт было выдано 43 225 рублей суточных денег за

[9] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 23, л. 22.
[10] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — Т. 3. — С. 447.
[11] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 8, л. 4.
[12] Там же, ф. 4 оп. 7, д. 74, л. 40.
[13] Там же, д. 34, л. 40.

Военно-историческая миниатюра имеет родословную, уходящую корнями в глубокую древность. Фигурки воинов из бронзы, дерева или глины археологи нередко находят при раскопках. И самые древние из них, найденные в одной из гробниц в Египте, имеют возраст около четырех тысяч лет.

Военная миниатюра как игрушка получила широкое распространение только в XVIII веке, когда началось массовое производство ,,оловянных солдатиков''. Сначала фигурки были довольно примитивны, но уже во второй половине XVIII века в Германии, в Нюрнберге, сложился тот тип плоской оловянной фигурки, которая получила название ,,нюрнбергской''. Примерно в то же время во Франции появились объемные оловянные фигурки.

Во второй половине XIX века создавались уникальные образцы военно-исторической миниатюры, которые изготовлялись для различных целей по заказам царствующих дворов Европы и музеев. Выполненные в большом масштабе из различных материалов (гипс, металл, папье-маше), они со скрупулезной точностью воспроизводили детали вооружения и обмундирования различных родов войск.

В. А. МАЛЯВКИН
Гренадер Павловского полка. Россия, 1812 г.
Рядовой Изюмского гусарского полка. Россия, 1812 г.
Барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка. Россия, 1812 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА

(Первая московская выставка)

О. Н. ЛИТОВЧЕНКО
Артиллерийская упряжка с 3-фунтовой пушкой. 1711 г.

В. А. ЕВДОКИМОВ
Ландскнехтский профос. 1559 г.
Скиф. IV в. до н.э.
Спартанец-гоплит. 500 г.
Обер-офицер лейб-гвардии Гренадерского гусарского полка.1858 г.

Начало XX века стало знаменательным в судьбе ,,оловянного солдатика" Из игрушки он становится объектом собирательства. В конце пятидесятых годов во многих странах Европы стали появляться первые клубы и общества любителей военно-исторической миниатюры.

И в наши дни интерес к военно-исторической миниатюре не ослабевает. Помимо известных международных фирм подобным производством занимаются энтузиасты-любители во многих странах мира. Во Франции, Польше, Бельгии, Англии, США, Германии, Чехословакии и других государствах любители, объединенные в общества, издают журналы и каталоги, регулярно проводят национальные и международные выставки.

В последнее время широкое распространение получили фигурки, выполненные из пластических масс, технология изготовления которых с применением природных материалов позволяет создавать оригинальные произведения. Однако среди любителей осталось много приверженцев и старого доброго ,,оловянного солдатика". Что касается нашей страны, то произ-

П. Ф. КОСМОЛИНСКИЙ
Пикинеры. XVII век.

В. Н. КОННОВ
„Давай закурим!". 1943 г.

водство оловянных солдатиков нужного качества у нас так и не было налажено, а пластмассовые фигурки, которые сейчас выпускаются, к сожалению, не всегда выразительны с точки зрения униформологии.

В настоящее время советскую военно-историческую миниатюру представляют главным образом работы любителей, многие из которых являются членами Военно-исторического клуба ЦС ВООПИиК. Не делая подробного анализа творчества всех авторов, отметим лишь тех, чьи работы представляют определенную художественную ценность.

Яркой индивидуальностью обладают оловянные расписные солдатики одного из „воскресителей" этого жанра — художника П. Космолинского. Им присуща мягкая гротесковость, сочная живость. Поистине классическими, возвращающими нас в уютный XIX век, являются солдатики А. Таланова, скомпонованные в живые сценки. Столь

А. И. ТАЛАНОВ
Фрагмент сражения под Аустерлицем. 1805 г.

А. Е. БЛЕСКИН
Группа лейб-гвардии конно-гренадерского полка. 1836 г.

же притягательные работы А. Ломзина и А. Жданкина, но их манера связана не столько с оловянной, сколько с фарфоровой малой пластикой прошлого века. Тщательная проработка и точность в передаче деталей отличает модуритовую пластику А. Сомова и А. Блескина. На высоком уровне выполнены оловянные миниатюры В. Коннова и В. Балова. Многогранен талант В. Евдокимова. Его фигурки, выполненные из модурита и олова, сочетают художественную стилизацию с высокой исторической точностью. Оригинальны и близки к народной игрушке объемные фигурки, выполненные из бумаги В. Малявкиным.

Остается надеяться, что военно-историческая миниатюра получит дальнейшее развитие в нашей стране. Трудно переоценить значение этого жанра в деле исторического просвещения и патриотического воспитания.

На 1-й стр. обложки. А. С. ЧАГАДАЕВ
Ротный барабанщик Литовского мушкетерского полка. 1802 г.

В. Н. КОННОВ
Караул лейб-гвардии Преображенского полка. 1799 г.

время с 23 октября по 1 ноября 1918 года включительно.

Перед вторым выездом на Южный фронт Троцким был издан такой документ:

ПРИКАЗ
Председателя Революционного Военного Совета Республики по поезду
№ 59

15 ноября 1918 года

Наш поезд отправляется по военным делам исключительной важности. Никакой беспорядочности, неряшливости, неаккуратности со стороны работников поезда Наркомвоена я не допущу. Объявляю, что отныне суточные будут выдаваться не всем работникам, а только тем, кто добросовестно, внимательно и неутомимо будет выполнять свои обязанности. Тех же, кто будет проявлять невнимание и недобросовестность, не только буду лишать суточных, но и подвергать каре за каждое упущение. Обращаю внимание начальника поезда товарища Скуи и члена Викжедора тов. Пухова на то, что, несмотря на предупреждение за несколько дней о времени отправления поезда, он вышел со станции с запозданием в $3^1/_2$ часа, вследствие чего назначенные заранее совещания не смогут вовремя состояться.

Объявляю начальнику поезда и представителю Викжедора выговор. Одновременно обращаю внимание начальника поезда на неисправное состояние электрического освещения, несмотря на то, что при поезде имеются три электротехника, у которых было достаточно времени позаботиться об электрическом освещении поезда.

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар по Военным и Морским делам ТРОЦКИЙ[14].

Репрессивными мерами в полном объеме пользовались, естественно, и ближайшие помощники Троцкого. Поэтому реакция начальника поезда в этом случае была однозначной.

ПРИКАЗ
по поезду Наркомвоенмор[а]
№ 91

30 ноября 1918 года

1

Назначаю постоянную следственную комиссию в составе товарищей Петрова Сергея, Ушонкова и Чертова для расследования дел, возникших при поезде.

2

Заведующего электрической станцией Ефима Сухаренко за небрежное и весьма халатное отношение к служебным обязанностям предаю суду Революционного трибунала. Означенного Сухаренко исключить из списков личного состава поезда и со всех видов довольствия с 1 декабря сего года.

3

Электромонтеры электрической станции поезда: Кузьма Кузнецов, Виктор Крылов, Иван Иванов и Василий Дмитриев за небрежное и весьма халатное отношение к своим служебным обязанностям лишаются права на получение суточных денег при проезде с 1 декабря сего года (...)

Подписали:
Начальник поезда УХЕНБЕРГ
Секретарь СКУЯ
Верно: Делопроизводитель (подпись)[15].

На Южном фронте шли ожесточенные бои. Соединения и части 8, 9, 10 и 11-й армий оказывали упорное сопротивление белогвардейским армиям Краснова и Деникина. Несмотря на это, общее положение на Южном фронте ухудшилось. Войска несли большие потери.

Противник располагал опытным командным составом, умело маневрировал регулярными, сформированными в основном из офицеров и зажиточных казаков частями. Войска Южного фронта испытывали недостаток в опытных работниках, способных последовательно проводить военную политику партии. Особенно тяжелое положение сложилось в соединениях 8-й армии. Троцкий, прибыв на Южный фронт, издает следующий приказ.

Секретно

ПРИКАЗ
Председателя Революционного Военного Совета Республики по 8-й армии
№ 62

20 ноября 1918 г.
ст. Лиски

Части 8-й армии отличаются в большинстве своем крайним недостатком устойчивости. Целые полки разваливаются нередко при столкновениях с незначительными и тоже не весьма стойкими частями противника. Развал частей толкает командование 8-й армии на путь затыкания дыр свежими, едва сколоченными частями. Эти последние подвергаются той же участи, то есть разваливаются нередко при первом же боевом испытании. Положить этому конец и повысить устойчивость армии можно только системой организованных, воспитательных и **репрессивных мероприятий, проводимых сверху твердой рукой** (подчеркнуто нами.— Авт.).

Необходимо прежде всего подтянуть командный состав. Командиры частей привыкли безнаказанно нарушать боевые приказы и ссылаться в свое оправдание на желание или нежелание своих частей... Командир, у которого нет уверенности в себе и нет готовности заставить повиноваться боевому приказу, не способен вести за собой солдат и должен быть переведен в рядовые своего собственного полка... Малейшее отступление от потребностей и правил боевого порядка должно караться по законам военного времени. Попустительство лица командного состава в этих вопросах должно само подлежать суду Революционного трибунала, как одно из тягчайших преступлений... Комиссары должны помнить, что они отвечают за дух частей и за добросовестность работы командного состава. Комиссар, скрепляющий своей подписью недобросовестное донесение командира, совершает тягчайшее преступление.

...Паника, смятение, дезертирство, развал ложатся главной своей ответственностью на командный состав, а стало быть, и на комиссаров. Каждый комиссар дол-

---

[14] Там же, ф. 33988, оп. 7, д. 8, л. 27.

[15] Там же, ф. 4, оп. 7, д. 2, л. 20.

жен после всякого несчастья с его частью отдать себе ясный отчет в том, на ком лежит главная вина, донести о негодных командирах, а в случае необходимости арестовать на месте явных шкурников, которые не прочь носить в мирной обстановке звание командира, а в бою прячутся за спину своей части и толкают ее к отступлению в безопасное место. Долг комиссара добиваться через Революционный трибунал расстрела таких негодяев. Нужно железной рукой заставить командиров, а через них и всех солдат понять, что армия существует не для забавы и не для мирного препровождения времени, а для сурового дела войны, для обеспечения с оружием в руках свободы и независимости трудовой страны. Опасности, ранения, гибель представляют собой неразрывную сторону жизни воина. Бояться их, значит уничтожать всякий смысл существования армии. Нашей Красной Армии поставлена столь высокая цель, что **никакие жертвы не могут оказаться слишком высокими для ее достижения** (подчеркнуто нами. — Авт.).

В тех случаях, когда особые обстоятельства, в первую очередь виновность командного состава, побуждают трибунал условно вернуть дезертировавших или заподозренных в дезертирстве в действующие части, необходимо таких условно осужденных облачить в отличительные, **черного цвета воротники** (подчеркнуто нами. — Авт.), дабы они и их окружающие знали, что при первом новом преступлении со стороны этих условно помилованных солдат им не может быть ни милости, ни второго снисхождения...

Наряду с мерами карательными нужны меры поощрения. Комиссары и командиры должны представлять отличившихся воинов Красной Армии к подаркам, денежным наградам, знаку Красного Знамени, а более доблестные полки — к почетному знамени...

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. ТРОЦКИЙ [16].

24 ноября 1918 года Председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий подписал приказ по войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65 о необходимости ужесточения мер по борьбе с дезертирством.

ПРИКАЗ
Председателя Революционного Военного Совета Республики войскам и советским учреждениям Южного фронта № 65

24 ноября 1918 года.

1. Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

2. Всякий солдат Красной Армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

3. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

4. Во всякой прифронтовой полосе распределены заградительные отряды для ловли дезертиров. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

5. Все местные советы и комитеты бедноты обязуются со своей стороны принимать все меры к ловле дезертиров, дважды в сутки устраивая облавы: в 8 часов утра и в 8 часов вечера. Пойманных доставлять в штаб ближайшей части и в ближайший военный комиссариат.

6. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу.

7. Дома, в которых будут открыты дезертиры, будут подвергнуты сожжению.

Смерть шкурникам и предателям! Смерть дезертирам и красновским агентам!

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. ТРОЦКИЙ [17].

В ноябре 1918 года на Южном фронте поездом Председателя Реввоенсовета Республики был опять сформирован отряд для участия в боевых действиях. Его командиром был назначен начальник связи поезда Р. А. Петерсон.

25 ноября 1918 года отряд был отправлен в распоряжение члена Реввоенсовета 8-й армии И. И. Якира и до 10 декабря 1918 года участвовал в боях под Лисками Воронежской губернии. Действие отряда Л. Д. Троцкий отметил так:

ПРИКАЗ
по поезду Председателя Революционного Военного Совета Республики № 68

10 декабря 1918 года

Команда поезда Наркомвоен[а] имеет за собой боевые заслуги. В Свияжске большая часть команды мужественно сражалась против чехословаков и белогвардейцев. На Балашовском фронте команда под руководством начальника поезда товарища Ухенберга с энергией и мужеством защищала вверенные ей позиции и поддерживала дух соседних частей. Наконец, в последние дни команда под руководством тов. Петерсона с успехом выполнила данное ей ответственное задание и вызвала своим поведением восторженную оценку члена Революционного Военного Совета Воронежской армии тов. Якира.

Перед лицом всей Красной Армии выражаю команде поезда благодарность...

Председатель Революционного Военного Совета Республики Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. ТРОЦКИЙ

гор. Воронеж [18].

Публикацию подготовили ***О. В. ГОЛОВНИКОВА,*** *заместитель заведующего отделом* ***ЦГАСА;*** *подполковник* ***И. И. ВОЛКОДАЕВ***
(Продолжение следует)

[16] Там же, ф. 33988, оп. 2, д. 8, л. 30 (об).

[17] Там же, л. 33.
[18] Там же, л. 36.

ЧУЖАЯ СЛАВА

ГАЗЕТНЫЕ публикации об Иване Евстафьевиче Добробабе (Добробабине), а также передачи Центрального телевидения, рассказывающие о фронтовых подвигах и послевоенной судьбе «опального героя», всколыхнули общественность. Во все инстанции полетели сочувствующие и возмущенные отклики. Так, группа ветеранов Великой Отечественной войны и труда Алтайского края, обращаясь в Верховный Совет СССР по поводу этого дела, ссылается на газету «Правда» за 18 ноября 1988 года, где опубликована **«статья доктора исторических наук, профессора Г. Куманева»**. Ветераны возмущаются **«черствостью работников Военной коллегии Верховного суда СССР»**. Полностью поддерживают содержание **«исследований Куманева»** и требуют **«принести извинения, а также полностью реабилитировать героя-панфиловца»** с восстановлением его в звании Героя Советского Союза. **«Ведь он — наша гордость и честь...»** — пишут они.

В отношении **«нашей гордости и чести»** в предыдущей публикации мы уже многое прояснили. Постараюсь привести убедительные факты и в последующем. Немало сказано также об **«исследованиях и выводах ученого»**, и если ветераны — авторы рассматриваемого письма **«полностью поддерживают содержание»** этого **«научного исторического труда»**, то, значит, они способствуют, не ведая о том, распространению лжи Добробабы, интерпретированной Куманевым. Одному нужно приобрести чужую славу и соответствующие почести, другому — погреться в отблесках этой славы. Если это не так, то зачем предпринимается столь длительная назойливая осада «правоохранительных бастионов» с применением выдумки? Ведь ей, выдумке, распространяемой многомиллионными тиражами средствами массовой информации, в том числе такой авторитетной газетой, как «Правда», несведущие люди, как правило, честные, настроенные на милосердие и поиск истины, сами немало испытавшие в жизни, верят, не задумываясь. Подтверждением может служить письмо 11 членов совета ветеранов войны и труда Казанского производственного объединения «Теплоконтроль» во главе с Героем Советского Союза генерал-майором И. Кобяковым, направленное в редакцию «Правды», Президиум Верховного Совета СССР, Министерство обороны СССР. Его авторы также поддерживают Куманева, прося защитить Добробабу от произвола, а также **«восстановить варварски уничтоженный памятник»** и присвоить имя Добробабы **«одному из многотоннажных кораблей заграничного плавания»**.

С памятником проще: нельзя восстановить то, что не существовало в природе, что явилось плодом фантазии Ивана Евстафьевича. Уже сообщалось, что **«глубокое историческое исследование ученого Куманева»** по этому вопросу основано на богатом воображении его подзащитного, который, по словам последнего, якобы слышал от земляков о решении построить ему памятник и назвать в его честь улицу. Но затем эфемерное решение превратилось в остросюжетный **«исторический»** анекдот, описанный в «Правде» Куманевым, как реальный факт.

С присвоением же имени предателя **«одному из многотоннажных кораблей заграничного плавания»** дело усложнилось после заграничной поддержки Добробабе. Да, публикация Куманева в «Правде», где, в частности, прославлялся героизм Ивана Евстафьевича в тридцатые годы на Дальнем Востоке, нашла для него искренних защитников и за ру-

---

Окончание. См.: Военно-исторический журнал.— 1990.—№ 8.

бежом. Сошлюсь на одно из таких посланий:

«Генеральному прокурору СССР т. Сухареву Александру Яковлевичу.

Дорогой Александр Яковлевич!

Шлю Вам горячий привет из далекой Монголии. Мотивом моего письма стала статья о судьбе одного из 28 героев-панфиловцев — Добробабина Ивана Евстафьевича, опубликованная в газете «Правда» от 18 ноября 1988 года.

Вы наверняка прочитали эту четвертую страницу 323-го номера «Правды». Я истинно переживаю за судьбу солдата, который сквозь все невзгоды и унижения прошел и еще остался живым.

Вы, Александр Яковлевич, тоже солдат, участник войны, познали, что такое война.

Иван Евстафьевич воевал за нашу Монголию, был ранен в 1939 году, а в 1941 году насмерть выстоял на подступах к Москве и еще продолжал служить своей Отчизне до конца Великой Отечественной войны. Как мог [он] стать изменником Родины и лишиться высокого звания, угодить за решетку? Это могло случиться в 40—50-х годах, но в наше время об этом забывать не можем, не можем сложа руки наблюдать со стороны. Поэтому прошу Вас под особым контролем изучать уголовное дело по Добробабину И. Е., если есть возможность восстановить доброе имя советского воина.

Это нужно сделать за кратчайший срок, пока он жив (лишь бы не умер в преддверии... 50-летия победы над японскими захватчиками на Халхин-Голе), и сообщить в «Правду»...

С коммунистическим приветом Ж. Эрдэнбаатар.

1988 — XI — 23».

Так что введены в заблуждение ложью Добробабы не только его соотечественники. Нет, дорогой товарищ Эрдэнбаатар, Куманев в «Правде» излагает сущую неправду. Подвиг Добробабы на Дальнем Востоке, мягко говоря, — художественный вымысел. За Монголию кровь он не проливал, ранен не был, наград не удостаивался. Не находит документального подтверждения Ваш вывод о том, что после 1941 года он «продолжал служить своей Отчизне до конца Великой Отечественной войны» и не мог быть изменником Родины, незаслуженно был осужден. Увы, продолжительное время служил не Отчизне, а врагу, за что получил справедливое наказание. Скорее наоборот, к нему Советская власть и советское правосудие отнеслись благосклонно, значительно сократив срок заключения. Смягчающим обстоятельством послужило участие Добробабы в боях с немецко-фашистскими захватчиками, раздутое им до героизма, на самом же деле скромное, но все же — непосредственное. Причем следствие и суд учли как его фронтовую службу до сдачи в плен, так и после повторного призыва в Красную Армию в 1944 году, отмеченную боевыми наградами.

Но возвратимся к письмам. Одно из них — обращение к редакционной коллегии «Правды» «коллектива читателей», организованное Н. Ш. Атахановой. Оно содержит непреклонное требование репрессировать «повинных» в репрессии против «героя». Подписали его около 30 человек. Та же самая Атаханова завизировала «по поручению» и коллективный читательский отзыв, адресованный «редакционной коллегии газеты «Правды», Прокуратуре СССР, министру обороны СССР тов. Язову Д. Т., в Президиум Верховного Совета СССР тов. Лукьянову А. И.». Здесь тоже — сплошное негодование, гнев, призыв к восстановлению справедливости и возмещению моральных и материальных потерь, требование «мести». Атаханова «по поручению читателей» строго вопрошает: «Кто позволил издеваться над одним из лучших воинов Великой Отечественной войны?..» Создается впечатление, что авторы как этого, так и других подобных эмоциональных писем склонны поддерживать, не разобравшись глубоко в существе вопроса, любую кампанию, раздуваемую в прессе. На этот раз они горячо откликнулись на призыв Куманева и Добробабы.

Разбирая эту обильную и разнообразную почту, хватало оснований не только огорчаться. Авторы многих писем представлялись чут-

кими, честными, мудрыми людьми, стремящимися к истине и справедливости.

«В Прокуратуру СССР. Отдел реабилитации, — читаем в одном из писем.— Газеты «Правда» и «Московская правда» в своих корреспонденциях ставят вопрос о реабилитации участника боев у разъезда Дубосеково... сержанта И. Е. Добробабина. У меня и других ветеранов войны напрашивается вопрос: разве в СССР отменили закон о наказании военных преступников в годы войны с фашистской Германией? Ведь даже ООН приняла конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества, относящимся по международному праву к самым тяжким.

Если закон и конвенция действуют, то по какому закону хотят военного преступника — полицая И. Е. Добробабина реабилитировать и восстановить в звании Героя Советского Союза? Он в самые трудные и тяжелые годы борьбы с фашизмом верно служил врагам советского народа — фашистам. Вполне достаточно, что Военная коллегия Верховного суда СССР в 1955 г. снизила ему срок наказания.

Я, как участник боев за Москву в составе 16-й армии, куда входила и 316 сд, работал с архивными документами в ЦАМО [1]. Исследуя документы армии и 316 сд, пришел к убеждению, что в корреспонденции в «Правде» Г. Куманева много написано неправды, но это лежит на его совести.

Наверно, каждый честный человек поймет, если бы знал в июне 1942 г. Г. К. Жуков, что Добробабин служит у фашистов [2], то не поднялась бы его рука подписать реляцию [3], а М. И. Калинина — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Если будет Добробабину звание Героя, то это будет кощунство и осквернение погибших и живущих ветеранов Великой Отечественной войны. Тогда нужно реабилитировать предателя Власова (он тоже воевал и был даже командиром), власовцев, полицаев, служивших в зондеркомандах, и других предателей и изменников нашей Родины [4]...

Ветеран войны и партии
А. Евдокимов (Москва)».

На публикацию в «Правде» и обвинительно-защитительный очерк Куманева пришел отзыв и из села Перекоп Харьковской области, где проявлял свое «геройство» один из «лучших воинов Великой Отечественной», как величает Добробабу Атаханова. Односельчанин же нашего «героя» Клименко, обращаясь

---

[1] Центральный архив Министерства обороны СССР.

[2] Именно в июне 1942 г., по словам давнего знакомого Добробабы, земляка, одноклассника еще по начальной школе, а затем сослуживца-полицая Ахтырского, в их районе к «облаве на партизан, что объявлялись в лесу под Левендаловкой» фашисты привлекли местную полицию. В это время, с начала июня 1942 г., Добробаба уже находился на службе у оккупантов. Вместе с тем автор письма в Прокуратуру СССР, выдержки из которого цитируются выше, допускает ошибку, считая, что представление на присвоение звания Героя Советского Союза Добробабе было подписано тоже в июне 1942 г. Ниже будет сделано соответствующее уточнение.

[3] Автор письма, по всей видимости, введен в заблуждение Куманевым. Последний в известной уже публикации в «Правде» пишет, что эта «реляция», т. е. представление на звание Героя Советского Союза Добробабы, исходила от «командования панфиловской дивизии и командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова». Доктор исторических наук здесь допускает несколько неточностей. Во-первых, представление наркому обороны о присвоении звания Героя Советского Союза на всех 28 панфиловцев подписывал не только командующий войсками Западного фронта Жуков, но и член военного совета этого фронта Булганин. Во-вторых, таких представлений, т. е. от командования Западного фронта, имеется два: от 28 мая и 13 июля 1942 г. В-третьих, было еще одно, самое первое, датированное 10 мая того же года, но подписанное командующим войсками Калининского фронта генерал-полковником Коневым и членом военного совета этого же фронта корпусным комиссаром Леоновым.

[4] Бывший подчиненный И. Добробабы по службе в полиции Ф. Дереза на допросе 23 декабря 1988 г. по этому поводу сказал так: «В газете «Правда» за 18 ноября 1988 года ставится вопрос о реабилитации Добробабина, несмотря на то, что он служил в полиции и даже возглавлял куст полиции в селе Перекоп. Видимо, в связи с этим я, подчиненный Добробабину полицейский, как и остальные рядовые полицейские села Перекоп, находившиеся в подчинении Добробабина, вправе рассчитывать на свою реабилитацию».

к Генеральиому прокурору СССР, рассказывает, как издевался Добробаба во время оккупации иад его матерью — жеиой фроитовика, как унижал и ущемлял их семью, как его самого, в то время подростка, избил в поле, а затем силой отобрал корову. Бывшему завучу перекопской школы Клименко, долгие годы прививавшему ученикам любовь и уважеиие к отчему дому, семье, односельчанам, верность Родине, вообще чужды и непоиятны суждения Кумаиева и других подобиых защитников Добробабы о **реабилитацни предательства.** В своем письме Д. И. Климеико пишет: **«...ведь многие советские людн, даже попавшие в плен (Д. Карбышев, Я. Джугашвили и многне другие), с гневом отвергли предложение фашистов о сотрудничестве...»**

Но к полицейской деятельиости Добробабы мы еще вериемся, а сейчас закончим разговор о том, что служило «главиым смягчающим обстоятельством» при его осуждеиии за предательство, «главиым толчком» в неоднократных массовых кампаииях по его реабилитации. Разговор — о «геройском взводе сержанта И. Е. Добробабина» и «подвиге комаидира геройского взвода» у разъезда Дубосеково.

Как уже упоминалось в предыдущей публикации, такого взвода не существовало ни в документах, ни в бою. Точно так же, как Добробаба, вопреки утверждениям Юрковой, Мясникова, Куманева н других, плохо изучавших документы, никогда не был не только командиром взвода в 4-й роте 1075-го полка панфиловской дивизии, но и помощником командира взвода. Да и сам он на первом этапе следствия, а также до него (сороковые годы) говорил о том, что был командиром отделения. Впервые речь о взводе зашла, пожалуй, в июле 1953 года, когда в приемную тогдашнего министра обороны СССР Н. А. Булганина поступила жалоба от «посмертного — выражение автора жалобы — **Героя Советского Союза Добробабина Ивана Евстафьевнча».** В ней были такие строки: **«Вверенный мне взвод погиб 16 ноября 1941 года на разъезде Дубосеково...».** Ну а в заявлении И. Е. Добробабы заместителю председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майору юстиции М. А. Марову, датированном 21 июля 1988 года, должностная роль характеризуется уже более определенно: **«...от пенсионера Добробабина Ивана Евстафьевича... бывшего командира взвода 28 панфиловцев...»** В тексте дается следующее объяснение: **«В этих боях командование взводом фактически вверено мне — помкомвзводу. Командир взвода лейтенант Шишкин был переведен в командование ротой».**

Насколько все эти сведения сфальсифицированы, можно убедиться, если проследить всю цепочку «должностной карьеры» ходока в герои.

Распространение сообщения в печати о бое у разъезда Дубосеково началось 26 ноября 1941 года публикацией в газете «Комсомольская правда». Называлась она **«Слава бесстрашным патриотам»,** а заканчивалась подписью **«В. Чернышев»** и пометкой: **«Западный фронт, 25 ноября».** В ней шла речь о том, что на некое гвардейское подразделение **«наступало до 60 танков и несколько батальонов пехоты».** Командир **«группы гвардейцев»** насчитал несколько десятков танков, за которыми, по его прикидке, двигалась пехота численностью примерно **«до полка».** Спецкор «Комсомольской правды» называл и фамилии — лейтенанта Безвременного и старшего политрука Калачева, которые вместе с другими гвардейцами сумели приостановить вражеский навал. **«Получив основательную трепку,** — писал Чернышев, — **на этом участке обороны, противник решил взять реванш на другом участке».** После жестокой и длительной схватки, которая длилась **«весь день, всю ночь и весь следующий день»,** враг устремился на рубежи, которые занимала **«группа красноармейцев во главе с политруком Диевым».** Горсточка отчаянных храбрецов, по сообщению Чернышева, сдерживала натиск 54 танков более четырех часов.

Как видим, нет ни взвода, ни «помкомвзвода», а группа гвардейцев во главе с политруком. Правда, фамилия последнего названа не-

правильно. В последующем, видимо, для того, чтобы оправдать неточность журналиста, появилась своеобразная версня, хотя не исключено, что так было в действительности. Политрук нмел фамилню Клочков. Он слыл общительным, живым и энергичным человеком, которого боец Бондаренко «перекрестил» на свой, украинскнй, манер — «Диев», т. е. «деятельный». С тех пор якобы не только в роте, но и во всем полку Клочкова называлн Диев. Потому-то в историю из-за оплошности спецкора «Комсомольской правды» он вошел с двойной фамилней Клочков-Днев.

Сам же Чернышев допущенную им неточность, отвечая на вопросы следователя 17 апреля 1948 года, объяснял так: **«В 1941 году, в иоябре месяце... мы вместе с корреспоидентом газеты «Красиая звезда» Коротеевым выезжали иа фронт, когда бои с иемцами шли под Москвой. То, что было иаписаио потом миою в «Комсомольской правде», рассказал мие иисtруктор-ииформатор в штабе Паифиловской дивизии».** По словам Чернышева, он проверять рассказ инструктора-информатора не стал, поскольку из-за тяжелых боев пробраться к месту событий н побеседовать с нх непосредственными участникамн не представлялось возможным. Этой же ннформацией воспользовался и Коротеев. **«Я только перед отъездом в Москву,**— показывал Чернышев, — **еще раз говорил с инструктором (фамилию его ие помню) и пытался устаиовить фамилии сражавшихся с иемецкими таиками. Ои в то время иазвал мие фамилии лейтеиаита Безвремеииого, старшего политрука Калачева и политрука Диева...»**

Коротеев же в беседе со следователем, не отрицая того, что на место событий не выезжал, дал несколько иные объяснения. Он дополнил показания Чернышева следующими сведениями: **«Примерио 23—24 иоября 1941 года я вместе с воеииым корреспоидеитом газеты «Комсомольская правда» Чериышевым был в штабе 16-й армии, которой в то время комаидовал Рокоссовский. Мы личио говорили с Рокоссовским, который позиакомил нас с обстаиовкой... При выходе из штаба армии мы встретили комиссара 8-й, Паифиловской, дивизии Егорова, который рассказал также о чрезвычайио тяжелой обстаиовке, ио сообщил, что независимо от тяжелых условий боев иаши люди геройски дерутся НА ВСЕХ УЧАСТКАХ...»**

Последние слова в показаниях Коротеева выделены мною не случайно. В ннх, на мой взгляд, и заложена БОЛЬШАЯ ПРАВДА БОЛЬШОГО ПОДВИГА, сфальсифнцированная затем, счнтаю, преступно в **«героизм взвода Добробабииа»**. Массовый подвнг всей роты, всего полка, всей дивизии безответственностью не совсем добросовестных журналистов приуменьшили до масштабов мнфнческого взвода. В результате нечнстоплотный человек получил почести, которых не заслужнл, заимел «оружие», с помощью которого в течение долгнх лет третирует всех и вся, добиваясь привилегий и славы — ЧУЖИХ ПРИВИЛЕГИЙ! ЧУЖОЙ СЛАВЫ!

Но вернемся к показанням Коротеева. **«В частиости,** — сообщал военный корреспондент, — **Егоров привел пример геройского боя одиой роты с немецкими таиками... В то время вопрос шел о бое пятой роты с таиками противиика, а ие о бое 28 паифиловцев. Егоров порекомеидовал иам иаписать в газете о героическом бое роты с таиками...»**

О чем написал Чернышев в «Комсомольской правде», уже сообщалось. Днем позже появилась публикация в «Красной звезде» за подписью В. Коротеева. Называлась она **«Гвардейцы Панфилова в боях за Москву»** н давала вполне справедливую и объективную оценку массового героизма советских бойцов. **«Десять дией, ие стихая, идут жестокие бои на Западиом фронте... На могиле своего погибшего комаидира геиерал-майора Паифилова бойцы гвардейской дивизии поклялись, что будут еще крепче бить врага... Гвардейская дивизия имеии геиерал-майора Паифилова уиичтожила около 70 таиков противиика и свыше 4000 солдат и офицеров...»** Называлась здесь и 5-я рота Н-ского полка и особо отличнвшаяся

группа бойцов этой роты[5]. Но когда Коротеев возвратился в Москву, в редакцию, то допустил непростительную оплошность. Чтобы понять какую, послушаем его самого: **«По приезде вечером... я доложил редактору Ортенбергу обстановку, рассказал о бое роты с танками противника. Ортенберг меня спросил, сколько же людей было в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30—40. Я сказал также, что из этих людей двое оказались предателями... 28 ноября в «Красной звезде» была написана передовая «Завещание 28 павших героев». Я не знал, что готовилась передовая, но Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько же было людей в роте, которая сражалась с немецкими танками. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся — 28 человек, т. к. из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя и, видимо, посоветовавшись с кем-то, разрешил в передовой написать только об одном предателе... В дальнейшем я не возвращался к теме о бое роты с немецкими танками; этим делом занимался Кривицкий, который первый написал и передовую о 28 панфиловцах...»**

Оплошность Коротеева заключалась в том, что он, не побывав на месте событий, не побеседовав с непосредственными участниками боя, не располагая точными данными, к тому же спровоцированный торопливой настойчивостью Ортенберга, назвал значительно приуменьшенную цифру. Перед боем рота старшего лейтенанта Гундиловича, а речь идет именно о ней, т. е. 4-я рота, насчитывала до 140 человек, после боя в ней осталось около 30 Погибло смертью героев более 100 человек. Коротеев, сам того не зная, исключает из числа не только героев, но и активных участников боя именно эту отчаянную стойкую сотню. Для Ортенберга и Кривицкого дальнейший «творческий» процесс оказался довольно простым и безответственным делом — все свелось к «профессиональной» журналистской и редакторской технике.

Коль никому из тех, кто приуменьшил настоящий подвиг сотни (да и не только сотни!) мужественных патриотов, не удалось побывать в те дни на передовой, обращусь к показаниям непосредственных участников описываемых событий. Вот о чем рассказал следователю 10 мая 1948 года бывший командир 1075-го стрелкового полка полковник в отставке Илья Васильевич Капров: **«Формировалась дивизия в городе Алма-Ате. Примерно 50 проц. в дивизии было русских, проживавших в Средней Азии, а остальные 50 проц. были казахи, киргизы и небольшое количество узбеков. В такой же пропорции был укомплектован и полк, которым я командовал. Техникой дивизия была очень слабо насыщена, особо плохо обстояло дело с противотанковыми средствами; у меня в полку совершенно не было противотанковой артиллерии — ее заменяли старые горные пушки, а на фронте я получил несколько французских музейных пушек. Только в конце октября 1941 года на полк было получено 11 противотанковых ружей, из которых 4 ружья было передано 2-му батальону нашего полка, в составе которого была 4-я рота (командир роты Гундилович, политрук Клочков)... В первых числах октября 1941 года дивизия была переброшена под Москву и выгрузилась в г. Волоколамске, откуда походным порядком вышла на позиции в районе г. Осташево. Мой полк занял оборону (совхоз Булычево — Федосьино — Княжево). Примерно в течение 5—6 дней полк имел возможность зарыться в землю, т. к. подготовленные позиции оказались негодными и нам самим пришлось укреплять оборонительные рубежи и, по существу, все переделывать заново. Мы не успели как следует укрепить позиции, как появились немецкие танки, которые рвались к Москве. Завязались тяжелые бои с**

[5] Вместе с другими неточностями, касающимися фактов, цифр, фамилий, Коротеев и здесь ошибается — «особо отличившаяся **группа бойцов**» входила в 4-ю роту. Более точен в этом случае был Чернышев.

немецкими таиками, причем у иемцев было превосходство в силах и технике. В этих тяжелых боях вся дивизия и мой полк под иажимом превосходящих сил противиика отходили до ст[аиции] Крюково под Москвой. Отход продолжался до первых чисел декабря 1941 года...»

Эта часть показаний, вериее отдельиые конкретные детали в ней, изоблнчают Добробабу в иеточностях и откровеииой лжн, дают первое основание засомневаться в его участни в бою под Дубосеково. Когда, по словам Добробабы, Паифилов «лично ставнл ему задачу», то сказал, что «насчет окапываиня» беспокоиться ие стонт, поскольку «там все саперы сделалн». У него часто фигурнруют «хорошо сделанные окопы в полиый профиль с перекрытием нз шпал наверху», «ячейки в полиый рост, защнщеиные сверху», «глубокие траншен», а также дзоты, блиндажи, землянки н другие иинженериые сооруження, что командир полка Капров ие подтверждает. Но гораздо более разоблачнтельной по отиошеиию к противоречнвым, путаным н зачастую иеувереиным сведениям, преподносимым следствию Добробабой (еще более преувеличенным н лживым прн беседе с журиалистамн), является та часть свидетельских показаний Капрова, где речь идет непосредственно о бое 16 ноября 1941 года. Так, он сообщает, что в этот день после мощного авнацноиного налета и сильной артиллерийской подготовки немцы предпринялн первые иаступательные действия на участке 2-го батальона только в 11 часов, осиовиые же их силы обрушнлись на позицин полка спустя примерно трн-четыре часа. А что утверждает Добробаба (заодио с инм Мясииков, Кумаиев, Юркова и другие)? А вот что: **«Этим боем я руководил несколько часов — с рассвета до полудия — до того, как меня коитузило и засыпало землей».** Подводит Добробабу н «боевая бухгалтерия». Только лично ои в этом бою подбнл 5—6 танков. Правда, это если вернть ему, что делать, как уже сообщалось, весьма рискованно. Ведь иа его счету то 4 таика и 3 самоходиые артиллерийскне установкн, то 4 танка н 3 броиемашины, то «несколько танков», которые он якобы не счнтал. Ну а весь его «взвод», по словам Добробабы, только в иачале боя поджег около 10 танков, а перед тем, как ои сам «потерял созиание», Добробаба будто бы вндел, что **«вокруг иас горело 12 таиков»**. По свидетельству Капрова, на счету всего полка за этот период чнслнлось в два раза меньше подбитых таиков. Впрочем, возвратимся снова к его показаниям, чтобы представить в деталях картину боя.

«К 16 ноября 1941 г., — свидетельствовал Капров, — полк, которым я комаидовал, был иа левом флаиге дивизии и прикрывал выходы из г. Волоколамска иа Москву и железиую дорогу. 2-й батальои заиимал обороиу: пос. Ново-Никольское — пос. Петелиио и разъезд Дубосеково. Батальоиом комаидовал майор Решетииков, фамилии политрука батальоиа ие помию [6]; в батальоие было три роты: 4-я, 5-я и 6-я... Четвертой ротой комаидовал капитаи Гуидилович, политрук Клочков... Заиимала оиа оборону — Дубосеково — Петелино. В роте к 16 ноября 1941 г. было 120—140 человек. Мой комаидный пункт находился за разъездом Дубосеково у переездиой будки примерио в $1^1/_2$ км от позиции 4-й роты. Я ие помию сейчас, были ли противотаиковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всем 2-м батальоне было только 4 противотаиковых ружья. К 16 иоября дивизия готовилась к иаступательиому бою, ио иемцы иас опередили. С раниего утра 16 иоября 1941 г. иемцы сделали большой авиациоиный иалет, а затем сильиую артиллерийскую подготовку, особеиио сильио поразившую позицию 2-го батальоиа. Примерио около 11 часов иа участке батальоиа появились мелкие группы таиков противника. Всего было иа участке батальоиа 10—12 танков противиика. Сколько таиков шло иа участок 4-й роты, я ие зиаю, вернее, ие могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальоиа эта таиковая атака иемцев была отбита. В бою полк уиичтожил 5—6 иемецких таиков, и нем-

[6] Военкомом 2-го батальона был политрук Трофимов.

цы отошли... Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. На участок полка наступало свыше 50 танков, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т. к. этот участок был наиболее доступен танкам противника[7]. В течение примерно 40—45 мин танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался за железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем уцелело человек 20—25, остальные все погибли. Остальные роты пострадали меньше...»

Что и говорить, потери были значительные. Причем показания Капрова подтверждаются документально материалами ЦАМО СССР, среди которых — политдонесение комиссара 1075 сп Мухамедьярова в политотдел 316 сд (в последующем 8-я гвардейская имени Панфилова), помеченное 18 ноября 1941 года. В нем указывается, что за два предыдущих дня в ходе тяжелых боев потери полка составили: убитыми — 400 человек, ранеными — 100, без вести пропавшими (по непроверенным данным) — 600. В архиве хранится и радиограмма Капрова (дата не указана, но, сопоставляя содержание радиограммы с рассказом командира полка, можно предположить, что она составлялась 16 ноября). Из нее следовало, что 1075 сп окружен и бойцы охраняют только командный пункт полка. Имеется также политдонесение начальника политотдела 316 сд Галушко в политотдел 16-й армии за 17 ноября 1941 года, в котором сообщалось, что, несмотря на самоотверженность личного состава 1075 сп в боях, 16 ноября противника остановить не удалось, поскольку противотанковая оборона оказалась весьма слабой; при этом в полку **«пропало 2 роты»**.

«Несмотря на самоотверженность личного состава 1075 сп» и объективные причины отхода полка на новый оборонительный рубеж, что также подтверждают архивные документы, командир Капров и комиссар Мухамедьяров были привлечены за этот отход и большие потери к ответственности. Как следует из материалов, содержащихся в уголовном деле Добробабы, в частности из докладной записки старшего инструктора 4-го отдела Главного политического управления старшего батальонного комиссара Минина начальнику организационно-инструкторского отдела ГлавПУРа дивизионному комиссару Пронину (16 августа 1942 г.), и тот, и другой **«были отстранены от занимаемых должностей и восстановлены после того, когда дивизия вышла из боя и находилась на отдыхе и доукомплектовании»**. Из докладной записки становится известным и то, что **«о подвиге 28 ни в ходе боев, ни непосредственно после боя»** в полку и в дивизии особых разговоров никто не вел, подвиг этот не пропагандировался, поскольку, как уже указывалось, героизм был массовым, людей погибло много.

Анализируя изложенные выше обстоятельства, нетрудно предположить двойственную позицию командира и комиссара полка после того, как в печати стал широко обсуждаться подвиг только 28 человек, особенно во время прибытия представителей «Красной звезды» и политотдела дивизии для составления поименного списка «особой груп-

[7] Судя по многочисленным показаниям Добробабы, он к этому времени уже несколько часов должен был «лежать без памяти», присыпанный то ли землей, то ли снегом, привaленный то ли шпалами, то ли трупами, то ли раненый, то ли контуженый, то ли в окопе, ячейке, блиндаже, траншее, дзоте, то ли еще где-то. Скорее всего во время утренних вражеских авиационного и артиллерийского налетов он покинул боевые позиции, суток двое слонялся по окрестным деревням, а затем добровольно сдался в плен. Его путаные и неправдоподобные сведения убеждают: в основных событиях в тот день он не участвовал, свидетелем их не был.

пы». С одной стороны, Капров н Мухамедьяров восстановлены в должностях, так как действия полка н всей дивизии получилн более объективную оценку (ведь и противник в тех боях понес ощутимые потери — 800 человек и 15 танков), с другой — чем черт не шутит, вдруг, если станут возражать, снова последуют репрессии.

Эти мучительные раздумья довольно неприкрыто звучат в показаниях Капрова 10 мая 1948 года. **«В этот день у разъезда Дубосеково,—** показывал он, — **в составе 2-го батальоиа с иемецкими таиками дралась 4-я рота и действительио дралась героически, причем из роты погибло свыше 100 человек, а ие 28. как об этом писали впоследствии в газетах. Никто из корреспоидентов ко мие ие обращался в этот период, я иикому и иикогда ие говорил о бое 28 паифиловцев... В коице декабря 1941 г., когда дивизия была отведеиа иа формирование, ко мие в полк приехал корреспоидеит «Красиой звезды» Кривицкий вместе с представителями политотдела дивизии Галушко и Егоровым... В разговоре со мной Кривицкий заявил, что иужио, чтобы было 28 гвардейцев-панфиловцев, которые вели бой с иемецкими таиками. Я ему заявил, что с иемецкими таиками дрался весь полк и в особеииости 4-я рота 2-го батальоиа... Комиссар дивизии Егоров мие приказал выехать иа место боя 4-й роты вместе с Кривицким, Гуидиловичем и др. Я вместе с группой выехал иа место, к разъезду Дубосеково, показал место боя. Фамилии Кривицкому по памяти давал капитан Гундилович, который вел с иим разговор иа эту тему... Меия о фамилиях никто ие спрашивал. Впоследствии после длительиых уточнений фамилий только в апреле 1942 г. из штаба дивизии прислали готовые иаградиые листы и общий список 28 гвардейцев ко мие в полк для подписи...»**

Как «длительно» нн уточнялнсь списки, в них не попало множество действнтельно отличившихся бойцов. В то же время было внесено несколько случайных людей, напрнмер Д. А. Кужебергенов н И. Е. Добробаба. Первый (его тоже пытается «восстановнть в званнн Героя» Куманев, упомянувшнй о нем в уже нзвестном очерке в «Правде», а также рассказавший о трудной судьбе Кужебергенова по Центральному телевнденню еще в мае 1967 г.) сознался, что, попав в плен к немцам, в бою не участвовал, второй — претендует не только на роль «участннка боя», но и на «главного героя».

Следует закончнть и разговор о политруке Клочкове. Добробаба н в этом случае дает противоречнвые показания. Клочков, по его словам, то **«находился все время рядом со мной»**, то появнлся в окопах уже **«в ходе боя»**, то, возможио, после того, **«как я потерял сознание»**, то **«куда-то ушел»**. Место гибели политрука Добробаба тоже указывает поразному. В июле 1944 года, к прнмеру, стенографическая запнсь его рассказа запечатлела такие сведения: **«Когда бой стих, я перелез в правую траншею. Клочков лежал там убитый. Гимиастерка разорваиа и стала, как пиджак, и дыра в груди...»** Четыре года спустя, во время суда над ннм, Добробаба, отвечая на вопросы адвоката, категорично заявляет: **«Во время стенографирования моего рассказа о бое мною были правильио изложены все обстоятельства боя до моей коитузии»**. Но это не мешает ему нзлагать версию пребывання Клочкова на боевой позниин несколько поиному. **«...От траншеи до будки было метров 400...** — рассказывал он в сорок четвертом году. — **Я вышел иа крыльцо. Там лежали боеприпасы. Я взял две коробки патронов и отправился бегом. Следом прибежал Клочков. Нас обстреляли иемцы... Немцы идут иа иас плечом к плечу — идет лава. Я дал свисток (я командовал всегда свистком) стрелять в иемцев из всех видов оружия. Сам сел слева за станковый пулемет. Клочков был здесь...»** Ну а на суде вот как: **«В траншее, в которой я вел бой, иас было 28 человек, затем после второй или третьей атаки к иам пришел политрук Клочков, который и руководил боем до последней мииуты»**. Но проходит еще сорок лет, н он с той же категорнчностью заявляет, что **Клочкова в окопах не было, так как тот**

находился в отдалении от их боевой позиции, **«на командном пункте».** В бою Добробаба, дескать, его не видел, а только несколько суток спустя видел труп политрука за железнодорожной будкой (то за одной, то за другой). **«Видимо, я так прочел в газетах и в художественных книгах о роли в этом бою политрука,** — пытался он объяснить свою путаницу и «охоту» за славой Клочкова, — **поэтому и в суде так показал».**

Что ж, в этом объяснении есть немалая доля истины: как и Кужебергенов, сознавшийся в обмане, Добробаба творил легенду о своем героизме на основе многочисленных публикаций. Но настоящий героизм проявил не он, а Клочков, сражавшийся и вдохновлявший бойцов, до последнего дыхания остававшийся на поле боя. Как показала 26 марта 1948 года председатель Нелидовского сельского Совета Ирина Ивановна Смирнова, зима 1941/42 года была очень снежной, поэтому, когда в начале февраля 1942 года в Нелидово и Дубосеково приехали представители из Москвы и попросили местных жителей помочь разыскать трупы погибших, это из-за глубоких снежных заносов сделать было невозможно. Откопали только три трупа и с почестями похоронили их. **«А затем, уже в марте 1942 года,** — рассказывала Ирина Ивановна гвардии капитану юстиции Бабушкину, — **когда стало таять, воинские части к братской могиле героев-панфиловцев снесли еще три трупа, в том числе и труп политрука Клочкова, которого опознали бойцы».**

Поэтому утверждение Добробабы, что он находился на поле боя без сознания двое суток — ложь. В условиях столь суровой и снежной зимы вряд ли бы после такого испытания он остался жив. А спастись ему «помогли» уход с поля боя и сдача в плен, выжить — служба фашистам. Заметая следы первого и второго предательства, после того как в марте 1944 года снова оказался в Советской Армии, Добробаба придумывал всевозможные варианты героического пребывания в партизанских отрядах. Когда же ложь открылась, стал утверждать, что служба в полиции — маскировочная и тоже героическая. Убедительные факты заставили его сознаться в предательстве.

Куманев, по словам Добробабы, спровоцировал его написать заявление о реабилитации и восстановлении в «правах Героя», свалив всю вину на «жестокость и незаконность следствия». Тот же Куманев в газете «Правда» утверждал, что И. Е. Добробаба **«и сейчас, спустя 47 лет... помнит каждую деталь».** Сам же Иван Евстафьевич, отвергая злословия и навет на следствие сороковых годов, в частности на следователя Бабушкина, сознался, что в то время, первое послевоенное, у него была, естественно, свежее память, и события он помнил лучше. Так что нет никаких оснований отвергать обвинительное заключение 1948 года, где полицейскому, а затем и начальнику сельской полиции Добробабе вменялись в вину добровольная служба у оккупантов, участие в облавах на местных жителей и отправка их в принудительном порядке на работы в Германию, строгий контроль за соблюдением оккупационного режима, обыски в домах, конфискация в пользу германских войск имущества и продовольствия сельчан, преследование семей активистов и фронтовиков. Словом, всего не перечислить. Убедительным доказательством злодеяний фашистских оккупантов и их прислужников-полицаев в селе Перекоп, что на Харьковщине, может служить следующий документ:

«СПРАВКА

Настоящим Перекопский с[ельский] сов[ет] удостоверяет, что за период немецкой оккупации села Перекоп с октября 1941 года по сентябрь 1943 года немецкими оккупантами и оказавшими им содействие и помощь старостами и местной сельской полицией было:

1) угнано молодежи в Германию на каторжные работы — 170 человек;

2) угнано скота — до 100 голов;

3) сожжено... 120 домов колхозников...

5/II — 1948 г.»

В ходе нового расследования, проводимого Главной военной про-

куратурой, глубоко и всесторонне изучены все обстоятельства дела И. Е. Добробабы. Только на 31 декабря 1988 года было установлено и допрошено 57 свидетелей, знавших этого героя газетных очерков и телевизионных передач по периоду его службы в полиции. Проведены многочисленные очные ставки. Изучены дополнительные архивные материалы. Итоги кропотливой работы заключены в словах самого Добробабы, сказанных им на допросе 27 декабря 1988 года: **«Да, в полицию села Перекоп в 1942 году я поступил добровольно. Понимаю, что совершил самую большую ошибку в своей жизни».** Спустя два дня к этому признанию он добавил другое: **«Я понимаю, что в 1942 году я совершил преступление перед Родиной, поступив на службу к немецким оккупантам, что в 1948 году БЫЛ ПРАВИЛЬНО ОСУЖДЕН ЗА СВОЮ ПОСОБНИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ».**

Думается, что сам искатель чужой славы дал исчерпывающий ответ всем своим вольным или невольным защитникам.

Судьба предателя Добробабы поучительна. Он, как и все ему подобные, в решающие для Родины дни промахнулся! Рассчитывал: конец Советскому Союзу, конец коммунистам. Но как все обернулось?.. У тех, кого он ненавидел и предавал, вынужден сегодня вырывать кусочек хоть каких-то привилегий. И потому, наверное, еще сильнее ненавидеть. Как оказалось, в его более чем сорокалетней давности раскаянии не было никакой искренности. Выходит — не раскаялся, а лишь затаился и все эти четыре десятилетия истачивал неудовлетворенной ненавистью. Но это всецело относится, так сказать, к «обычному» предательству. Случай же с Добробабой — уникальный. Ведь «геройство»-то его — официальное. Кроме того, он, по всей видимости, уловил в наших переменах и что-то такое, что позволяет деформировать в общественном сознании понятия добра и зла, истинную суть предательства и низких поступков подменять «общечеловеческими» критериями, рассуждениями о «демократии» и «гуманизме». Подталкиваемый безответственными исследователями типа Куманева, Добробаба безбоязненно включился в гласную борьбу против закона и правды. И все же хочется надеяться, что подобные ему борцы рано уверовали в праздник на улице предателей. Поддерживая моду на антикоммунизм и антипатриотизм, на массовое антисоветское злословие, они поторопились торжествовать. Но коль так открыто и дерзко поднимают головы Добробабы, то здоровым силам в стране тоже есть над чем подумать. Нет, это вовсе не значит, что нужно запугивать инакомыслящих и прибегать к репрессиям. Необходимо соблюдать законы народной Советской власти. Необходимо отстаивать правду и давать отпор тем, кто на нее покушается. Необходимо, наконец, ответить на злободневный вопрос: почему наше общество вдруг стало (по мнению Добробабы) пригодным по нравственному состоянию для возведения в ранг героев бывших полицаев, эсэсовцев, власовцев и многих других антикоммунистов и антисоветчиков, подбираемых на свалке истории представителями современного «нового» мира?

Генерал-лейтенант юстиции
А. Ф. КАТУСЕВ

Развернутая в стране безответственная и постыдная травля всего военного — явление опасное, так как разлагает и отравляет сознание того самого молодого поколения, которому партия доверяет будущее нашей перестройки. В этой кампании участвует большое число радио- и тележурналистов, публицистов и писателей в толстых и тонких журналах и газетах. Заглавную роль в этом спектакле, мне кажется, играет журнал «Огонек». Волна тенденциозных, негативных материалов хлынула со страниц этого массового еженедельного журнала в последние месяцы. Даже ко Дню Советской Армии у журнала не нашлось добрых, теплых слов для наших воинов, кроме как опубликовать статью Н. Андреева «Обыкновенный рашизм».

Н. И. БИНЕЦКИЙ, инженер (Хабаровск)

Вы безнравственны!

Учитывая пристрастие и глубокую осведомленность в юриспруденции и уголовных делах нашего оппонента — собкора «Литературной газеты» по Украинской ССР Сергея Киселева, мы его сразу предупреждаем, что отношение к этому обличительному заголовку имеет только редакция. Автор же письма, которое публикуется ниже, генерал-майор юстиции В. Васильев, если и считает С. Киселева таковым, имея на то довольно веские основания, все же проявил соответствующую своему положению сдержанность.

Дорогая редакция!

Прошу предоставить возможность ответить со страниц «Военно-исторического журнала» на не совсем тактичное и поверхностное обвинение, выдвинутое против меня «Литературной газетой» (27 июня 1990 г.), в частности ее собкором Сергеем Киселевым.

Дело в том, что в № 4 «Военно-исторического журнала» за нынешний год была помещена моя статья «Противостояние». На странице 77 в одном из редакционных примечаний есть такие строки: «Похоже, **что подобные попытки сведения счетов, приписываемые в данном случае «военным оппонентам»,— это скорее всего фирменный метод «Литературной газеты», щедро предоставляющей свои полосы Е. А. Евтушенко для его произнесенных и непроизнесенных речей, а также другим авторам, обуянным местью за критику. Так, в одном из январских номеров органа Союза писателей СССР был помещен донос (по-иному не назовешь эту публикацию) руководству партии и страны на «Военно-исторический журнал», осмелившийся устами писателя В. С. Бушина критиковать академика А. Д. Сахарова и других».** Но при чем здесь Киселев? Фамилии его здесь не упоминаю...

Хотя, погодите, возможно, в этом и вся соль, что не упоминаю? Может быть, вот на это замалчивание и обиделся человек? Ведь именно он, Киселев, являлся автором того самого «доноса», который опубликовала «Литературная газета» в одном из своих январских номеров (31 января 1990 г.). Заявить об этом откровенно смелости, видимо, не хватило. И правда, ну как можно признаться во всеуслышание, что негодование исходит всего-навсего от замалчивания фамилии? Да и не скажешь ведь: «Люди! Это я автор доноса на возмущающий меня журнал. Это я — доносчик!..»

Чтобы удовлетворить мстительный зуд, Киселев прибегнул к интриганскому методу — стал выискивать в моем тексте различные зацепки. Одна из них прикрывается ссылкой на «глубокую исследовательскую» работу. Правда, автора доноса не смущает, что все его потуги свелись лишь к многообещающему заголовку — **«Кто же предал «Молодую гвардию!»** По мнению Киселева, ответ давать не обязательно. Главное — поставить вопрос и прокричать или прошептать всевозможные намеки.

Под особую опеку он берет Ольгу Александровну Лядскую — **«одного из действующих лиц фадеевского романа»**, драматическая судьба которой его волнует чрезвычайно. То, что в этом романе большинство остальных судеб трагичны, это, дескать, дело десятое. Да и Лядская для Киселева, создается впечатление, скорее всего повод для удовлетворения личных амбиций.

Пространно, с претензией на знатока и хранителя законов, он рассуждает о праве и правах. Вместе с тем нарушает самые элементарные нормы и правила, за что если и не длительного срока, то пятнадцати суток вполне заслуживает. Скажем, Лядская доверительно, как человеку, проявившему к ней близкое участие, открыла ему то, в чем не призналась, по ее словам, следствию, взвалив на себя из-за этого непризнания выдвинутое против нее обвинение. Открыла то, что не всегда доверишь даже отцу с матерью. Киселев же, пылая благородным гневом к жестокому правосудию, поведал об этом горьком, не высказанном ранее никому позоре всему свету.

Нечто подобное сотворил Евтушенко в стихотворении **«Две дикторши»**. Не могу судить о том, что побудило Евгения Александровича целых тринадцать лет (1956—1969 гг.) сочинять этот тридцатишестистрочечный поэтический пасквиль. Может, долго не решался предавать гласности закулисную жизнь двух известных дикторш Центрального телевидения. Узнать-то их можно и без всякой догадки (это Киселеву пришлось догадываться, кого я имел в виду, поскольку фамилию Лядской не называл да и сейчас не подтверждаю «прозорливость» собственного корреспондента писательской газеты). Поэт называет их по именам, которые на слуху, считайте, у всей страны. Возможно, он испытывал неловкость, отвечая неблагодарностью на оказанное доверие и гостеприимство двух популярных, но, по мнению Евтушенко, не совсем счастливых женщин, чьи **«лица ...размалеваны»**, а они сами и без того **«в сплетнях... растрезвонены»**. Не исключено, что поэт и его стихотворный герой

(тоже поэт, но пока еще «зелененький, пока еще не размильонениый» и «жаждущий этого так, что дикторши с горькой иронией ему наливают коньяк») ждали своего часа зрелости и «размильонства», когда стыд за распространение сплетен, с одной стороны, считается предрассудком, а с другой — своеобразным бизнесом.

Как бы там ни было, но, созревши и обнаглевши, поэт всему экранному (и заэкранному!) свету сообщает о том, что **«нервные, деловитые, накрывши стол коекак, две дикторши телевидения сидели и пили коньяк»**. Тут важно, по мнению автора поэтического пасквиля, сообщить все детали, всю подноготную дикторш застойного времени, все то, что затем будут смаковать и в магазинах, и на рынках, и у подъездов. Потому-то талантливо и смело рифмуется информация о том, что **«коньяк был плохой, тираспольский — хуже куда уж быть!»**, что **«пили они, будьте ласковы,— геологам так бы пить»**. Еще о том, что у первой — **«на Сретенке, окошко… не светится»**, поскольку **«мертвенно там и холосто»**, ну а вторая — **«вроде счастливей»**, так как **«любит мужа и мальчика»**. Дальше мы узнаем, что и второй дикторше тоже завидовать нечему. Разве станет счастливая жена и мать вот так запросто, в укор геологам, хлестать дрянной коньяк, а потом, когда **«кавалеры вытурены, и все сигреты выкурены»**, когда останутся на беду дикторш **«только лимон зелененький и только поэт зелененький»**, ублажать нечаянного и, как окажется затем, неблагодарного соглядатая теневой стороны **«собственной популярности»**! Разве назовешь счастливой женщину, что бредет с работы домой **«усталая, какая-то старая-старая»** да такая, что **«кто-то узнал, переглядывается»**!

Вот и Киселев тем же дурно пахнущим дегтем выписал на «воротах» подзащитной «Литгазеты» свое имя. Есть такой тип «художников» и «писателей», ставящих свои автографы везде и всюду. Для них неважно где: то ли это святыня, то ли отхожее место. Лишь бы все видели и знали, что **«здесь был Серж»** или что на свете есть не кто-нибудь, а **«Женя со станции Зима»**.

Сергей Киселев обвиняет «Военно-исторический журнал» и автора «Противостояния», то есть меня, в извращении фактов и оскорблении Ольги Александровны Лядской. Ссылаясь на юридические нормы, он пишет: **«…помните, я просил обратить внимание на эту дату — 16 марта 1990 года, когда военный трибунал Московского военного округа вынес определение о полной реабилитации Ольги Александровны! А теперь предлагаю открыть апрельский номер «Военно-исторического журнала» за 1990 год…»** Но такая моя реакция на пересмотр дела Лядской, «вскрытая» Киселевым, вполне правомерна и не столько обвиняет меня, сколько оправдывает. Поступи я иначе, то есть высказывай публично свою точку зрения в ходе рассмотрения вопроса о реабилитации Ольги Александровны, эти мои действия могли быть оценены как попытка оказать давление на принятие окончательного решения. Так что, вводя в заблуждение читателей «Литературной газеты», Киселев неверно трактует законы и подталкивает легковерных на не совсем честный путь. Кроме того, кому-кому, как не всезнающему Киселеву, должно быть известно, что для ежемесячного журнала «16 марта — начало апреля» составляет ничтожно малый срок, если учесть, что каждый номер готовится как минимум три месяца. Когда определялась «полная реабилитация» Ольги Александровны, апрельский номер журнала уже был готов к выходу в свет, а статья писалась почти за полгода до того. Это во-первых. Во-вторых, в статье я не выступал как юридическое лицо и, естественно, имел право на свое личное мнение. Я и сейчас считаю на основе материалов дела, что виновность О. А. Лядской нужно отрицать не с точки зрения отсутствия состава преступления, а, по крайней мере, за его недоказанностью. Ну а в-третьих, и это самое главное, ни я, ни журнал, как уже говорилось, не называли фамилию Лядской. И автор, и редакция посчитали бы такую огласку, если бы даже и имели в виду Ольгу Александровну, противоречащей не только нравственным, но и юридическим нормам.

Но на чем строит свои догадки Киселев, беззастенчиво обнажая непростое прошлое подзащитной? На том, что ей, как и безымянной особе, упоминавшейся «Военно-историческим журналом», тоже было 17 лет? На том, что и ее судьба растоптана немецким прислужником Захаровым? И это все?.. Да таких, как Лядская, как безымянная девушка, Захаров имел не одну, не две, не три. К тому же предположения Киселева строятся на беседах с самой Лядской да еще получасовом разговоре с одним из работников Главной военной прокуратуры (кстати, между сотрудниками этой организации Киселев пытается вбить интриганский клин). Дела Киселев и не изучал, и не видел. А если бы видел, листал, то смог бы убедиться, что для того же Захарова оказалось бы весьма сложно содержать в полицейском участке семнадцатилетнюю девушку **«лишь для одного»** в течение десяти дней. Этого не мог позволить себе даже более влиятельный полицейский чин. Так, на очной ставке между предателями Стаценковым и Орловым 14 ноября 1947 года первый рассказал о втором следующее. В ноябре 1942 года одна из женщин пожаловалась, что Орлов предложил ей зайти в полицию за конфискованными вещами и там ее изнасиловал, не возвратив имущества. Начальник жандармерии Ренвтус, как ни ценил Орлова за преданность властям и жестокую исполнительность, отстранил его от работы. Правда, вскоре нашел ему должность начальника районной полиции в Ровеньках, но из Краснодона удалил. Ну а Захаров, безусловно, поступи он с Лядской так, как это излагает Киселев, за подобную вольность подвергся бы более серьезному наказанию. Немцы не позволяли своим «сторожевым псам» кусать людей для собственного удовольствия. Они и их держали в страхе и повиновении. Кроме того, старались убедить народ в своей «лояльности и справедливости», нередко даже устраивая суды над пособниками, «допускавшими беззаконие».

Так что Захаров мог содержать Лядскую в кабинете не только для своих личных нужд. В том убеждает и сам факт освобождения Лядской. В то время, когда причастные и непричастные к подполью узники жестоко уничтожаются, когда устраняются свидетели преступной расправы над патриотами, Захаров персонально проводит свою много знающую «наложницу» через полицейские посты на волю. Об этом сама пострадавшая рассказала Киселеву, а тот — читателям «Литературной газеты».

Нет, не все так просто в истории с Лядской, в чем пытается убедить нас Киселев. Но чтобы не превратиться в его соучастника в дальнейшем ославлении и без того несчастной женщины, я не стану приводить компрометирующие Ольгу Александровну факты.

Да, Лядской можно посочувствовать. Мне, с малолетства оставшемуся без отца, отнятого войной, довелось немало хлебнуть лиха. Поэтому чужая боль и чужое горе мне никогда не безразличны. О подобных чувствах спросите любого, кто познал сиротство. Но задайте и другой вопрос тем, кто лишился в войну родных и близких, а именно: как они воспримут пожелание Киселева видеть в экспозиции музея города Краснодона справку о реабилитации Лядской? Не думаю, что такое безответственное, если не провокационное заявление будет встречено с пониманием и благодарностью.

Мне кажется, что мы порой слишком легковерны и даже больше — беспринципны в своей поверхностной жалости. Мы зачастую не только одариваем безвинных и виноватых единой мерой сострадания, но, парадокс, последним почему-то отдаем предпочтение. Более того, явных врагов оправдываем в ущерб добрым именам истинных патриотов и героев. И не потому ли только в Западной Германии, как свидетельствовал о том в одном из своих последних номеров за 1983 год журнал «Штерн», из 88 587 дел военных нацистских преступников 80 355 были закрыты без вынесения приговора? Очень уж поучительная статистика. Она убедительно говорит и о том, что, как правило, подобные благотворительные деяния нам «подсказывают» из-за рубежа. Приведу пример с другим Киселевым, издавшим провокационную и лжепатриотическую книгу в Нью-Йорке и широко пропагандируемую ныне в нашей стране. Автор — протоиерей Александр, бывший власовец, всячески поносит Советскую власть и большевиков, возводя в ранг национальных и «космических» героев Власова и его воинство.

Вот почему, когда я раздумывал над тяжелой участью Лядской, сочувствуя ей, все же более явственно слышал другие голоса. Их подавали из небытия замученные и погубленные фашистами и их пособниками герои — мальчишки и девчонки, которые в трудный для Родины час не замкнулись в своем мирке, стремясь только выжить, не льстили, не прислуживали, не пособничали, а вели в меру своих сил и возможностей борьбу с врагом. Они личным мужеством и патриотизмом подавали пример и многим взрослым. Они были укором дрогнувшим и предававшим, а потому уничтожавшим юных героев. Нет, сострадание к ним я не могу заменить иным состраданием. Их памяти изменить невозможно.

Генерал-майор юстиции
В. И. ВАСИЛЬЕВ

READ IN THIS ISSUE:

LESEN SIE IN DIESEM HEFT:

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Русско-японская война 1904—1905 гг. В БОЕВЫХ НАГРАДАХ

ТЕМА, ВЫНЕСЕННАЯ В ЗАГОЛОВОК НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬИ, ПРАКТИЧЕСКИ НЕ РАЗРАБАТЫВАЛАСЬ СЕРЬЕЗНО НЕ ТОЛЬКО В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ, НО И В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. БОЛЬШИНСТВО СВЕДЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЗДЕСЬ, ПОЧЕРПНУТО ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ДО СЕГО ВРЕМЕНИ МАЛОИЗВЕСТНО ДАЖЕ СПЕЦИАЛИСТАМ.

К НАЧАЛУ войны с Японией в России существовала достаточно развитая наградная система. В нее входили следующие основные виды индивидуальных знаков отличия; ордена, Знак отличия Военного ордена (солдатский Георгиевский крест), медали, наградное оружие. Кроме этого, наградой отличившемуся могли стать досрочное присвоение очередного чина, перевод из армейских частей в гвардию, монаршее «благоволение» и ряд других видов поощрения [1].

Орденов в то время в России было семь[2]: высшая награда империи — орден Св. Андрея Первозванного, следующие за ним по важности ордена Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира (четыре степени), Св. Анны (четыре степени), Св. Станислава (три степени). Седьмой орден — Св. Георгия (четыре степени) — в эту иерархию не входил, считался почетнейшей боевой наградой и жаловался независимо от наличия у отличившегося других знаков отличия (генерал, имевший все самые высокие ордена империи, включая Андрея Первозванного, мог не иметь даже 4-й степени ордена Георгия, и, наоборот, младший офицер за особую храбрость и воинское умение в первом же бою мог заслужить этот крестик белой эмали, о котором мечтал каждый командир).

За подвиги в боевой обстановке к знакам орденов добавлялись скрещенные мечи (орден Св. Георгия, как чисто боевая награда, мечей не имел). Были такие случаи, когда уже имевший какой-то орден без мечей, проявивший себя в сражении, получал право на получение мечей к этому же ордену. Это считалось самостоятельной наградой. Например, в личном формуляре отдельными строчками могло быть написано: «Орден Св. Владимира 4-й степени» и несколько позже: «Мечи к имеющемуся ордену Св. Владимира». Золотое оружие «За храбрость» (украшенное бриллиантами — генералам, без драгоценных украшений — офицерам) приравнивалось к орденским отличиям, и его кавалеры включались в общий кавалерский список Капитула орденов.

* * *

К 1 октября 1905 года за отличия в период войны с японцами (война завершилась Портсмутским мирным договором 23 августа 1905 г.) ордена были выданы, включая и наградное оружие, 14 886 раз[3]. По отчетам наградного отделения Управления дежурного генерала при Главнокомандующем, в числе этих наград имелись все, за исключением ордена Св. Андрея Первозванного. Сведения о количестве наград, орденов, врученных офицерам и генералам русской армии, приведены в табл. 1.

Золотое оружие «За храбрость», украшенное бриллиантами, было вручено четырем генералам, без украшений — 406 офицерам. Впрочем, слово «вручено», когда речь идет о наградном оружии, не всегда верно отражает ситуацию. Дело в том, что генеральское оружие получали, как правило, люди относительно богатые, офицерские же наградные шпаги и сабли доставались воинам, чьим главным источником существования было часто лишь жалованье.

[1] Кроме индивидуальных наград в русской армии существовали коллективные: наградные знамена, трубы, особые знаки на головные уборы и мундиры, присваивавшиеся всем чинам отличившихся частей, а также ряд других поощрений. Коллективные награды в настоящей статье не рассматриваются.

[2] Орден Св. Екатерины давался исключительно дамам, и, естественно, в настоящей статье он не рассматривается.

[3] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 29474, лл. 1—3 6 об.

Таблица 1

Степени и кол-во	Ордена				
	Александра Невского	Белого Орла	Владимира	Святой Анны	Святого Станислава
I	—	—	—	60[1]	68[1]
II	—	—	23[1]	877[1]	1520[1]
III	—	—	92[1]	2618[1]	5006[1]
IV	—	—	1231[1]	2739[1]	—
С мечами	2	7	1106	4890	3392
Без мечей	—	4[2]	240	1404	3202
Мечи к имеющемуся ордену	1	—	30	119	4
Бриллиантовые украшения с мечами	1	—	—	—	—
Бриллиантовые украшения без мечей к имеющемуся ордену	1	—	—	—	—
Всего:	5	11	1376	6413	6598

[1] Общее количество орденов с мечами и без мечей.
[2] Получение ордена без мечей не всегда означало чисто гражданские заслуги, н такой награде мог быть представлен генерал или офицер за успешную деятельность во время войны, не связанную непосредственно с боевыми действиями.

Не случайно поэтому еще со времени русско-турецкой войны 1877—1878 гг. почти все отмеченные Золотым оружием, судя по архивным документам, получали вместо него деньги, соответствующие его стоимости[4]. Причина здесь не только в нежелании казны брать на себя лишние заботы по изготовлению наград, но и в том, что большинство награжденных об этом просило[5]. Получив деньги-компенсацию, можно было заказать не золотое в буквальном смысле этого слова оружие, а лишь с позолоченным эфесом и вырезанной на эфесе надписью: «За храбрость» (операция, называющаяся в документах «отделкой оружия на манер золотого», стоила 4 руб. 50 коп.), распорядившись оставшейся суммой по своему усмотрению. Грамота же, удостоверяющая, что ее владелец является кавалером Золотого оружия, высылалась бесплатно.

Число 14 886 награждений орденами не отражает общего количества отмеченных за войну с Японией. Как это обычно бывает, выдача заслуженных знаков отличия продолжалась и позднее.

Особо следует сказать об исключительно редкой и почетной награде, которой являлся орден Св. Георгия. Замечу, что, например, за первые сто лет существования награды лишь 2239 офицеров и генералов были отмечены низшей, 4-й степенью ордена за боевые отличия[6]. И никогда до войны с Японией не было случая, чтобы все офицеры, участвовавшие в том или ином сражении, были представлены к этому знаку отличия. Впервые это произошло в 1904 году, после знаменитого боя «Варяга» и «Корейца» с целой вражеской эскадрой при Чемульпо 27 января. Даже корабельный священник «Варяга» Михаил Руднев, однофамилец командира, получил золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, свидетельствующий, что это не просто обозначение сана, а боевой знак отличия[7].

Всего к 1 октября 1905 года орден Св. Георгия 4-й степени заслужили 73 человека. В дальнейшем это число выросло до 256. Кроме того, десять раз за японскую кампанию был выдан орден Св. Георгия

[4] Например, с апреля 1877 по декабрь 1881 г. деньги вместо награды получили 677 офицеров, практически все отмеченные Золотым оружием в этот период (ЦГИА СССР, ф. 496, оп. 2, д. 1807, лл. 1—9 об.).

[5] В числе просивших денежную компенсацию вместо Золотой морской сабли «За храбрость» был и лейтенант Степан Макаров 3-й — будущий знаменитый адмирал, награжденный за отличия в 1877 г. (ЦГА ВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 5612, лл. 11—12).

[6] Остальные из более десяти тысяч награжденных за этот период орденом 4-й степени получили его за выслугу лет в офицерских чинах (см.: Степанов В. С. и Григорович Н. И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Св. Георгия (1769—1869). — СПб., 1869).

[7] Впервые наперсный крест на Георгиевской ленте получил за штурм Измаила в 1790 г. священник Полоцкого пехотного полка Т. Е. Куцинский (А. В. Суворов. Письма. — М.: Наука, 1986. — С. 611). В дальнейшем эта награда стала обычной для священнослужителей, исполнявших свои обязанности на поле боя.

Таблица 2

Воинские звания и чины	Категории	
	Военнослужащие	Чиновники (врачи, интенданты и т. д.)
Полный генерал	—	
Генерал-лейтенант	10 *	
Генерал-майор	30 *	
Полковник	164 *	
Подполковник (войсковой старшина)	263 *	
Капитан (ротмистр, есаул)	243	
Штабс-капитан (штабс-ротмистр, подъесаул)	206	
Поручик (сотник)	73	
Подпоручик (кавалерийский корнет, казачий хорунжий)	93	
Прапорщик	391	
Надворный советник и выше		25 *
От коллежского регистратора до коллежского асессора		96
Всего:	1 473	121

* Повышение этой категории военнослужащих и чиновников проводилось от имени императора, остальным — от имени главнокомандующего.

более высокой, 3-й степени. Вторую и тем более первую степень за 1904—1905 гг. не получил никто.

Важной наградой в дореволюционной России было досрочное присвоение за отличия следующего чина. Сведения об этом приведены в табл. 2.

Все виды награждений, о которых мы до сих пор говорили, предназначались лишь офицерам и соответствующим им гражданским чиновникам. Рядовым же участникам войны, солдатам и унтер-офицерам полагались Знаки отличия Военного ордена (получившего позднее, в 1913 году, официальное название Георгиевского креста) четырех степеней[8] и различные медали.

В связи с началом войны с Японией первыми кавалерами Знака отличия Военного ордена стали около 700 матросов «Варяга» и «Корейца».

Всего до 1 октября 1905 года в распоряжении Главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке было выслано 63 065 крестов, из них 505 Знаков отличия 1-й степени, 865 — 2-й, 8685 — 3-й и 53 010 — 4-й степени. Причем лицам, исповедующим нехристианскую религию (ислам, иудаизм), предназначались в награду кресты, на которых в знак уважения их религиозных чувств изображение Св. Георгия на коне и его вензель были заменены государственным двуглавым орлом.

Медали с надписью: «За храбрость», носившиеся на Георгиевских лентах, существовали в нескольких видах: четыре степени (две первые — золотые, третья и четвертая — серебряные) для награждения нижних чинов пограничной стражи за отличия при несении службы. Они имели порядковые номера отдельно для каждой степени, как и Знаки отличия Военного ордена. Кроме того, имелись такие же медали, но без номеров, золотые и серебряные, двух размеров — для ношения на шее (большие) и на груди (малые), также на Георгиевской ленте. Они предназначались для награды за военные отличия воинов иррегулярных войск, а также лиц, не имеющих воинского звания, главным образом медицинских сестер.

Безномерных медалей «За храбрость» было роздано до 1 октября 1905 года: серебряных нагрудных (малых) — 538 штук, золотых нагрудных (также малых) — 34[9].

Присланы были в действующую армию и медали с надписью «За усердие» — также золотые и серебряные — для ношения на шее (большие) и на груди (малые). Кроме размеров и металла медали различались и по ленте, на которой они выдавались. Так, самой «младшей» лентой, на которой могла быть выдана медаль «За усердие», считалась Станиславская (ордена Св. Станислава), затем следовала лента ордена Св. Анны, далее — Св. Владимира, Александра Невского и, наконец, самая почетная — лента ордена Св. Андрея Пер-

[8] О Георгиевских крестах см.: Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2, а также статью: В. А. Дуров. Георгиевские награды // Советский коллекционер. — № 20.— М., 1982 — С. 83—93.

[9] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 29474, л. 18—19.

вованного. Теоретически нижний чин мог заслужить до полутора десятков вариантов наградной медали «За усердие», начиная с серебряной малой на Станиславской ленте до большой золотой на ленте ордена Св. Андрея Первозванного[10].

В армию было прислано множество этих знаков отличия — 3400 медалей. В их числе 2900 серебряных малых, 100 серебряных больших и соответственно 300 и 100 малых и больших золотых наград с надписью: «За усердие». Предназначались они главным образом для награждения за отличия небоевого характера и ценились ниже, нежели медаль «За храбрость».

Учреждены были и награды, относящиеся исключительно к отдельным боям и событиям русско-японской войны. Первой из них по времени учреждения стала особая медаль участников боя «Варяга» и «Корейца». Уже 10 апреля 1904 года Николай II одобрил проект этой медали, предназначавшейся всем нижним чинам экипажей кораблей-героев. Автором рисунка медали стал известный отечественный художник-медальер А. Ф. Васютинский. На лицевой стороне награды, которая должна была чеканиться из серебра, в центре лаврового венка изображался Знак отличия Военного ордена. По кругу шла надпись: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 янв. 1904 г. — Чемульпо». На другой стороне изображены идущие полным ходом навстречу врагу (дым из труб стелется почти горизонтально) героические русские корабли. Лента для ношения этой награды предполагалась необычная — цветов российского военно-морского Андреевского флага: косой синий крест на белом поле. Ни до этого, ни позже такая лента в отечественной наградной системе не использовалась.

В самом начале 1906 года официально учреждается медаль для всех участников войны с Японией. Но слух о том, что готовится новая награда, появился раньше.

Мнение общественности разделилось: некоторые считали неправильным лишний раз вспоминать о недавнем поражении, как, например, автор статьи «Медальный вопрос» в № 296 за 1905 год ежедневной газеты «Слово», писавший, что «позорную» войну стыдно увековечивать медалью. Другие же полагали, как писал в письме, направленном в Главный штаб, некий К. А. Перро-Жанин, что «нет ничего позорного увековечить память этим старым страстотерпцам о всех тех ужасах и подвигах, которые они в течение 18 месяцев совершали во имя своей Родины»[11].

Судя по архивным документам, вопрос об учреждении медали за 1904 — 1905 гг. и о внешнем виде будущей награды был решен на самом высоком уровне уже в начале 1906 года. Тогда же утверждались рисунок и легенда медали. Материалы архивов, связанные с утверждением медали за войну с Японией, позволяют развеять один из мифов, довольно прочно укрепившийся в отечественной литературе по наградам...

В широко известной книге «Пятьдесят лет в строю» ее автор А. А. Игнатьев излагает свою версию возникновения медальной легенды, даже в этом частном эпизоде демонстрируя свое несколько неубедительное фрондерство. Забегая несколько вперед, скажем, что надпись на «японской» медали была утверждена следующая: «Да вознесет вас господь в свое время».

— В какое время? Когда? — попробовал я спросить своих коллег по Генеральному штабу.

— Ну что ты ко всему придираешься?— отвечали мне одни. Другие, более осведомленные, советовали помалкивать, рассказав «по секрету», до чего могут довести услужливые не по разуму канцеляристы. Мир с японцами еще не был заключен, а главный штаб уже составил доклад на «высочайшее имя» о необходимости создать для участников маньчжурской войны особую медаль. Царь, видимо, колебался и против предложенной надписи: «Да вознесет вас господь» написал карандашом на полях бумаги: «В свое время доложить».

Когда потребовалось передать надпись для чеканки, то слова «в свое время», случайно пришедшиеся как раз против строчки с текстом надписи, присоединились к ней»[12].

[10] Золотая и серебряная нагрудные медали могли носиться на двух лентах: Станиславской либо Анненской. Серебряные шейные медали давались на четырех лентах в порядке повышения значения — Станиславской, Анненской, Владимирской и Александровской. Золотые шейные медали имели уже пять разных лент, самой высокой по значению из которых была голубая ордена Св. Андрея Первозванного.

В Положении о награждении медалями «За усердие» существовал такой пункт: имеющий Знак отличия Военного ордена 4-й степени мог представляться сразу к золотой нагрудной медали на Анненской ленте: имеющий награду 3-й степени — к серебряной шейной на Владимирской ленте: 2-й степени — к золотой шейной на ленте ордена Александра Невского. Наконец, имевший высшую, 1-ю степень солдатского Георгия мог получить сразу высшую категорию медали «За усердие» — золотую шейную на Андреевской ленте.

[11] ЦГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 23584, л. 53.

[12] Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. — Том первый. — М.: Художественная литература, 1950. — С. 407.

Пометки свои Николай II сделал действительно карандашом, а в остальном все было совсем не так. На предложенном для рассмотрения рисунке изображалось два варианта лицевой стороны и пять — оборотной стороны проектируемой медали. Император поставил крест рядом с одним из вариантов лицевой стороны (лучезарное всевидящее око, ниже даты «1904 — 1905»), который, будучи таким образом утвержден, перешел и на металлический образец. Парный к лицевой стороне рисунок оборотной стороны медали царь перечеркнул тем же карандашом, а в верхней части листа начертал: «Да вознесет вас господь в свое время», что и стало текстом медали [13]. Таким образом, развеивается легенда о нерешительности царя и излишней услужливости канцеляристов, а одновременно и о смелой независимости суждений самого А. А. Игнатьева.

Сохранилась записка, составленная лично Николаем II, в которой определяется порядок награждения медалью за войну с Японией. В ней сказано:

«В память Японской войны 1904 — 1905 гг. учредить медали трех категорий:

1) серебряная — для защитников Порт-Артура,

2) светло-бронзовая — для всех участников кампании, бывших в сражениях,

3) темно-бронзовая — для всех, не принимавших участия в боях, но бывших на Дальнем Востоке в районе военных действий» [14].

Эта записка стала основой указа от 21 января 1906 года [15].

Численность русской армии к концу войны составляла около 800 тыс. человек. Вместе со вспомогательными военными учреждениями насчитывалось более миллиона человек, которые могли претендовать на получение медалей в память войны 1904 — 1905 гг. Большое число имевших право на эту награду, а также отдаленность театра военных действий от центра привели к тому, что помимо официальной чеканки медали появились многочисленные ее воспроизведения кустарным способом — этим занимались различные мастерские и артели по всей России. Поэтому медаль за 1904 — 1905 гг. имеет особенно много разновидностей, часто весьма отклоняющихся от официально принятого рисунка. В частности, в собрании Государственного Исторического музея имеется экземпляр этой награды, надпись на котором сокращена: «Да вознесет вас господь» (без «в свое время»), что могло способствовать возникновению легенды об ошибке ретивых «канцеляристов», рассмотренной выше.

Подвиг «Варяга» и «Корейца», как мы знаем, был вскоре отмечен особыми высокими наградами. Не менее значительные заслуги гарнизона Порт-Артура уже во время обороны привлекли к себе внимание не только соотечественников, но и зарубежной общественности. По инициативе издателя парижской газеты «Эхо де Пари» Анри Симона во Франции была организована добровольная подписка, давшая 100 тыс. франков, на которые были приобретены почетная шпага для генерала Стесселя (тогда никто не предполагал, что вскоре он сдаст крепость, еще способную защищаться, и будет отдан за это под суд), подарок супруге генерала, модель храма-памятника генерал-лейтенанту Р. И. Кондратенко — герою обороны Порт-Артура, погибшему 2 декабря 1904 года и похороненному в следующем, 1905 году в Александро-Невской лавре в Петербурге, а также несколько тысяч специально отчеканенных во Франции медалей для награждения портартурцев. На одной стороне медали изображен лев — символ львиной храбрости русских воинов, на другой — фигура русского солдата. Изготовлено было 2000 серебряных позолоченных медалей для офицеров, 6000 таких же серебряных, но без позолоты для унтер-офицеров и 30 тыс. бронзовых для рядовых [16]. Носиться награда должна была на многоцветной ленточке, в центре которой проходила широкая полоса голубого цвета, а по обоим краям — узкие полоски синего, белого и красного цветов и еще одна полоса, несколько шире, снова белая. На этой медали среди прочих надписей оказалась фамилия Стесселя, что, по преданию, дало повод русскому правительству запретить ношение награды.

О своем, российском знаке отличия для участников обороны Порт-Артура у руководства государства возникла мысль в 1907 году. Предполагалось учредить крест (с эмалевым центральным медальоном — для офицеров и без эмали — для нижних чинов) с надписью на четырех лучах креста: «За оборону Порт-Артура» и с проходящими через центр скрещенными мечами. Но этот проект тогда утвержден не был, хотя и были изготовлены дошедшие до нас пробные экземпляры награды. Мо-

[13] ЦГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 23584, л. 53.
[14] Там же, л. 52.
[15] Приказ по военному ведомству 1906 г. — № 41; Полное собрание законов Российской империи. — Собр. 3-е. — № 27284.
[16] ЦГВИА, ф. 970, оп. 3, д. 1204, л. 41.

тивировалось это тем, что у портартурцев уже есть особая награда в виде серебряной медали, которую, кроме их, в этом металле не давали никому.

Все же в 1914 году, к 10-летиему юбилею защиты крепости, вернулись к этому вопросу, и 14 января 1914 года Николай II утвердил нагрудный знак, который должен был вручаться всем портартурцам, бывшим в осаде с 26 января по 1 мая 1904 года, а также выбывшим до 1 мая, но принимавшим активное участие в боях за Порт-Артур. Для офицеров крест изготавливался из оксидированного серебра. В середине в круглом медальоне изображение «штерншанца» — шестиугольной бастионной крепости, в центре которой на белой эмали черный эмалевый броненосец. На горизонтальных лучах: «Порт-Артур». Крест положен на два меча рукоятками вниз. Нижним чинам такой же крест давался изготовленным из недрагоценных металлов, без эмали.

19 января 1906 года императором было утверждено Положение о медали Красного Креста, учрежденной Российским Обществом Красного Креста. Право получения медали за заслуги перед отечественным Красным Крестом (но не за пожертвования) было распространено на военнослужащих. Так как награда выдавалась не от имени императора, изготавливалась она не на государственном Монетном дворе, а частными фирмами. Чеканилась медаль из серебра в двух размерах: диаметром 25 и 28 мм. На лицевой стороне изображен эмалевый Красный Крест (это единственный случай использования эмали при изготовлении наградных медалей), на оборотной — надпись по кругу: «Русско-японская война» и в центре дата — «1904 — 1905». На всех экземплярах стоит пробирное клеймо, свидетельствующее, что награда сделана не официальным государственным предприятием — Монетным двором, а частной фирмой. Носилась она на красной ленте ордена Св. Александра Невского на груди после медали за участие в войне 1904 — 1905 гг.

Специальной медалью было отмечено событие войны с Японией, закончившееся катастрофой, — полукругосветный поход 2-й Тихоокеанской эскадры с Балтики на Дальний Восток под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского.

Автором медали являлся известный скульптор академик П. Г. Стадницкий. Штемпели для чеканки награды были вырезаны в июне 1907 года, а в начале июля поступила просьба из Главного Морского штаба об изготовлении 5500 медалей.

В сентябре 1907 года заказ был выполнен. На одной стороне медали изображалась географическая карта Восточного полушария с обозначением пунктирной линией пути следования эскадры Рожественского. На другой стороне — морской якорь, по сторонам — даты похода: «1904 — 1905». Носилась награда на ленте из трех равных полос — белой, оранжевой и черной [17].

В заключение несколько строк о награде, происхождение и предназначение которой до сих пор вызывают споры у исследователей. Речь идет о медали с изображением на лицевой стороне вензеля Николая II; на оборотной с надписью «За поход в Японию», датой «1904—1905» и комбинацией из якоря и скрещенных шашки и винтовки. Медаль эта изготавливалась и из серебра, и из бронзы, всегда частной работы, а не государственной чеканки. По композиции обеих сторон она копирует известную медаль «За поход в Китай» — награду русским воинам, участвовавшим в 1900 — 1901 гг. вместе с войсками других империалистических государств в подавлении так называемого «боксерского» восстания.

Но если эта «японская» медаль была задумана действительно как награда, то как же могли различать ее и медаль за поход в Китай? Ведь лицевая сторона, которой награда должна быть обращена при ношении к зрителю, у обеих из них совершенно одинакова. В истории русской медалистики известен лишь один случай массовой выдачи двух медалей с одинаковым аверсом (вензель Александра I) — награды за поход в 1809 году в Швецию двух русских корпусов, шедших одновременно по разным дорогам. Но тогда оба русских отряда выполняли общую задачу, а обозначение конкретного пути каждого из них помещалось на реверсе. Особая расцветка ленты (которой мы не знаем) как единственное отличие от «китайской» медали вряд ли возможна. Вызывает сомнение и другая версия — медаль «За поход в Японию» изготовлена как насмешка над печальными для России результатами войны 1904—1905 гг. Поэтому, обращая внимание читателя на этот памятник, мы вынуждены оставить вопрос открытым.

В. А. ДУРОВ

---

[17] Цвета дома Романовых, на протяжении XIX — начала XX столетия соперничавшие с цветами бело-сине-красного российского флага, имевшего больше оснований считаться «национальным».

«ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЕ...»

В РЕДАКЦИЮ поступают письма от читателей с просьбами помочь разобраться в обилии информации, буквально захлестнувшей органы советской печати, дающие различные, порой противоречивые оценки потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне, ставящие под сомнение величие подвига нашего народа. Вот, например, одно из них.

«Уважаемые товарищи! Посылаю вырезку из «АиФа», — пишет В. В. Швецов из г. Асбеста Свердловской области. — Прокомментируйте, пожалуйста. Что-то у меня вызывает сомнение эта писанина. Сам я служил в авиации и кое-что видел. Надеюсь, ваш журнал даст правдивую информацию».

В дни празднования 45-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне редактор «Военно-исторического журнала» капитан 2 ранга В. Ф. ПАТРУШЕВ встретился с доктором исторических наук, профессором генерал-майором авиации И. В. ТИМОХОВИЧЕМ, участником Великой Отечественной войны, и попросил его ответить на интересующие читателей вопросы.

— Иван Васильевич, в последнее время в различных советских изданиях появилась серия публикаций, посвященных теме прошедшей войны. «Аргументы и факты», например, пишут: «...мы хорошо знаем, что лучшие советские летчики-асы И. Кожедуб и А. Покрышкин сбили в воздушных боях один — 62, а другой — 59 самолетов противника. Были у нас и другие высококлассные воздушные бойцы.

Но и в составе люфтваффе были асы: скажем, на счету Эриха Хартманна 352 сбитых самолета противника (из которых 347 советских), Герда Баркхорна — 301 самолет, Эриха Рудорфера — 222. 104 пилота германских ВВС сбили более 100 самолетов противника каждый.

Из 45 тыс. потерянных во время воздушных боев советских самолетов 24 тыс. были сбиты 300 немецкими летчиками». При этом «АиФ» ссылаются на данные, заимствованные из статьи У. Вольфа «Легенды люфтваффе», опубликованной несколько лет назад в журнале американской пилотской ассоциации. Каково ваше мнение по данному вопросу?

— Прежде чем отвечать на поставленный вопрос, хочу отметить, что данная статья в это время опубликована не случайно. Ряд печатных изданий нашей страны своеобразно встретил 45-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, напечатав очернительные материалы о героической борьбе советского народа против фашизма.

В «Комсомольской правде», например, появилась статья «Украденная победа». Ее авторы Александр Афанасьев и Геннадий Бордюгов беспардонно искажают историю Советского государства и его Вооруженных Сил, принижают роль и значение победы над гитлеровской Германией, порочат доброе имя русского солдата-победителя. В праздничный день 9 Мая «Московский комсомолец» поместил обширный материал под названием «И шли они, смерть презирая» о штрафниках и спецлагерях НКВД, как будто штрафные роты и батальоны внесли решающий вклад в победу и выиграли войну. По-своему отметил День Победы «Огонек». На страницах праздничного номера редакция поместила тенденциозно подобранные фотографии из немецкого архива. На снимках изображено: гитлеровский солдат бьет палкой по голому заду русского мужика в валенках; на фоне портрета Сталина два командира Красной Армии мирно беседуют с фашистскими офицерами, здесь же на полу, видимо, штабного помещения валяются какие-то бумаги; Гитлер с группой солдат, получивших железные кресты; фашистские вояки весело отдыхают и самоотверженно ведут боевые действия; большая группа советских военнопленных в окружении немецкого конвоя и т. п.

При ознакомлении со всем этим чтивом у читателя невольно возникают вопросы: на чью мельницу льют воду эти органы печати, кому служат? Ведь как бы ни старались сочинители сомнительных, дурно пахнущих пасквилей, им не удастся одурачить советских людей, опорочить великий подвиг нашего народа в минувшей войне, очернить и оплевать все то доброе, что было в истории Советского государства и его Вооруженных Сил.

Примерно такую же цель и направленность имеет и заметка, напечатанная в «Аргументах и фактах». Ее автор, как и редакция, не утруждал себя изучением архивных материалов, анализом конкретных исторических событий. Полагаясь лишь на «легенды германских люфтваффе», в погоне за сенсациями они приводят непроверенные, далеко не точные данные о результатах воздушных боев немецких асов. Замысел, видимо, был один: показать несведущему читателю, что подлинными героями воздушных сражений были не прославленные советские летчики И. Н. Кожедуб, А. И. По-

крышкин и другие, а немецкие —Хартманн, Баркхорн, Рудорфер, на счету которых по триста и более сбитых самолетов.

Именно поэтому статья вызвала поток писем с вопросами. Особенно возмущаются летчики, ветераны войны, которые знают цену победы в воздухе. Отвечая на них, сразу же оговорюсь, что в годы второй мировой войны выросло много мастеров воздушного боя — асов. Среди летчиков-истребителей высокого класса, одержавших десятки побед в воздушном пространстве, были не только немцы, но и англичане, и американцы. Было много замечательных мастеров воздушного боя и в составе Советских ВВС — И. Н. Кожедуб, А. И. Покрышкин, А. В. Ворожейкин, Д. Б. Глинка, Н. Д. Гулаев, К. Е. Евстигнеев, А. Ф. Клубов, А. И. Колдунов, Г. А. Речкалов, М. Н. Скоморохов и др.

Конечно, асы разных стран воевали не в одинаковых условиях. Они сражались против различного противника, в различной воздушной обстановке, имея различные средства борьбы, что не могло не отражаться на результативности боевых действий. Кроме того, в ВВС разных стран была принята своя методика подсчета побед в воздушном бою, что также влияло на «лицевой счет» сбитых самолетов каждого летчика.

Давайте обратимся к данным, приведенным в вышеуказанной заметке, рассмотрим конкретные примеры.

Известный советский ас И. Н. Кожедуб прибыл в действующую армию в марте 1943 года, а стал активно участвовать в боях лишь начиная с Курской битвы. Фактически он воевал год и десять месяцев. Совершив за это время 326 боевых вылетов, Иван Никитович лично сбил 62 вражеских самолета (в это число не входят самолеты, уничтоженные в групповых боях с участием Кожедуба). Названные же немецкие летчики сражались в общей сложности от пяти до шести лет, включая войну в Испании, т. е. в 3—4 раза дольше. Поэтому если число сбитых И. Н. Кожедубом самолетов умножить на 3—4, то тоже получится внушительная цифра.

Анализ показывает, что немецкие асы собирали «богатый урожай» сбитых самолетов главным образом в первые годы войны, когда вели боевые действия против слабого, недостаточно опытного противника: в кампаниях против Польши, Бельгии, Голландии, Норвегии, Франции, Греции и Югославии, а также в первый период Великой Отечественной войны против Советского Союза. Обладая большим боевым опытом, полученным в Испании, имея на вооружении более совершенные самолеты-истребители («Мессершмитт-109», а в дальнейшем «Фокке-Вульф-190»), они свободно чувствовали себя в воздухе, подчас без серьезных усилий расправлялись с противником. Польские, бельгийские, норвежские и французские боевые машины значительно уступали немецким в скорости, маневренности и вооружении. И естественно, летчики указанных стран не могли успешно вести воздушные бои с фашистскими стервятниками.

В благоприятной обстановке действовала немецкая авиация и на советско-германском фронте в первый год войны. Хотя к 22 июня 1941 года Советские ВВС численно превосходили противника (ВВС западных округов насчитывали более 7000 самолетов, а немецкие авиагруппировки — 4980), они значительно уступали ему в качестве самолетного парка и в боевом опыте. Советские летные части на 80 проц. были вооружены устаревшими самолетами. Нашим летчикам-истребителям пришлось сражаться преимущественно на боевых машинах И-16 и И-153, имевших максимальную скорость 450—460 км/ч, в то время как скорость Ме-109 достигала 570 км/ч. На стороне вражеских истребителей было также превосходство в вооружении и скороподъемности, что в значительной мере предопределяло успех воздушного боя. Наши бомбардировочные полки были оснащены машинами СБ, ТБ-3 и др., которые отличались малой скоростью полета и слабой живучестью, что послужило причиной их больших потерь. Самолетов же новых типов, позволявших советским летчикам сражаться на равных с врагом, было тогда еще мало.

Особенно крупных результатов достигла немецко-фашистская авиация в первые дни Великой Отечественной войны. Воспользовавшись фактором внезапности и низкой боевой готовностью ВВС приграничных округов, она уничтожила 22 июня 1941 года 800 самолетов на аэродромах и 400 — в воздушных боях. Большинство истребительных авиационных полков, вооруженных новыми современными самолетами Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, было разгромлено на земле. В последующие дни, наращивая удары, вражеские эскадры вывели из строя до 30 июня 3143 советских самолета и на главных направлениях захватили господство в воздухе. К 1 декабря 1941 года численность Советских ВВС действующей армии сократилась до 2238 самолетов.

Однако расчеты гитлеровского командования на легкую и быструю победу не оправдались. Врагу не удалось разгромить всю советскую авиацию и подавить волю наших летчиков к сопротивлению. Несмотря на критическую ситуацию, советские летчики смело вступили в борьбу, проявляя беспредельный героизм. Даже в первый, самый трагический день войны они совершили около 6000 боевых самолето-вылетов и сбили в воздушных боях 200 немецких самолетов [1]. Многие летчики-истребители, сражаясь на устаревших самолетах, шли на таран ради уничтожения фашистских бомбардировщиков. Только 22 июня тараны применили Л. Г. Бутелин, С. М. Гудимов, А. С. Данилов, И. И. Иванов, Д. В. Кокорев, А. И. Мокляк, А. С. Протасов, И. С. Рябцев.

Бывшие фашистские генералы и офицеры в книге «Мировая война, 1939—1945 годы», вышедшей в Западной Германии, вынуждены были признать, что, «несмотря на достигнутую немцами внезапность, русские сумели найти время и силы для решительного противодействия... Потери немецкой

[1] ЦАМО СССР, ф. 35, оп. 11285, д. 296, л. 71.

Таблица 1

БОЕВЫЕ ПОТЕРИ В ЛИЧНОМ СОСТАВЕ НЕМЕЦКИХ ВВС
(только летный состав)

Периоды	Боевые потери		Пропавшие без вести и пленные
	Убитые	Раненые	
1.8.1939 г. — 22.6.1941 г.	5 525	3 074	4 416
22.6.1941 г. — 31.12.1943 г.	9 885	8 227	15 268
1.1.1944 г. — 31.12 1944 г.	7 837	5 278	6 439
1.1.1945 г. — 28.2.1945 г.	618	446	877
Итого:	23 865	17 025	27 000

Всего боевые потери составили: 67 890 летчиков

авиации не были такими незначительными, как думали некоторые»[2].

— Итак, в начале войны Советские ВВС потеряли около 2/3 боевых самолетов. А как развивались события в дальнейшем, когда на вооружение нашей авиации стала поступать новая боевая техника?

— По мере поступления на вооружение Советских ВВС более современных самолетов (истребители Як-7б, Ла-5, Ла-7, бомбардировщики Пе-2, Ту-2, штурмовики Ил-2), увеличения их численности, благодаря росту боевого мастерства наших летчиков усиливалось сопротивление врагу в воздухе, снижалась результативность боевых действий немецких летчиков, в том числе и асов. Постепенно воздушная обстановка стала меняться в нашу пользу. В битвах под Москвой, Сталинградом, Курском, в воздушном сражении на Кубани германским ВВС было нанесено тяжелейшее поражение, истреблены лучшие летные кадры люфтваффе. Летом 1943 года советские летчики завоевали стратегическое господство в воздухе, которое безраздельно удерживали до конца войны.

«С 1943 года, — писал немецкий генерал Курт Типпельскирх, — уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий»[3]. Генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг с сожалением отмечал, что «по мере приближения конца войны все реже появлялись в небе немецкие самолеты. Немецкая авиация была уже уничтожена»[4].

Слова Кессельринга подтверждают архивные статистические данные. Если в 1942 году фашистская авиация ежемесячно в среднем совершала на советско-германском фронте 41 тыс. самолето-пролетов *, то в 1945 году — в 2,6 раза меньше[5].

С завоеванием советской авиацией господства в воздухе резко возросли потери авиации противника. По сравнению с началом войны численность люфтваффе на советско-германском фронте к 1 июля 1943 года уменьшилась на 40 проц.[6].

— Существуют ли документальные данные о потерях немецких ВВС?

— О потерях авиации во второй мировой войне дают представление германские архивные источники, помещенные в упомянутой уже нами книге «Мировая война, 1939—1945 годы». Из табл. 1 видно, что в кампаниях первого периода второй мировой войны (1.9.1939 г. — 22.6.1941 г.) потери летного состава ВВС Германии были сравнительно небольшими (5525 человек убитыми, 3074 ранеными, 4416 пропавшими без вести). После нападения на СССР они резко возросли. С 22 июня 1941 года по 31 декабря 1943 года германские ВВС лишились 9885 летчиков убитыми, 8227 ранеными и 15 268 пленными и пропавшими без вести. Как известно, в этот период на советско-германском фронте шла ожесточенная борьба за господство в воздухе в битвах под Москвой, Сталинградом и Курском, осуществлялись другие крупнейшие операции, где гитлеровское командование сосредоточивало главные усилия своей авиации. Ведь до открытия союзниками второго фронта в Европе было еще далеко.

В 1944 году, когда Советские Вооруженные Силы проводили 10 стратегических наступательных операций, а союзные армии — Нормандскую десантную операцию, люфтваффе потеряли: убитыми — 7837 летчиков, ранеными — 5278 и пленными (пропавшими без вести) — 6439. На завершающем этапе войны урон летного состава немецкой авиации заметно снизился, что объясняясь резким уменьшением численности ВВС Германии. С 1 января по 28 февраля 1945 года люфтваффе потеряли: убитыми — 618 летчиков, ранеными — 446, пленными и пропавшими без вести — 877.

[2] Мировая война. 1939—1945 годы. — М.: Изд-во иностранной литературы. 1957. — С. 472.

[3] Типпельскирх К. История второй мировой войны: Пер. с нем. — М.: Изд-во иностранной литературы. 1956. — С. 484.

[4] История второй мировой войны. Сборник статей: Пер с нем — М: Изд-во иностранной литературы, 1957. — С. 210.

* Самолето-пролет — самолето-вылет, связанный с пересечением линии фронта.

[5] ЦАМО, ф. 35, оп. 73965, д. 4, л. 173.

[6] Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Воениздат, 1968. — С. 439.

ПОТЕРИ В САМОЛЕТАХ НЕМЕЦКИХ ВВС

(учтены повреждения от 10-процентного до полного уничтожения самолета)

Период	Бомбардировщики	Штурмовики	Истребители всех типов	Всего	Основные театры и периоды военных действий
1.9.1939 г. — 9.5.1940 г.	491	61	385	937	Польша, война на [illegible] Норвегия
10.5.1940 г. — 1.7.1940 г.	635	147	457	1 239	Франция, Норвегия
1.7.1940 г. — 1.4.1941 г.	1972	263	1 850	4 085	Средиземное море, Балканы, «Битва за Англию»
1.4.1941 г. — 28.6.1941 г.	1000	160	1 000	2 160 *	Балканы, Англия, начало войны с Россией
29.6.1941 г. — 30.6.1942 г.	3601	769	4 159	8 529	Летняя и зимняя кампании в России, действия на Средиземном море, борьба с конвоями у берегов Норвегии
1.7.1942 г. — 31.12.1942 г.	2006	452	2 782	5 240	Кавказ, Сталинград, Африка (Тунис), борьба с конвоями у берегов Норвегии
Итого за 40 месяцев	9705	1852	10 633	22 190	
1.1.1943 г. — 1.7.1943 г.	2127	718	4 470	7 315	Борьба за господство в воздухе над территорией Германии ***
1.7.1943 г. — 31.12.1943 г.	2794	1195	6 191	10 180	Отступательные операции в России и Италии, наступление под Орлом
Итого за 12 месяцев	4921	1913	10 661	17 495	
1.1.1944 г. — 31.3.1944 г.	1407	542	3 900	5 849	Высшая точка развертывания борьбы за господство в воздухе над территорией Германии
1.4.1944 г. — 30.5.1944 г.	1228	679	3 902	5 809	Италия, Россия
Итого за 5 месяцев	2635	1221	7 802	11 658	
1.6.1944 г. — 31.8.1944 г.	1874	1345	7 855	11 074	Заключительный этап борьбы над территорией Германии, на Восточном и Западном фронтах; наступление в Арденнах
1.9.1944 г. — 31.12.1944 г.	788	1056	7 704	9 548	
Итого за 7 месяцев	2662	2401	15 559	20 622	
Общий итог за 64 месяца **	19 923	7387	44 655	71 965	

* Цифра 2160 является расчетной; более точных данных за этот период в имеющихся источниках нет.

** По данным генерал-квартирмейстера за 1939—1944 гг.

*** Потери на советско-германском фронте, по всей видимости, тоже входят в это число.

Всего, по данным из вышеуказанной книги, немецкие ВВС с начала второй мировой войны до конца февраля 1945 года потеряли 67 890 человек летного состава. Урон же самолетного парка за 64 месяца войны (1.9.1939 г. — 31.12.1944 г.) составил 71 965 боевых машин (табл. 2).

Как видим, в ходе войны численность и боевая мощь германских ВВС быстро падала. Гитлеровское командование не успевало восполнять боевые потери, особенно в летных кадрах. Слава немецких асов, показавших высокие результаты в первые годы войны, заметно поблекла. Снизились их морально-боевые качества. Дрались они уже менее уверенно, чаще стали уклоняться от боя с опытными советскими летчиками, имевшими на вооружении новые современные самолеты. Нередко гитлеровские истребители, спасая свою жизнь, бросали сопровождаемые ими бомбардировщики. Генерал-фельдмаршал А. Кессельринг признает, что в последние два года войны заметно усилилась утомленность германского летного состава и снизилось его боевое мастерство[7].

В Берлинской, финальной операции войны гитлеровское командование все поставило на карту, чтобы улучшить воздушную обстановку. Сюда привлекались лучшие летные кадры, наиболее боеспособные соединения и части, в том числе вооруженные 120 новейшими реактивными истребителями Ме-262, развивавшими скорость 875 км/ч и оснащенными четырьмя 30-мм пушками. И что же? В ожесточенном воздушном сражении советские летчики, проведя 1317 воздушных боев, сбили 1132 вражеских самолета[8].

— Как оценивалась эффективность воздушных боев в советских ВВС и люфтваффе?

— К сожалению, мы не располагаем точными данными об эффективности боев персонально каждого немецкого аса. Общая же статистика свидетельствует о постепенном снижении результативности боевых действий люфтваффе. Если в 1941 году на один потерянный нами самолет приходилось 32 самолето-вылета Советских ВВС, то в 1943 году — 72, в 1944 году — 105, а в 1945 году — 165[9]. У немцев, наоборот, если в 1942 году на один потерянный самолет приходилось 25,5 самолето-пролета, то в 1943 году — 22, в 1944 году — 14,7, а в 1945 году — 11.

Что касается огромной разницы в количестве самолетов, сбитых советскими и немецкими асами, то она прежде всего объяснялась различием методик оценки результативности воздушного боя. В Советских ВВС самолет противника считался сбитым в том случае, если доклад летчика о победе подтверждался свидетельствами других участников воздушного боя и подкреплялся информацией наземных наблюдателей. В дальнейшем ходе войны эти сведения еще дополнительно контролировались фотоаппаратурой, установленной на самолетах и фиксировавшей попадания снарядов в самолет противника. В ВВС Германии за основу принимались данные фотопулеметов. Между тем известно, что не всякое попадание пуль и снарядов даже в жизненно важные части машин заканчивалось уничтожением самолета. Практика показывает, что многие летчики на поврежденных машинах возвращались на свои базы и после ремонта снова вылетали на задания, хотя эти самолеты были зафиксированы немцами как сбитые.

Кроме того, мы вели отдельный подсчет самолетов, сбитых летчиками как лично, так и в групповом бою. У немцев же такого разделения не было. Все самолеты, сбитые в группе, записывались на лицевой счет командира группы, руководившего воздушным боем. Командирами же таких групп (звеньев, эскадрилий), как правило, являлись опытные асы, которые таким образом набирали себе «очки».

Наконец, есть данные, что в германских ВВС, чтобы стимулировать действия летчиков в борьбе с бомбардировочной авиацией, которая представляла наибольшую угрозу для немецких военных и промышленных объектов, велся подсчет сбитых самолетов по количеству моторов. Так, за уничтоженный в воздухе истребитель противника летчику записывалась одна победа, а за сбитый бомбардировщик — две—четыре, в зависимости от количества имевшихся на нем моторов. Все это в конечном итоге оказывало влияние на общий подсчет самолетов, сбитых немецкими асами.

Следовательно, в поиске исторической правды надо руководствоваться не рекламными сенсационными данными, а проверенными документальными материалами, основанными на подлинных фактах и цифрах. Анализ же информации, представленной еженедельником «АиФ», показывает, что данные о сбитых немецкими асами самолетах находятся далеко от реальности.

Сейчас появилось немало «специалистов» в области истории, которые готовы доказывать, что война для немцев была своего рода прогулкой по полям СССР. В частности, такие издания, как «Дружба народов», «Политическое самообразование», пытаются представить, будто только Советский Союз нес колоссальные потери, стараются как можно чернее изобразить наши ошибки, промахи, неудачи. Да, конечно, все это было. Но было это и у противника. Не случайно он понес сокрушительное поражение.

[7] Итоги второй мировой войны.— С. 207.
[8] Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.— С. 440.
[9] Там же.— С. 440.

Внимание! Провокация!

Пора бы и честь знать! До глубины души возмущен публикацией на с. 62 «ВИЖа» № 4 за 1990 г.! Фактически правдивый и перестроечный журнал «Огонек» сравнивается с «РОА», т. е. поставлен знак равенства между коммунистом Коротичем и предателем Власовым. Не хватили ли вы через край?! Из научного, я бы сказал, умного журнала «ВИЖ» превратился в злобный бульварный журнальчик с сугубо сталинским направлением.

Нападки на армию отчасти справедливы, и армия сама в этом виновата. Одна «дедовщина» чего стоит. До сих пор сотни, тысячи наших детей подвергаются унижениям, кончают с собой. Тысячи генералов живут, как при коммунизме. Достаточно посетить пригороды Москвы, Ленинграда, Киева, чтобы увидеть десятки особняков генералов, а построены они на наши народные деньги. И служат «слугами» при них наши русские солдаты. Не советские, а именно — русские! Сауны, охотничьи домики, спецдачи при санаториях и т. п. и т. д. Известно ли «ВИЖу», что в нашей армии генералов больше, чем во всем остальном мире? Для чего? Все это висит ярмом на шее народа.

Оскорбляя кристально чистого человека — А. Д. Сахарова, вы оскорбляете всех честных людей нашей страны. Я не поленился и опросил 73 старших офицеров об их отношении к Сахарову, 71 высказался положительно. Стыдно, «ВИЖ»! И зачем довольно тенденциозная рубрика «Нам пишут»? Уверен, что мое письмо вы не опубликуете. Стыдно! Уверен, что вы, гражданин главный редактор, — генерал и, судя по публикациям, в солидном возрасте, т. к. нет в журнале свежих мыслей, дискуссионных вопросов о будущем армии, ее полит-органов, об армиях НАТО, нет глубокого исторического анализа применения нашего оружия в войнах в 1950—1980 гг. Нет истории событий на КВЖД 1929 г., на Хасане. Очень поверхностно дана история советско-финляндской войны.

Армия уже не та, что была год назад, армия кипит, как вся страна, а вы же мыслите старыми категориями. И семьям офицеров живется даже хуже, чем семьям гражданских. Популярность армии падает, и даже вы приложили к этому руку вот такими публикациями, как оскорбительные статьи в адрес русских людей. Вы расшатываете фундамент России. Офицеры моего соединения не удовлетворены вашими публикациями. Вы отстали от жизни.

Честь имею

Полковник АСТОХОВ
командир в/ч 23891

ОТ РЕДАКЦИИ: Не правда ли, таких писем, как это, сегодня во множестве можно прочитать в иных газетах и журналах. Мы тоже решили не отстать от этих иных газет и журналов и опубликовать письмо на страницах нашего журнала. Письма читателей — мнение масс или, как любят выражаться иные газеты и журналы, общественное мнение страны. Раньше говорили — мнение народа. Однако перед тем, как печатать это письмо, мы, как водится в советской печати, поинтересовались: есть ли автор у этого письма, а если есть, не хотел ли бы он что-нибудь добавить к сказанному? Чувствовалось, очень уж наболело у человека на душе. Но тут у нас произошла заминка: не оказалось в Ленинградском военном округе воинской части с указанным номером и нет в Ленинграде по указанному адресу такого дома и такого жильца. На днях получили такое же злобное письмо от капитана 1 ранга Семенова из Севастополя. Проверили. История повторилась: и фамилия вымышленная, и адрес ложный.

Демократическая печать оскорбляется — армия, мол, сама себя чернит. И печатает вот такого рода пасквили. Мы же каемся перед нашими читателями, однажды мы опубликовали такое же грязное и провокационное письмо за подписью студента Шишкина из Алтайского университета. Грязное и провокационное письмо об армии, каким сегодня ежедневно наполнены страницы «демократической печати». И что же, оказалось, что письмо поддельное, никакой Шишкин ничего подобного не писал. И хочется в этой связи спросить: так организовано или нет очернительство армии?

Уважаемая редакция, сообщаю, что мной заявлен **протест журналу «Новое время»**. Я послал им письмо с замечаниями по поводу выступления генерала Филатова В. И. против «Огонька», и так как там писалось о США и др., то письмо я послал в журнал «Новое время». Оно опубликовано в «Новом времени» (№ 32, с. 3) сокращенно, но **смысл искажен, слова не мои**. В моем письме слов: «читал.., но не понял...», «Сафронов, не Софронов», «не будем спорить о популярности «Огонька» и др.— **не было совсем**. Редакция «НВ» их придумала. По этому поводу я послал им протест и сообщаю Вам, так как Вас это касается.

В. Р. СОКОЛОВ
(г. Москва)

Уважаемые читатели!

Одна из реалий нашей жизни — ее постоянное подорожание. Увы, теперь этот процесс коснулся и прессы. Газеты и журналы стали ощутимо дороже. Как ни печально — и «Военно-исторический журнал». Единственным утешением служит лишь то, что нам удалось добиться, чтобы урон бюджету наших подписчиков был не столь значительным, как этого хотелось бы некоторым ведомствам-монополистам. Цена одного номера возрастет не в два-три раза, как нам грозились, а приблизительно на 65 проц. — с 60 коп. до 1 руб. Годовая подписка, таким образом, будет стоить 12 рублей, на полгода — шесть. Однако мы отдаем себе отчет, что и это создает для большинства из вас серьезные материальные затруднения с подпиской. Поэтому редакция намерена сделать все от нас зависящее, чтобы оправдать новые затраты своих читателей и союзников, число которых за последние два года выросло почти в семь раз. Существует предварительная договоренность об увеличении объема «ВИЖа» на два печатных листа, а значит, расширятся возможности для публикации доселе закрытых в архивных хранилищах и практически никому неизвестных исторических документов. Среди них — материалы КГБ и военной разведки, с архивами которых у нас установились прочные рабочие контакты. Мы впервые обнародуем ряд трофейных документов, которые, надеемся, прольют свет на малоизвестные страницы минувшей войны.

Познакомим вас с рукописями наших друзей и врагов, участников многих важных и интересных событий. Завершим документальный очерк «Бериевщина». Под

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету / журнал 70137 (индекс издания)

Военно-исторический журнал
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на газету / журнал 70137 (индекс издания)

Военно-исторический журнал
(наименование издания)

Стоимость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	____руб.____коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

рубрикой «Форма одежды — мундир Отечества» продолжим рассказ об истории русского военного костюма, воинских наградах России, а также о работе военно-исторических клубов, в рядах которых все больше наших друзей.

Опубликуем главы из книги американского историка Р. Мэсси «Николай и Александра», впервые изданной в 1968 году в Лондоне и повествующей о последних российских царях, их детстве и воспитании, семье, быте, образе жизни, об их родственных связях и взаимоотношениях с европейскими монархами. Автор воссоздает панораму царствования Николая II, анализирует его роль и место в истории.

Намерены поместить разделы из выпущенной в 1922 году берлинским издательством книги «Всемирный тайный заговор», в которой содержатся «Протоколы сионистских мудрецов», комментарии к ним и версии об истории их создания.

Напечатаем отдельные главы гитлеровской «Майн кампф», посвященные России, планам завоевания «восточных земель». Готовим к публикации другие материалы на темы, подсказанные вами.

Уважаемые товарищи!

Подписка на «Военно-исторический журнал» принимается всеми отделениями связи и органами «Союзпечати» без каких-либо ограничений и на любой срок.

К сожалению, в розничную продажу журнал поступает в очень малом количестве, поэтому советуем подписываться на него заблаговременно. В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ОБЪЯВЛЕНИЯ, РЕКЛАМА, ИНФОРМАЦИЯ

В редакцию журнала обратились представители Института стратегических исследований им. Джона М. Олина Гарвардского университета (США) с просьбой оказать помощь в организации совместной работы советских и американских ученых в области исследования политических аспектов взаимоотношений между странами и народами в период после окончания «холодной войны».

Идя навстречу пожеланиям организаторов этого международного исследования, редакция со своей стороны призывает советских ученых принять в нем активное участие. Мы готовы оказать посильную помощь в осуществлении контактов с американской стороной и консультациями.

HARVARD UNIVERSITY CENTER FOR INTERNATIONAL AFFAIRS

JOHN M. OLIN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТАХ

«В поисках консенсуса: попытка примирить советские и американские представления в эпоху после «холодной войны».

Институт стратегических исследований им. Джона М. Олина при Гарвардском университете начинает работу (планируемую на несколько лет и поддерживаемую Фордовским фондом) над совместным исследовательским проектом, цель которого — поощрить советских и американских ученых в их стремлении обнаружить, подвергнуть оценке и попытаться примирить советские и американские представления о мире в период после «холодной войны». В связи с этим целью проекта является поддержка тех советских ученых, которые могли бы дать первоклассный социальный анализ, затрагивающий четыре ключевые области, непосредственно связанные с вновь сложившейся международной системой. Этими областями являются:

1. Политическое будущее Восточной Европы.
2. Контроль вооружения обычного типа и стабильность в Европе.
3. Сокращение вооружения и политическая экономика перехода военной промышленности на мирные заказы.
4. Новое определение интересов великих держав в странах третьего мира.

Нашей целью является объединить советские исследования с исследованиями на те же темы американских ученых для опубликования их в общем томе. Основным критерием при отборе работ для публикации будет тщательность анализа и ясность методологии. Предпочтение также будет отдано работам, основывающим анализ на еще не использованных архивных материалах или иных первоисточниках. Несмотря на то что каждый из вопросов, безусловно, подразумевает политический анализ, основное внимание должно уделяться широкому историческому и концептуальному содержанию работ.

Ученые, заинтересованные проектом, должны прислать краткое описание работы по-английски, не более чем на четырех машинописных страницах, центром внимания которого был бы один из упомянутых выше вопросов, по адресу:

CONSENSUS PROJECT COORDINATOR
JOHN M. OLIN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES
1737 CAMBRIDGE ST.
CAMBRIDGE, MA 02138
USA
TEL. (617) 495-4432
FAX: (617) 495-8292

Срок присылки такого описания — 1 января 1991 г. Из всех присланных описаний в каждой из четырех областей издатели выберут наиболее обещающие и в дальнейшем будут работать в контакте с авторами над полным текстом статьи. Авторы, чьи проекты будут выбраны, получат сначала небольшой гонорар в 200 долларов, а затем, после окончания статьи, еще 1300 долларов. Ученые, принимающие участие в проекте, должны следовать условиям и срокам, выработанным редакцией проекта «Консенсус».

СТРАНИЧКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В ПОЛИТИКЕ, как и в литературе, нет законов. Приходит Толстой и создает свой мир, свои законы. Приходит Достоевский — то же самое. Нельзя придумать всеобщую модель безопасности Европы. Каждая страна видит это из своего окошка. Объединенная Германия, как только произойдет окончательное слияние двух ее частей, на другой день заявит о модели своей безопасности. Бессмысленно спорить о том, кому должна принадлежать Германия — НАТО или Варшавскому Договору. В нужный для Германии момент она без долгих сборов выйдет из всех блоков. И начнет создавать свой блок. Для начала в него, возможно, войдут Венгрия, Чехословакия, Польша. Именно для этого Германии уже теперь нужна нестабильность в Европе и еще большая нестабильность в Прибалтике. Именно нестабильность бросит эти страны в объятия Германии. Этим будет положено создание все того же пресловутого желтого кордона на границах СССР. У каждого своя программа...

Германия сегодня собирает под свою крышу немцев из СССР и Румынии, Чехословакии и Латинской Америки... Чем больше их приедет сейчас в Германию, тем обоснованнее будет моральное право на требование новых земель за счет земель ближних и дальних. История не знает ни одного соглашения, которое бы не было нарушено. Все соглашения — это забава мидовских работников. Кстати, все войны начинали гражданские, т. е. бездарные, политики, военные их заканчивали. Есть исторический опыт. Есть логика событий. Вначале Германия объединялась. Потом она сталкивала лбами страны. Обзаводилась союзниками. И начинала поход...

Когда мы говорим о безблоковой Европе, мы расчищаем путь Германии, которая обязательно начнет делать из Европы немецкую Европу. Нельзя ничего придумать более неприемлемого для Германии, чем НАТО. В европейских столицах это отлично понимают. И я не удивлюсь, если Германия, выйдя из НАТО, попросится в Варшавский Договор, что и будет вариантом договора Сталин — Гитлер. И этот вариант в европейских столицах не исключают. Но это будет опять же все тот же желтый кордон, за которым Германия продиктует свои условия и Франции, и всем остальным, как в 1940 году.

Двусторонние и многосторонние связи не обсчитываемы, как и интересы отдельной страны или группы стран. Кажется, все решительнее взаимобезопасность всех будет пробивать себе путь через делегирование каких-то своих прав и свобод некоему центру. Два блока в Европе — есть два центра. Этим центрам и могли бы страны передать часть каких-то своих прав и забот в обмен на гарантии безопасности. Видимо, эта идея будет находить тем больше сторонников, чем более мощной будет становиться объединенная Германия. Как бы там ни говорили, но при двухблоковой системе Европа прожила без войн 45 лет. И атомное оружие нужно отдельно взятой стране только при внеблоковой Европе.

Двухблоковую систему можно было бы заменить на бицентристскую систему. Раз уж пока не получается всеобщего разоружения, то почему бы не начать разоружение всех стран, кроме США и СССР! Всемирной революции, о чем мечтали большевики, не получается. Не получается пока и всеобщее разоружение. Отдельно взятая страна может совершить самую невероятную революцию, но жизнь от этого не прекращается. Кстати, на планете уже есть страна, у которой отсутствует армия. Повторяю, если человечество еще в страхе начать разоружаться целиком, то почему не начать разоружаться всем, т. е. кроме США и СССР! При условии, что у США и СССР будет равенство военных сил. Известно, что с аудиторией в два человека проще договориться, чем с аудиторией в 150.

История повторяется, но всякий раз на качественно новом витке. Еще пятьдесят лет назад такие предложения были бы отвергнуты с порога, был бы усмотрен в них имперский раздел мира между двумя сверхдержавами. Сегодня это не может видеться так. Кому-то покажется, что я предлагаю миру двух жандармов. Дело, разумеется, не в названии. Людям нужен такой мир, в котором они чувствовали бы себя в безопасности и свободными от страха. Людям нужен такой мир, в котором бы они знали, что есть сила, которая их всегда защитит. Крыша всякого дома держится на матице, а матица — на двух столбах. Иными словами, надо оставить сегодня в мире, видимо, двух министров обороны, две армии и пусть каждая из стран заботу о своей обороне вверит тому министру, той армии из двух, которой она пожелает и поверит. А почему бы и нет! Это и будет называться общеевропейским процессом, глобальным процессом разоружения, реальным движением к всеобщему разоружению.

Но, кажется, мы обречены на второй круг истории...

Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

Крест за участие в обороне Порт-Артура.
Оборотная сторона медали для участников боя при Чемульпо.

Французская медаль для защитников Порт-Артура.

Медаль Красного Креста за русско-японскую войну 1904—1905 гг.

60 коп.

Индекс 70137

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626 9 1990 1-96

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается
всеми отделениями связи
и органами "Союзпечати" без каких-либо
ограничений и на любой срок.
В связи с тем что
розничная продажа журнала, к сожалению,
ограничена, советуем подписываться
на наше издание заблаговременно.
Подписная цена: на год – 12 р.;
на 6 месяцев – 6 р.
В случае отказа в подписке
просим сообщить в редакцию.

Сдача Портъ-Артура.

Сдача Порт-Артура.
Плакат периода русско-японской войны. Из фондов ЦГВИА.